

ПИОНЕР 4

1986

ПАМЯТНИК ИЛЬИЧУ

Помните второй номер «Пионера» за этот год? Он открывался фотографией, на которой был изображен памятник Владимиру Ильичу Ленину, установленный на Октябрьской площади в Москве.

Четвертый, апрельский номер журнала тоже открывается с фотографии памятника Ленину.

Сравните их. Монумент на Октябрьской площади в Москве, величественный и торжественный, изображает Ленина-вождя, Ленина-трибуна. Памятник, который мы видим сегодня, показывает нам Ленина-мыслителя, Ленина-философа.

Владимир Ильич склонился над тетрадью.

Что он пишет?

И где установлен этот памятник?..

...Июль 1917 года был переломным в развитии революции. Власть полностью оказалась в руках буржуазного Временного правительства. Контрреволюция с ожесточением обрушилась на партию большевиков. Многих партийных работников арестовали. Ленин должен был уйти в подполье.

В тридцати двух километрах от Ленинграда, на берегу озера Сестрорецкий Разлив, на покосных лугах, стоит шалаш из веток, прикрытых сеном. Рядом — стог. Возле шалаша — «кухня»: перекладина над кострищем. Неподалеку, среди зарослей, два чурбана, побольше и поменьше,— стол и стул.

Это и есть место, где скрывался от преследований Владимир Ильич.

Там и установлен памятник, который вы видите на фотографии. А вся территория вокруг — это территория Мемориального музея В. И. Ленина «Шалаш».

Тысячи людей, детей и взрослых, граждан Советского Союза и зарубежных гостей, приезжают сюда, чтобы засвидетельствовать безграничную любовь и уважение к вождю мирового пролетариата, чтобы яснее представить себе, в каких условиях неустанно работал Ленин, подготавливая социалистическую революцию.

Но Владимир Ильич в своем «зеленом кабинете» думал не только о восстании, не только о путях прихода большевиков к власти.

В книге «Государство и революция», над которой Ленин работал в Разливе, воплотились его мысли о путях развития небывалого еще, социалистического государства.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции большевистская партия начала строительство Советского государства, опираясь на марксистско-ленинское учение.

Прошло шестьдесят девять лет. Мы можем сказать теперь, что книга «Государство и революция» была великим предвидением...

На XXVII съезде КПСС принята новая редакция Программы Коммунистической партии Советского Союза.

В работе «Государство и революция» В. И. Ленин утверждал, что, уничтожив в ходе социалистической революции буржуазное государство, пролетариат должен установить свою диктатуру. Но, подчеркивал Ленин, пролетарское государство станет выражать интересы широчайших народных масс.

В новой редакции Программы партии записано, что, выполнив свою историческую миссию, диктатура пролетариата переросла в политическую организацию всех трудящихся, а пролетарское государство — в общенародное.

В работе «Государство и революция» В. И. Ленин показал решающую роль Коммунистической партии в завоевании и укреплении диктатуры пролетариата, в создании нового, социалистического строя, во всей жизни общества.

В новой редакции Программы партии записано, что на современном этапе стратегическая линия развития политической системы общества состоит в совершенствовании советской демократии, все более полном осуществлении социалистического самоуправления народа на основе повседневного, активного и действенно-

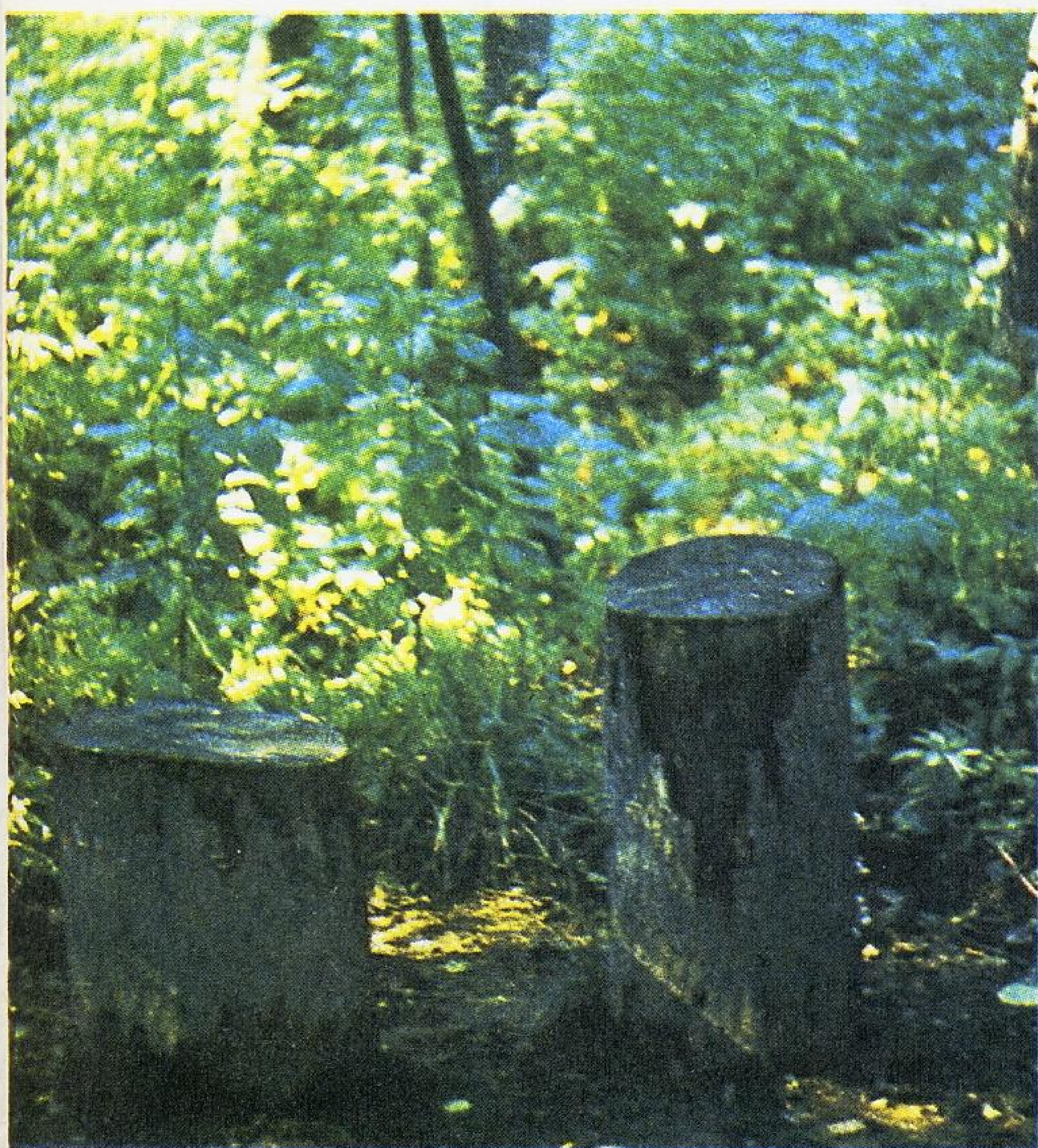
го участия трудящихся, их коллективов и организаций в решении вопросов государственной и общественной жизни. Ведущей силой этого процесса выступает партия — ядро политической системы советского общества... Всей своей деятельностью партия подает пример служения интересам народа, соблюдения принципов социалистического демократизма.

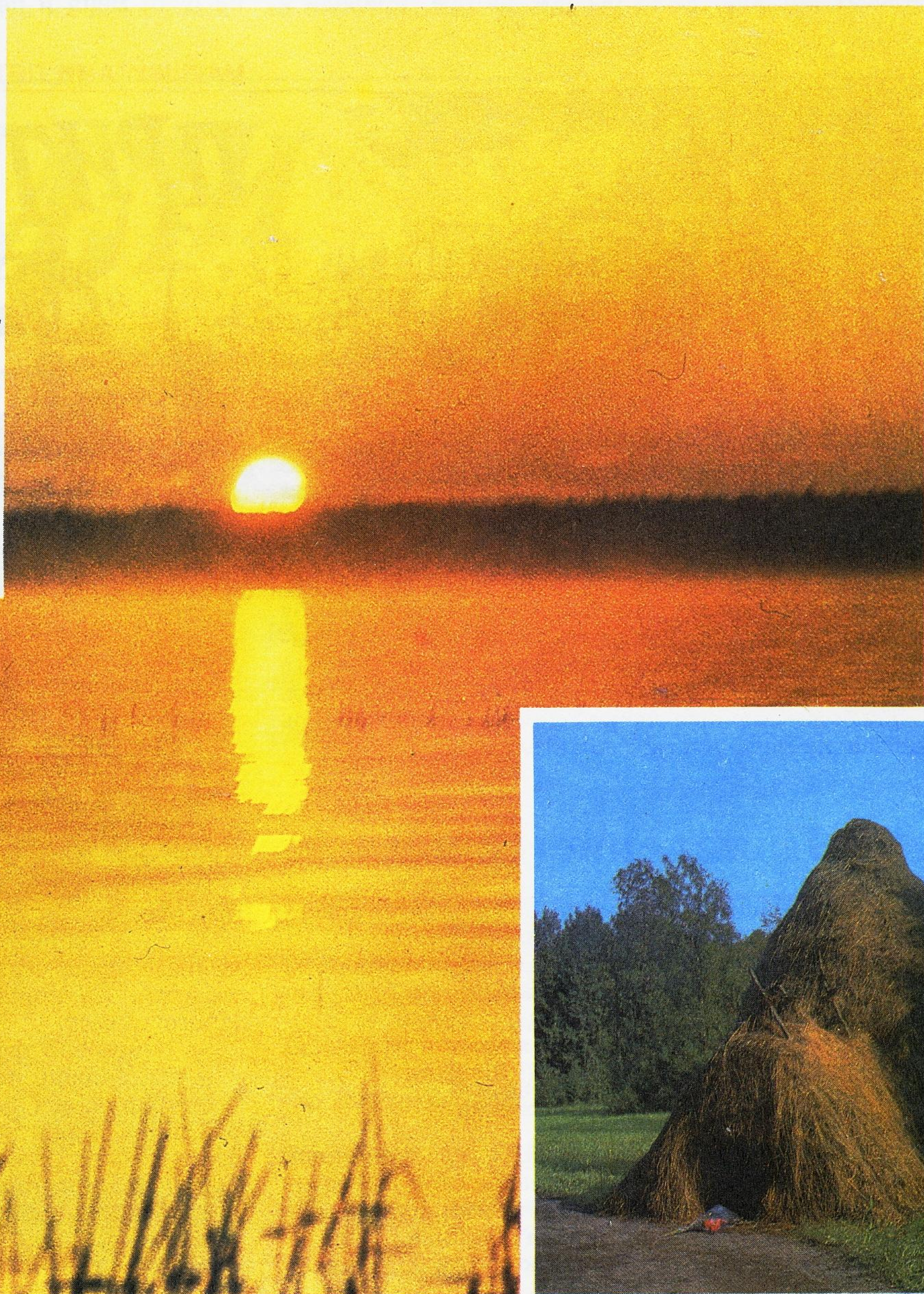
В работе «Государство и революция» В. И. Ленин разработал марксистское учение о социализме и коммунизме как двух фазах, которые проходит в своем развитии коммунистическое общество. Различие между социализмом и коммунизмом, подчеркивал Владимир Ильич, определяется степенью их экономической и культурной зрелости.

В новой редакции Программы партии записано, что в современных внутренних и международных условиях всесторонний прогресс советского общества, его поступательное движение к коммунизму могут и должны быть обеспечены на путях ускорения социально-экономического развития страны.

Вчитайтесь, вдумайтесь: предвидение Владимира Ильича осуществилось. Гением своим он сумел предсказать сегодняшний и завтрашний день Советского государства...

Советский народ любовно оберегает места, связанные с памятью о великом Ленине. Но самый лучший памятник вождю революции — наше социалистическое государство, которое трудом миллионов уверенно движется к коммунизму.

Однажды вечером...

Сухие березовые поленья занялись сразу, едва лизнули их первые робкие язычки огня. И зашумело высокое пламя в камине. Причудливые тени заплясали на покрытых темным деревом и белым мрамором стенах. Откуда-то заструилась музыка, и на одной из стен медленно начал вращаться огромный — в виде солнца — многосвечовый подсвечник. Стало уютно. Взоры людей, сидящих в креслах, прикованы к огню. Льется неторопливая беседа...

Что это? Начало исторического романа? Сказка? Фантастический рассказ? Ни то, ни другое, ни третье. Время действия — первая половина 1986 года. Место действия — Брестская область, Каменецкий район, село Рясна. Главное действующее лицо Владимир Леонтьевич Бедуля — Герой Социалистического Труда, коммунист, депутат Верховного Совета БССР, председатель колхоза «Советская Белоруссия», делегат XXVII съезда КПСС.

— Так мы в селе? — спросит автора читатель.— Откуда же здесь диковинный каминный зал?

Что может на это ответить автор? Пожалуй, он ответит вот как. Если бы его, автора, привели в каминный зал не в конце «экскурсии» по колхозу, а в начале, у него возник бы точно такой же вопрос, что и у читателя. Но после того, как автору пришлось вдоволь побродить по хозяйству, заглянуть во всевозможные уголки-закоулки, этот зал ошеломляющего впечатления уже не произвел. Были более сильные впечатления, которыми теперь нельзя не поделиться с читателем.

МАРШРУТАМИ ПЯТИЛЕТКИ

ПРИТЯЖЕНИЕ

Появление героя

— Вот и Рясна.— Шофер кивает в сторону красивых построек, что возвышаются над полем.

Для сельской местности вид непривычный. С одной стороны просторной асфальтированной улицы выстроились двухэтажные особняки. С другой — три совершенно городских здания. Площадь. На площади, как и полагается, фонтан.

А правление колхоза оказалось на самой окраине.

Небольшой деревянный дом с традиционным крылечком. Над крылечком неброская вывеска: «Ордена Трудового Красного Знамени колхоз «Советская Белоруссия». Не увидел бы сам, никогда бы не поверил, что у огромного колхоза, с годовым доходом 4—5 миллионов рублей правление помещается в таком скромном домике.

Вхожу. Небольшие сени с круглой металлической печкой. Направо дверь с надписью «Канцелярия», налево — «Бухгалтерия». А где же кабинет председателя? Стою, размышляю... И вдруг слышу голос Бедули. Я уверен, что это его голос. Он довольно высок, но по-хозяйски уверен и спокоен. Иду на голос. На пути новая дверь...

И вот он передо мной, этот человек, о котором не раз читал в газетах, слышал по радио, лицо которого знакомо по телевизионным передачам. Он сидит, чуть-чуть нахохлившись, за столом, что завален пухлыми папками (папки лежат стопками еще и возле кресла, и вдоль стены). В руке трубка одного из телефонов. Увидев меня, деловито заканчивает разговор, поднимается навстречу, поправляя накинутое на плечи потертое пальто.

— Давайте знакомиться. Бедуля. Владимир Леонтьевич. Надолго к нам? Что видели? Что хотите увидеть? О чем будете писать? — обрушивает он вопросы.

Пытаюсь на них ответить. На полуслове Бедуля вдруг выходит из кабинета. Вскоре снова появляется, но уже с экономистом колхоза, которому с рук на руки меня и передает.

— Поездите по хозяйству, поброди́те, поглядите, а потом снова ко мне. Побеседуем.

Коровы перед телекамерами

Прошу показать что-нибудь особенно интересное. «А у нас все интересно, если всмотреться»,— говорят мне. Да я и сам уже понял это.

Решили зайти на ферму. Сначала попали в красный уголок. Тепло, уютно, красиво. На столе, покрытом вышитой скатертью, пузатый самовар, яркий чайный сервиз. Рядом телевизор с большим экраном. На стенах таблицы, графики, грамоты. Много грамот.

— Передовая ферма? — спрашиваю.

— Не больше чем остальные,— отвечают.

Отправляемся дальше, в коровник. Сейчас как раз дойка. Ровно гудят доильные аппараты. Молоко бежит по прозрачным трубопроводам. Целая река! Заканчивается она в специальных чанах, откуда потом молоко забирают молоковозы. Коровы стоят довольные. Еще бы! Только что с конвейера получили они угощение — сено. В нем запахи прошлого

лета. Ешь, сколько хочешь. Пройдет совсем немного времени, и подрастет молодая травка. Тогда — на луга, на раздолье, нагуливать новые силы, новые тысячи литров молока.

Но эти тысячи литров появляются не только благодаря свежей траве, хорошо сохраненному сену, вкусным комбикормам. Посмотрите на буренок: какие они все выхоленные, аккуратные. Здесь не только в людских заботливых руках дело, но и в уровне механизации. Не надо, к примеру, в стойлах «потеть» с лопатой, выгребая навоз. Для этого есть специальное приспособление — транспортер. Есть и другие механизмы, чтобы чистоту поддерживать, воду подавать...

Ферму мне показывали не просто так: важнейшая продукция колхоза — мясо-молочная. Уже на улице меня спросили:

— Как вы думаете, что понадобится в первую очередь для увеличения производства мяса и молока?

Догадаться было нетрудно.

— Нужно больше коров,— ответил я.

— Правильно. А как внутри хозяйства добиться быстрого роста их поголовья, не знаете?

— Ну, если телят рождается не так много, как хотелось бы, то... можно закупать их в соседних хозяйствах,— не долго думая, предложил я, чем вызвал откровенный смех моих собеседников. И без лишних разговоров они повели меня в колхозный... научный центр. И там я узнал вот что.

Обычная корова за целую жизнь дает примерно пять-шесть телят. Но есть и необыкновенные, которые могут произвести на свет телят куда больше. Так вот, ученые нашли способ сделать самых обыкновенных коров необыкновенными. Представляете, насколько возрастет поголовье коров, как выгодно иметь такой научный центр! Если было бы невыгодно, не стал бы колхоз тратиться на дорогое строительство. А строительство действительно недешево обошлось: хожу по центру, про то, про се расспрашиваю и вдруг попадаю в кинозал. Зачем он здесь? Фильмы, что ли, в свободное от работы время смотреть? Нет. Оказывается, сложный процесс превращения «обыкновенных» коров в «необыкновенных» на кинопленку снимают, чтобы потом коллегам показать, опытом поделиться. Для этой же цели установлено телевизионное оборудование. Телекамеры расставлены в операционной, а мониторы — в телекомнате, перед зрителями.

А чтобы помнить, от какой коровы какой теленок родился, как развивался, чтобы наследственные признаки зафиксировать, специальная картотека существует: на видеокассетах. Всю родословную записывают на видеомагнитофон и записи хранят, извлекая их для работы. Такая «видимая» картотека просто необходима для современного уровня научных исследований.

Из дворца во дворец

Вскоре к нашей «экскурсии» присоединился Бедуля. Да не один. К нему в гости приехали трое председателей колхозов с Украины. Такие наезды коллег — дело частое. Кому не охота посмотреть на передовое хозяйство да ума поднабраться?! Потому и едут люди из ближних и дальних областей, а то и из других республик.

Почти достроенное административное здание колхоза, в которое мы заглянули, похоже на дворец. Это и есть дворец: с широкой парадной лестницей, с большими окнами, со стеклянным «оранжерейным» куполом и башенкой. Долго ходили по мраморным лестницам, по просторным залам. Владимир Леонтьевич объяснял. Вот здесь будет отделение связи, здесь зал бракосочетаний, здесь комнаты правления колхоза, здесь музей крестьянского быта. Он еще называется «Музей хлеба».

ЗЕМЛИ

— Владимир Леонтьевич, а где же будет ваш новый кабинет? — спросил один из гостей.

— А мы сейчас в нем стоим.— Бедуля сделал размашистый жест.

Гости одобрительно закивали: комната была светлая и обширная.

— Только я в него не буду переезжать,— между тем продолжал Бедуля.

—???

— Вот как раз в этой комнате разместим музей

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АПРЕЛЬ 4

Москва 1986 г.
Издательство «Правда»

хлеба. Нету для него другого помещения. Пока нету...

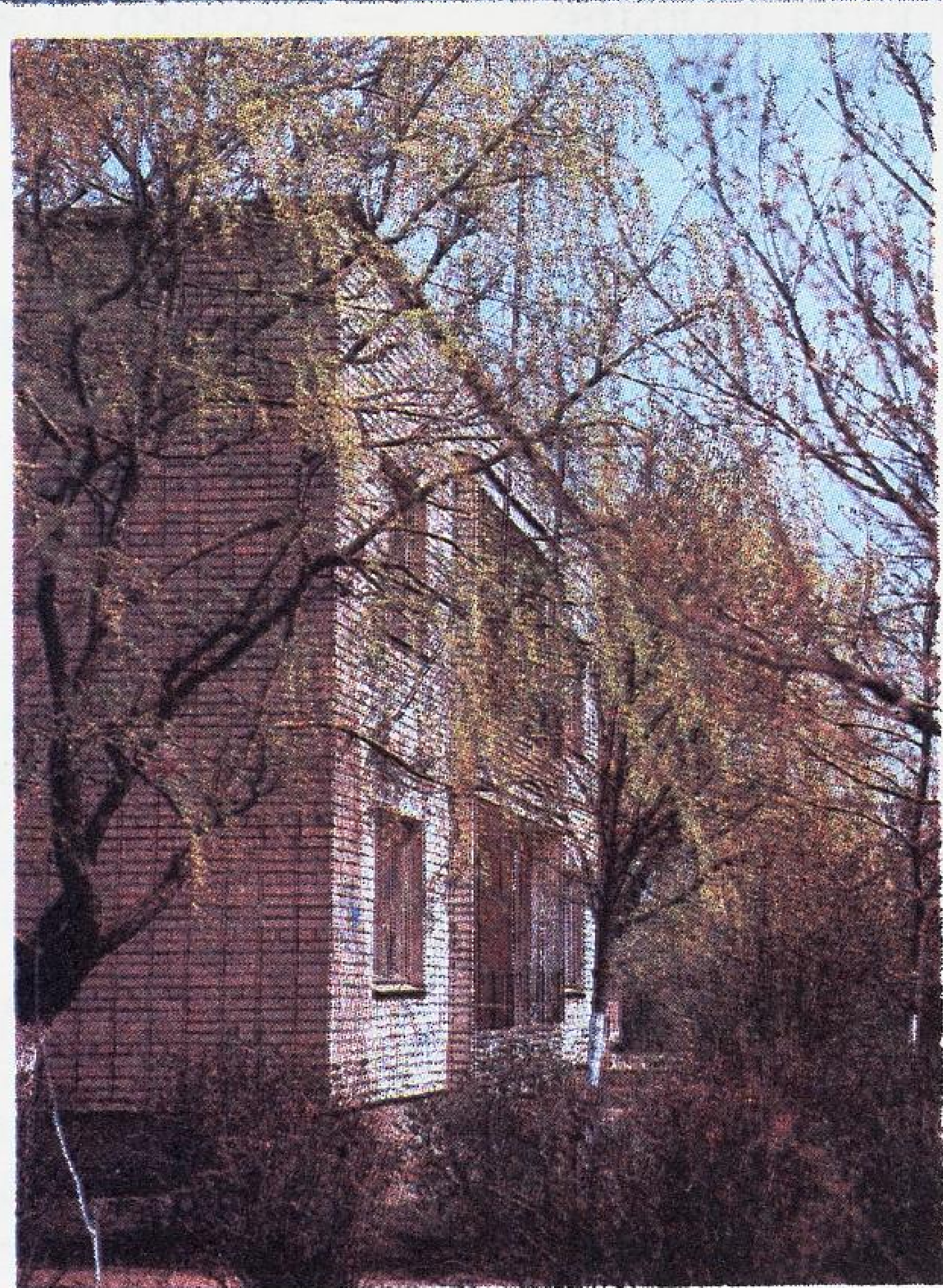
Замечу, кстати, что председатель живет в скромном деревянном домике и переезжать в новый собирается последним.

— А здесь пальмы, наверное, будут расти, как в оранжерее? — Это уже другой гость спрашивает, глядя на стеклянный куполообразный потолок центрального зала.

— Неплохая мысль. Надо подумать,— невозмутимо отвечает Бедуля.

Вышли из одного дворца и направились в другой. Он тут же — на площади. Правда, этот дворец называется скромно — Дом культуры. Но иной дворец не так похож на дворец, как похож этот дом. Здесь есть и картинная галерея, и музыкальная школа, и детский драматический театр, и театр кукол... Да чего только здесь нет! К примеру, зрительный зал на пятьсот мест. С подвесным потолком. С акустикой, как в столичной филармонии. И кто в нем только не выступал! Играл здесь Святослав Рихтер, танцевали артисты балета Большого театра, пели хоры Пятницкого и Свешникова, давали концерты звезды советской и зарубежной эстрады, читали свои стихи Белла Ахмадулина,

Просторный Дом культуры, современный торговый центр, особняки для колхозников, нарядный детский сад, новая школа — все это приметы сегодняшнего села Рясна. Сделано много, но предстоит сделать еще больше,— так считает Владимир Леонтьевич Бедуля (на снимке он в центре).

Евгений Евтушенко, Виктор Боков. А поэт Андрей Вознесенский, который тоже встречался здесь с читателями, посвятил Бедуле стихи.

Ходят гости, смотрят да вздыхают. Сколько средств-то нужно для такого строительства!

— Не так уж и много потребуется. Главное — побольше души вложить да смекалку иметь,— поняв, о чем эти вздохи, замечает Бедуля.— Вот, к примеру, в торговом центре, видели, какой на стене интересный узор из плитки? А плитка-то самая обыкновенная — ромбиком. Просто мы ее постарались сложить так, чтобы узор получился единственный в своем роде, чтобы только у нас был такой.

Кажется, просто, да не просто. Владимир Леонтьевич потом признался мне, что очень и очень трудно было все это построить, гораздо труднее, чем, скажем, тот же научный центр возвести.

Что ни день, приезжают в «Советскую Белоруссию» гости: посмотреть передовое хозяйство, перенять опыт.

Откуда все это?

Вспоминаю взгляды гостей-председателей. В них не то чтобы зависть, а грусть какая-то: не могут они пока в своем хозяйстве позволить такое крупное строительство, которое свободно разворачивает Бедуля. Колхозная касса не так велика, как у «Советской Белоруссии». Но это дело, как говорится, наживное, если у председателя и у специалистов хозяйства голова на плечах есть.

И в «Советской Белоруссии» тридцать лет назад ничегошеньки не было. Бедуля тогда работал секретарем Брестского горкома комсомола. И попросил вдруг (а может, и не вдруг) перевести его в отстающее хозяйство. Так он и стал председателем. Стал, потому что нужно было возрождать израненную войной землю. Стал, потому что хотел сделать эту землю краше довоенной.

Сейчас, через столько лет, точно не скажешь, были тогда у Бедули последователи или нет. Думаю, были. Достаточно взглянуть на богатую и плодородную землю Белоруссии, на всю нашу страну.

Трудно было тридцать лет назад. Сложно приходилось и потом. Непросто и теперь. В отпуске председатель не бывает десятилетиями. Спит мало. Но просыпается бодрым и свежим. Когда придет с работы к полуночи, домашние рады: пришел непоздно.

Но все-таки откуда взялись миллионы «Советской Белоруссии»? Не из воздуха же получает их хозяйство? Почему у одних, как у Бедули, дело идет хорошо, даже отлично, а другие едва концы с концами сводят, а то и вообще «в долгах, как в шелках»?

Вопрос не простой, и ответ на него нужно начать, пожалуй, вот с чего.

Есть продукция «выгодная» для колхоза и есть «невыгодная». Выгодно, к примеру, зимой растить цветы в оранжереях, огурцы, помидоры и лимоны в парниках. Закупочная стоимость такой продукции велика. «Невыгодно» же растить картофель, капусту, свеклу... Труда они требуют немалого, а доход приносят небольшой. Но и «выгодные», и «невыгодные» сельхозпродукты одинаково необходимы людям. Значит, и те, и другие надо растить, несмотря на их «выгодность» или «невыгодность».

«Советская Белоруссия» производит в основном «невыгодную» продукцию. Но и от ее реализации получает огромные доходы. Скажем, картофель. Его в прошлом году собрали небывалый урожай — 424 центнера с гектара. Как же добились такого урожая? Знали, когда надо начинать посадку, знали, как почву надо удобрить, знали, как надо сажать. А как надо сажать картофель? Многолетний опыт — и свой, и чужой — показал: чем теснее картошке в земле, тем меньше урожай. Значит, сажать ее нужно попросторнее. Так и сделали. И получили чудо-урожай. Сочетание достижений современной науки и техники с многолетним опытом и крестьянской любовью к земле определяет успех хозяйства. Так считают в «Советской Белоруссии». И еще там уверены: делить продукцию на «выгодную» и «невыгодную» — дело малопочтенное. А вот прикинуть, какая культура больше приспособлена к местным условиям, другое дело. Но это пока еще не все умеют. Так же, как еще не все научились грамотно, по-современному организовать сельхозпроизводство. Почему так? Здесь мы подошли ко второй и наиболее важной части ответа на вопрос о миллионах «Советской Белоруссии». Давайте разбираться дальше.

Что такое колхоз?

— Колхоз — это коллективное хозяйство,— ответит любой из нас и, конечно, будет прав. Вот только далеко не каждый может объяснить, что же такое «коллективное хозяйство».

Владимир Леонтьевич отвечает на вопрос так: «Колхоз — это люди». Это люди со всем их трудолюбием, ответственностью, инициативой, смекалкой. Или, наоборот, это люди бесхозяйственные, ленивые, несовременно мыслящие. Успех или неуспех любого дела в руках людей. Даже в самом плохом коллективе есть отличные работники. Их немного, но они есть. А если таких людей в коллективе нет, то их можно воспитать. И от них зависит, станет коллектив в конце концов передовым или не станет. Дело это нескорое и сложное. Но лучше медленно, глубоко и до конца перевоспитанный человек, чем скоропалительно и поверхностно. Коммунисты не раз доказывали это. Вспомните, какой была «Советская Белоруссия» 30 лет назад, когда ее принял Бедуля. А насколько все изменилось. Каким нужно обладать колоссальным знанием людей, их возможностей, симпатий и антипатий, чтобы реально планировать работу хозяйства, добиваться воплощения этих планов в жизнь!

Вот мы говорили о красотах, которые открыва-

ются взорам гостей в «Советской Белоруссии». А для чего возведены эти дворцы и особняки? Ради чего затрачены огромные средства, на которые можно было бы построить еще несколько ферм и тем самым, к примеру, расширить молочное производство? Оказывается, дворцы и особняки созданы именно ради расширения производства. Производитель-то полезного продукта — человек; и чем лучше он станет жить, тем больше сделает на работе. В сельском хозяйстве эта простая экономическая истина открылась не сразу. Бедуля в числе ее открывателей.

Владимир Леонтьевич уверен: настанет время, и трактористы будут работать в белых рубашках. А почему бы и нет? Механизатору доверена могучая техника. И отношение к ней должно быть современным — сознательным. Представляете, новенький трактор, а на нем — тракторист в крахмальной сорочке. Эффектно? Да. Но не только. Еще и эффективно. Как работается такому механизатору? С удовольствием. А отсюда — план, отсюда — качество.

И еще один важный момент — система оплаты труда. Она в «Советской Белоруссии» удивительно проста и эффективна. Чем больше, скажем, взяла доярка молока от коровы сверх «положенного», тем больше и получила зарплату. То есть заработок зависит не от проведенных на ферме часов, а от конечного результата — от количества молока. И у механизаторов заработок прямо зависит от урожая, полученного на обработанном ими участке, не как у некоторых — от скорости работы. Можно ведь и быстро работать, да некачественно. Быстренько вспахал поле, а ничего путного на нем не выросло.

Чему же служит система оплаты, принятая в «Советской Белоруссии»? Творческому отношению к труду!

Давайте доверять

На чем построена позиция председателя? На доверии. На доверии к каждому колхознику. О Бедуле говорят: «Этот человек на своем месте». Но мало самому найти место в жизни, надо и другим помочь найти себя, помочь утвердиться в том единственном деле, которое навсегда.

Есть понятие «работа по душе». Умение найти каждому работу по душе, подсказать верный путь к такой работе — вот в этом-то наиболее полно и раскрывается талант председателя. Если сможет председатель сделать так, чтобы каждый работал на своем месте, тогда и колхоз будет действовать как единый механизм. Бедуля представляется мне капитаном, который отдает лаконичные распоряжения, уверенный, что его корабль никогда не сядет на мель.

В «Советской Белоруссии» даже с самым отстающим работником, с самым сложным человеком будут заниматься до тех пор, пока он не изменится. Рабочие руки — золото. Только не все это знают. Значит, надо открыть человеку глаза на его ценность, неповторимость, нужность. Председатель — это и воспитатель. В памяти Владимира Леонтьевича, скажем, около восьмисот фамилий, имен и отчеств хранится. Всех своих колхозников знает как родных. Не только потому, что у него такая хорошая память, но еще и потому, что заботится о каждом.

Триста заявлений с просьбами принять в колхоз ежегодно ложатся на стол Бедули. Берут же в хозяйство всего человек тридцать. И не то чтобы самых лучших, а самых нужных.

Доверие председателя... Вот как отвечают на него люди. Есть в деревне Лесок доярка Лариса Василевская. В группе тех животных, за которыми она ухаживает, несколько лет подряд не погиб ни один теленок. Хотя, бывало, телята рождались совсем слабыми. Один такой родился почти без признаков жизни. Василевская его выходила: две недели не выбиралась с фермы, ночевала там. А дело было зимой. Такова ответственность человека за порученное дело. Иначе нельзя. Большое начинается с малого.

В сутках всего 24 часа

Владимир Леонтьевич всегда в пути. Это не только командировки по стране и за рубеж. Это еще и дороги ко всему новому и интересному, что только есть на свете. И его помощники тоже ездят на других посмотреть, себя показать, поучиться, поучить... Я рассказал председателю об одном отстающем колхозе, в котором недавно пришлось побывать. Он тут же попросил адрес этого «неудачника». Сказал, что хочет поехать туда. Может, что удастся им подсказать? Да заодно и для себя посмотреть что-нибудь полезное. Я удивился: разве может колхоз, у которого годовой доход исчисляется цифрой с шестью нулями, найти что-нибудь для себя полезное в отстающем хозяйстве? Оказывается, может. Например, как не надо работать.

Бедуля болеет не за один свой колхоз, а за сельское хозяйство всей страны. Если что новое у Бедули появится — сразу об этом остальным даст знать. Да еще с объяснением: как лучше приспособить такое новшество к местным условиям. И специалиста своего направит в помощь. Владимир Леонтьевич — человек масштабный. Он живет и работает, чтобы как можно больше появилось таких же богатых колхозов, как его «Советская Белоруссия».

А иногда Бедуля подолгу трудится в часто нарушаемой тишине своего кабинета. Колхоз выписывает массу специальной литературы, чуть не со всего света. И все это надо изучить! А если Владимир Леонтьевич вычитает что любопытное, сразу загорится идеей и обязательно других зажжет. Вот только иногда не хватает времени, чтобы еще больше разных нужных дел сделать. Ведь в сутках-то всего 24 часа.

* * *

Когда мы прощались, было уже темно. Но трудовой день Владимира Леонтьевича Бедули еще не окончен. Я не стал спрашивать, куда он отправится дальше. Думаю, туда, где больше всего в эту минуту нужны его совет, его помощь. Совет и помощь человека, посвятившего себя земле. Он не смог бы существовать без этой земли, ведь в ней смысл его жизни. Он научился слышать ее пульс, ее голос, ощущать ее дыхание. И потому-то, отвечая на ласку и заботу, радует земля богатыми урожаями. Бедуля и земля, на которой он трудится,— верные и близкие друзья. И как настоящие друзья, они чувствуют между собой особое притяжение, сильнее которого на свете нет. И ничем его не ослабить.

Владимир КОЖЕМЯКИН

Рясна — Брест — Москва.

Сергей МАХОТИН

У обелиска

Здесь травы сухо шелестят
И тучи ходят низко.
Обычно шумный наш отряд
Молчит у обелиска.

Вожатый с картою в руке
Смущен и озадачен,
Ведь не был обелиск никем
На карте обозначен.

Он сам нас отыскал, когда
Мы в лагерь торопились
И у притихшего пруда
С пути немного сбились.

Стоит над темною водой
И над травою вязкой
Гранитный камень со звездой
И бронзовою каской.

В молчаньи
Имена бойцов
Отряд запоминает:
«Майор Фомин.
Сержант Скворцов.
Сапер Иван Минаев...»

Гуляет гром среди полей,
Как гул артиллерийский.
Ложатся листья тополей
На каменные списки.

...Мы в лагерь шли. А с вышины
Нам журавли трубили,
И не ворчали ворчуны,
И нытики не ныли.

Концерт по заявкам

Мы взяли приемник,
Расселись по лавкам.
Звучит на весь парк
Концерт по заявкам.
Торжественно диктор читает слова:
— Надежде Петровне от пятого «А»...

Мы ей поздравленье
Полдня сочиняли,
Садились, бросали
И вновь начинали,
Потом еще спорили несколько дней,
Какая из песен понравится ей.

И вот исполняются
«Школьные годы»,
А нам вспоминаются
Наши походы
С Надеждой Петровной,
Туман на реке
И крепко заваренный чай в котелке.

Воскликнул Сапожников,
Кепку подбросив:
— Надежда нас завтра, наверно,
не спросит!..
Мы все поглядели на кепку в пыли
И тихо уроки учить побрели.

Рисунок А. БОРИСОВА.

Каштаны на улицах

Однажды я сидела дома и думала: почему я никогда не была в Киеве? И на Камчатку летала, и на остров Сахалин. В Прибалтике сколько раз была, и на Урале, и в Сибири. На Украину тоже ездила — в Донецк, в город Шахты, в Горловку. А в Киев — ни разу. Все казалось: одну ночь от Москвы проедешь, и вот он, Киев. Успеется. Годы шли, а не успевалось.

И вот осенью, в один дождливый день, стала я вдруг мечтать о Киеве. Представила каштаны, как они шумят листьями, а шоколадного цвета каштанчики падают на землю. И холмы представила, золотые купола древнего Софийского собора. А внизу Днепр, широкий, медленный, синий. А ребята в Киеве, наверное, веселые, глаза карие, говорят мягко и поют хорошо все до одного.

Такие картины мне рисовались, пришли они из книг, из рассказов, из кино. Из песен тоже. «Снова цветут каштаны, слышится плеск Днепра»...

И тут зазвонил телефон. Деловой голос сказал:

— Может быть, вы хотите поехать в командировку от нашего журнала? Нам нужно рассказать читателям о том, как пионерский отряд участвует в осуществлении школьной реформы.

Я спросила:

— В какой город?

А редактор отвечает:

— Мы бы хотели — в Киев. У нас давно ничего не печаталось о жизни киевских ребят.

Поразительно? Конечно! Еще раз поверила: если чего-то очень хочешь, обязательно кто-то услышит твое большое желание и отзовется.

И вот я иду по Киеву, солнышко мягко светит, стукнуло что-то — это каштан упал к ногам и покатился по асфальту. Шоколадный, блестит. Я подобрала его, еще один, и держу в руке. Тяжеленькие, теплые. Бежит мимо мальчишка, увидал и засмеялся. Зачем, думает, каштаны подбирать? Вот их сколько по всем улицам валяется.

Убежал мальчишка. А глаза-то у него не карие. Голубые глаза, волосы светлые. Приезжий человек всегда постепенно расстается со своими представлениями. Одно дело — представления, а другое — сама жизнь...

Школа — добрый дом

В добром доме добрый труд

В горкоме комсомола мне сказали:

— Сорок седьмая школа интересная. Мы вам советуем поехать туда.

Я спросила:

— А почему вы называете именно эту школу? Чем она особенная?

— Сами посмотрите,— таинственно ответили люди из отдела школ.

Там, в отделах школ, работают чаще всего бывшие старшие вожатые. Любят они всякие тайны, любят игру. Ну что ж, мне это даже понравилось.

Школа стоит в саду. Много раз я потом приходила сюда и всегда останавливалась — какой сад! Огромный, ухоженный. Яблони тянут к небу свои корявые ветки, урожай уже собран — октябрь. А розы еще цветут — желтые, красные, розовые. И очень много птиц — синицы, галки, чижи.

В пионерской комнате, как во всех пионерских комнатах,— вымпелы, барабаны, шахматы. Сидят две девочки, что-то быстро переписывают аккуратным почерком. В углу связка макулатуры.

Старшая вожатая Лариса указала на эту пачку, взмахнула длинными ресницами, сердито заметила:

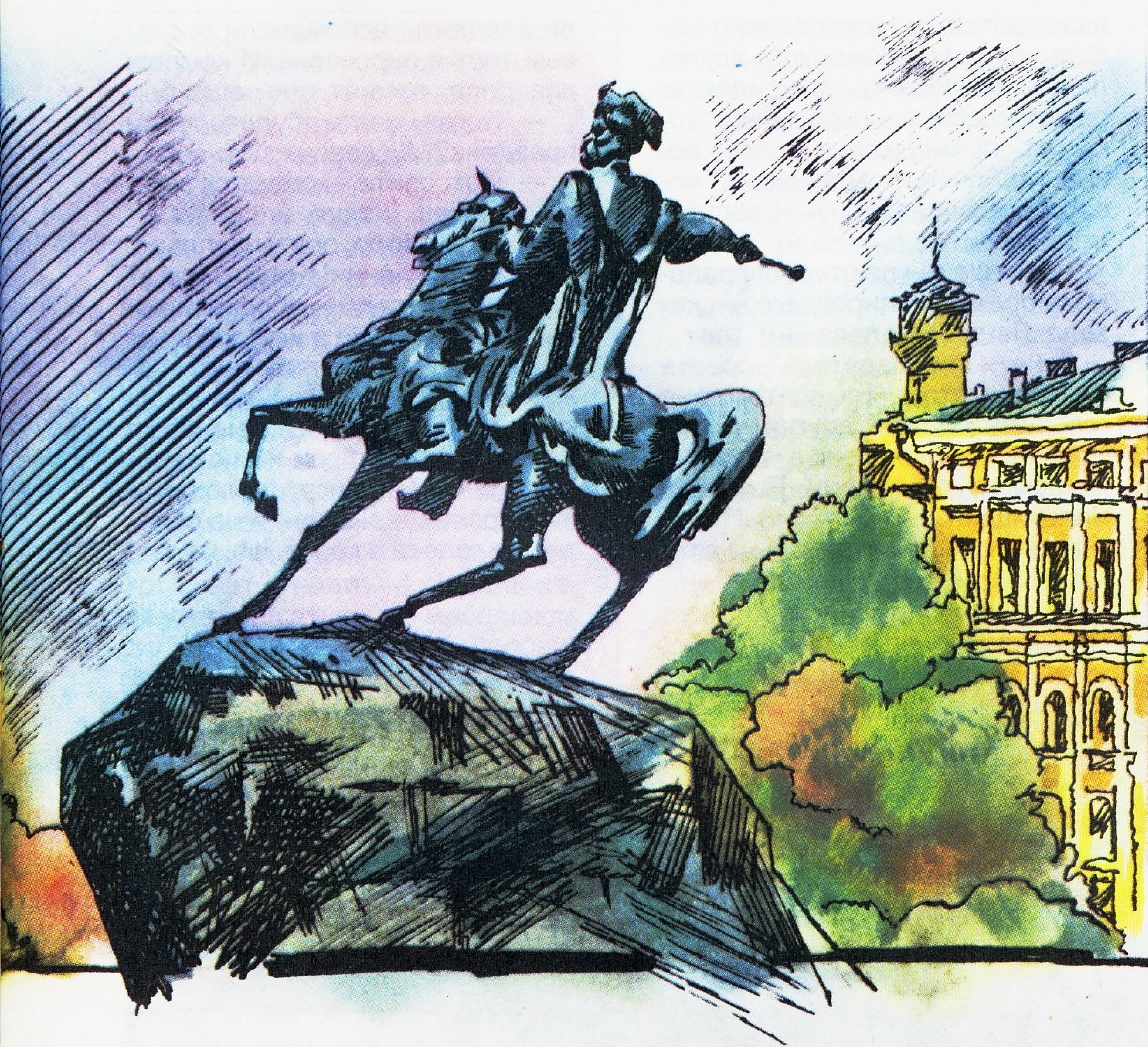
— Безобразие. Я же просила.

И пачка вдруг исчезла из пионерской. По-моему, сама собой.

Потом мы долго говорили с Ларисой. Мне хотелось понять, как они живут, пионеры сорок седьмой школы. И что для них значит реформа. Мне кажется, что главное в реформе все-таки труд. Нравственное воспитание через труд — человек должен стать серьезнее, ответственнее. Лариса была со мной согласна.

— Видели наш сад? — спросила она.— Это все ребята. Мы с ними целое лето работали — пололи, поливали. Это и есть трудовое воспитание, правда? Наши ребята вообще труженики. Взять хоть сад — всего лишь для примера. И ветки лишние отпилили, даже октябрята работали — оттаскивали ветки в сторону. А яблоки, груши отнесли в детский сад. Пусть наши подшефные знают: школа — добрый дом. Они же сюда потом придут учиться, эти дети.

Школа — добрый дом. Это хо-

рошо, очень даже хорошо. В добром доме добрый труд.

И увидела я картину. Летний день, между деревьями мелькают яркие сарафаны, ковбойки. И кто-то кричит: «Витя! Давай шланг сюда! Вишни надо полить!» «Несу! — отвечает Витя, — сам полью! А то все ты, ишь, хитренький».

Когда первого сентября первоклассники пришли в школу, каждый получил по румяному яблоку величиной в два кулака. Может быть, это яблоко, прохладное, яркое, веселое, придало первокласснику уверенности в тот довольно сложный день — первый день новой жизни. И он, первоклассник, отпустил мамину руку и шагнул в свою школу без страха. Школа — добрый дом.

Серьезные мысли

В столярной мастерской шипят рубанки, стружка пахнет смолой и завивается золотистыми кольцами.

Игорь Гасанов, Андрей Белоус, Женя Волошко — шестиклассники — люди серьезные, тем более — за работой.

— Это будут ручки для отверток, — сказал Игорь, — мы их вон сколько сделали, и все аккуратные, ровненькие.

— Мы не халтурщики, — добавил Андрей, — делаешь — делай.

А что ж, правильно. Делаешь — делай. Лучше и не скажешь.

— Вы видели, сколько птиц у нашей школы? — спросил Игорь. — Там и синицы, и поползни. И воробьи, конечно. Видели?

— Да, я обратила внимание. Птиц много. Кричат, суетятся.

— Очень много. А знаете, почему? Сказать? — Лицо у него стало таким, как будто он загадывал мне загадку. — Сказать?

И все смотрели весело, лукаво.

— Сказать, — попросила я.

— Потому что каждой осенью каждый ученик нашей школы приносит скворечник. Вот почему птицы у нас.

— И поэтому у нас сад такой богатый — птицы его охраняют, — добавил Женя.

— Это наша школа первой начала движение — каждый делает скворечник. — Вожатая Лариса знает не только сегодняшнюю жизнь школы, но и ее историю. Ведь «движение» со скворечниками началось несколько лет назад.

Я подсчитала и спросила:

— Каждый? А зачем их столько, скворечников? В один сад разве нужно столько?

Тут они все хором зашумели:

— А детский сад? Они подшефные!

— А заводской двор?

— И профилакторий завода?

— Они же наши шефы!

И еще несколько раз повторилось потом это слово: «Шефы». То есть получалось так, что и подшефным они помогают, и шефам своим тоже добром платят за добро. А шефы у них очень внимательные. Об этом разговор еще впереди.

И еще ребята всю осень собирают семена, чтобы зимой птицы не голодали. Арбузные семечки, тыквенные, подсолнухи. Приносят в кабинет биологии, складывают в ящичек. Учитель Эммануил Соломонович как-то сказал:

— Все люди любят птиц — птицы красивы, летают, поют. Но по-настоящему птиц любят те, кто не забывает их накормить.

Ребята, видно, запомнили эти слова. Этот учитель зря слов не говорит. Он фронтовик, смелый человек. А вот птицам семечек насыпать не забудет. В этом что-то есть. Серьезные мысли вызывает.

Ореховый торт и макулатура

В коридоре раздался крик, топот убегающих ног и опять крик:

— Лучше отдай! Все равно поймаю!

Лена Пикалева сказала:

— Ничего особенного, Димка с Вадиком из-за веника дерутся.

Мы опять сидели в пионерской: Лена Пикалева, Лена Петренко, Таня Щецкая. Шестиклассницы были довольны, что их сюда пригласили, рассказывали оживленно, перебивая друг друга. Мне даже не приходилось тратить дополнительные усилия, чтобы их «разговорить» — сами рассказывали. Я, между прочим, давно заметила: когда в школе интересная жизнь, не формально интересная, не для «галочек» и отчетов, тогда ребята многое об этой жизни знают, помнят и рассказывают интересно.

— Мы шили косыночки и пе-

редники для профилактория.

— Косыночки легко, а передники — знаете, как трудно? Там и карманы, и вообще сложный крой.

— А профилакторий — это где отдыхают рабочие.

— У нас десять электрических швейных машин.

Девочки сразу показались мне взрослее. И в самом деле, не каждая женщина сумеет сшить фартук. Косынку, пожалуй, каждая. А фартук — нет. Тем более с карманами, с оборкой. Сложный крой.

И когда девочки привезли готовую продукцию, а именно так называется то, что сделано человеческими руками для других людей, сотрудницы профилактория развернули передники, косынки, примерили и очень искренне, очень сердечно и по-взрослому сказали: «Спасибо, молодцы».

— А еще мы пекли для праздника ореховые пирожные,— сказала Лена Пикалева,— и торт.

Лена — председатель совета отряда шестого «Б», поэтому она говорила больше других.

— Мы принесли все вкусное, и компот сварили. Помните, мальчишки?

А они глаза мечтательно стали заводить, вспоминали ореховый торт и пирожные. И компот, наверное, помнят они, еще бы.

— Когда опять будет такой праздник? А, девочки?

— Потерпите,— смеются девочки,— ишь какие.

А в коридоре опять вопль:

— Отдай веник! Кому говорю?

Обычное дело — уборка школы. Каждый день в каждой школе после уроков работают дежурные. Ну иногда выйдет у них какое-нибудь недоразумение с тряпкой, со шваброй или с веником. Никто из присутствующих в пионерской и внимания не обратил на голоса в коридоре, я тоже

не обратила. Разберутся как-нибудь Димка и Вадим сами с этим несчастным веником, не маленькие, шестой класс.

Тут говорили о делах поинтереснее уборки.

Собирали ребята макулатуру. Тоже, конечно, в любой школе, в каждом отряде собирают. Но тут вот что придумали. Один номер газеты «Прапор коммунизму» (в переводе на русский это «Знамя коммунизма») выйдет в день открытия съезда партии на бумаге, сделанной из макулатуры, собранной этим отрядом. Пять с половиной тонн бумаги. Легко собрать столько? Кто собирал, тот знает. Ребята разведали залежи макулатуры на мебельном складе, там картонные коробки, прокладки, бумага. И из дома несут, и еще какие-то секреты знают. А еще тонну триста килограммов собрали они за комсомолку — Героя Советского Союза Ульяну Громову. Ульяна Громова числится в списках отряда шестого «Б», ребята во всех своих делах ее помнят. За Улю Громову и в колхозе работали и весной живут скворцы в скворечнике Ульяны Громовой, а висит этот домик на самой высокой яблоне.

Шахматные часы

Тут в пионерскую комнату заглянули двое мужчин, тот, что постарше, сказал:

— Мы физики. Вам рассказывали про кружок юного лаборанта?

— Нет еще. Но это интересно.

— Тогда приглашаем вас в кабинет физики.— Это сказал старший, Григорий Моисеевич Биндер. А тот, что моложе, Алексей Дмитриевич Сметанин, добавил:

— Пусть матч идет на нашем поле.

Так он пошутил.

Кабинет физики — строгое место, и какое-то особенно современное. На каждом столе — компьютер. Тянутся провода.

— Каждый прибор монтировали сами ребята,— сказал старший физик. А младший добавил:

— И магнитофон для школьного вечера починить ребята умеют. И сами сделать усилители.

Я записала это в блокнот. Какие молодцы — все умеют. И говорю:

— Это хорошо.

— Хорошего мало,— вдруг сказал старший учитель.

Я положила ручку от удивления и спрашиваю:

— Почему?

— Потому что кабинет физики — не ремонтная мастерская. Потому что школе, любой, не только нашей, на новом этапе нужен инженер. Много всякой техники, аппаратуры, кто должен ее содержать в порядке? Ремонтировать? Разве дети?

Справедливые слова? Наверное. Но вряд ли читатели журнала «Пионер» могут решить эту проблему. Я так и сказала физикам. А они тогда подумали некоторое время, поговорили между собой. Потом Алексей Дмитриевич говорит:

— Тогда так. Ребята у нас умелые, с головой, с руками — это хорошо. Давайте за это их хвалить. А проблему инженера в школе тоже надо решать как-то.

Не уступали. Мужские характеры, твердые, целеустремленные.

Заглянула в кабинет девочка:

— Григорий Моисеевич, можно мне сегодня ответить?

— Завтра, Марина. Сегодня занят.

Розовое лицо спряталось, дверь закрылась, Марина побежала, застучали каблучки по лестнице.

Учителя показывали оборудование. Шефы дали припой. Шефы дали станки. И то дали, и другое.

— Добрые шефы, хорошо,— заметила я.

— Это не от доброты. Партийная обязанность — вот что это.— Учитель не говорил о реформе, но на самом деле речь шла о ней. Шефы теперь обязаны помогать школе, они и помогают.

А школа живет по-другому. Это чувствуется во всем. В серьезности в первую очередь. И еще в ответственном отношении к делу. Об этом разговор шел отдельно и подробно.

— Скажите, вы были в Киево-Печерской лавре? — спросили они меня. Всех гостей, наверное, об этом спрашивают. Лавра — великий древний памятник Киева.— Были?

— Нет, обещали повезти, но пока что-то не получилось... Там одна женщина не смогла...— Я говорила неуверенно. Все-таки неловко рассказывать, что тебя кто-то подвел. Стыдно как-то.

— Эта женщина, видно, училась в плохой школе,— вдруг «припечатал» Алексей Дмитриевич. И пояснил: — Хорошая школа обязательно учит ответственности и обязательности.

Согласна. Мне нравится, что они думают четко, говорят только дело. И учат этому ребят.

Ученик не выучил урока. Что может быть обычнее этого случая? Печально, но обыкновенно, а это смотря где. В сорок седьмой школе все выглядит так.

— Почему ты не выучил, Сергей?

Справедливым тоном отвечает Сергей:

— Я болел.

— Знаешь, мой дорогой, ты привык учиться у женщин. Ты привык, что учитель всплеснет руками и спросит, какая у тебя температура.

Сергей смотрит несколько ошарашенно, он, действительно, ожидал чего-то в этом роде. Как физик догадался, вот что интересно.

— Так вот, уважаемый Сергей. Я тоже болел, но к уроку полностью готов. Вот мой конспект, посмотри. И с тобой поступим так. Сидеть и объяснять тебе параграф не буду — сам разберешься, шестой класс — не второй. Завтра после уроков мы с тобой включим вот эти шахматные часы, и ты будешь мне отвечать материал ровно тридцать минут. Наш предмет не терпит лишних слов. На тридцать первой минуте флажок упадет, и ты получишь заслуженную оценку.

Сергей бежит домой учить физику. Трудно, конечно, самому разбираться. И эти шахматные часы. Но интересно. И есть в этом что-то. Уважение? Доверие?

Теперь Сережка и при гриппе прочитает параграф. Иначе стыдно будет прийти в школу.

Еще, я слышала, физик говорит своим ученикам:

— Мы с вами пришли сюда на работу — не мешайте мне работать.

Вышла я из школы, солнце уже садилось. А птицы над садом все еще перекликались. Спать, наверное, ложились. И что-то застучало — то ли в мастерской гвоздь забивали, то ли дятел дерево долбил. Там, в саду, и дятлы живут в красных шапках, очень веселые птицы. И еще пятнадцать видов разных птиц. Это мне ребята сказали. А уж они-то знают, они много знают и много умеют, эти ребята.

Рисунки В. МОЧАЛОВА.

ОТРЯД ГОВОРИТ

«КОСМОС — МИРУ СЛУЖИ!»

25 лет прошло с тех пор, как советский человек Юрий Гагарин первым поднялся в космос. «Космос — миру служи!» — под таким девизом прошел форум школьных музеев космонавтики. Их теперь несколько сот в стране.

Пионеры из Таганрога, Устинова, Нижнего Тагила, Брянска, Омска, Магнитогорска, Измаила, Краснодара, латвийского города Екибпилса, подмосковного Нахабино собрались в Кишиневе, в музее 46-й школы.

В форуме приняли участие заместитель председателя Федерации космонавтики СССР, лауреат Государственной премии СССР Аркадий Петрович Бачурин председатель Молдавской Федерации космонавтики профессор Иван Иванович Жеру.

Участники форума приняли Обращение ко всем пионерам и школьникам страны. Призывали бороться за мирный космос. Организовывать в школах музеи космонавтики, кружки ракетно-космического моделирования, вносить заработанные деньги на создание космической техники.

Школьный музей 46-й школы Кишинева носит название «Космос — интернациональный». Ему пять лет. Есть в музее воспоминания Евгения Марковича Матысика, участника запуска первой советской ракеты ГИРД-9. Есть автографы и пожелания советских космонавтов — Леонова, Николаева, Хрунова и других. Космонавт ГДР Зигмунд Йен, с которым дружат ребята, написал им: «Я желаю вам хорошо учиться, заниматься спортом, без этого сегодня нельзя ни в космосе, ни на Земле».

В музее работают лекторская группа и кружок «Юный астроном». В книге отзывов можно прочитать такие записи:

«Музей очень хорошо продуман, экспонаты представляют большую ценность. Отрадно, что музей отражает вклад нашей республики в дело освоения космоса. И. И. Жеру, профессор».

«Мы, делегация школы №26 г. Брянска, благодарим совет музея за приглашение. Приятно удивлены, что за такой короткий срок музей сделал так много».

«Пусть всегда будет солнце и мирное небо над нами! Мы в восторге от вашего музея. Члены делегации из Екибпилса. Латвия».

ОТМЕЧАЯ ЮБИЛЕЙНЫЙ, ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОД СО ДНЯ ПЕРВОГО ПОЛЕТА В КОСМОС ЮРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ГАГАРИНА, вспомним его слова: «Могу сказать, что самое полезное и положительное, что сейчас есть во мне, было заложено Ленинским комсомолом».

ПОСТУПОК

ПОСТУПОК важен в жизни каждого человека, в общении между людьми. По поступкам судят о человеке, о его чести и честности, о его доброте и порядочности, искренности и ответственности. Поступок выражает позицию человека, его отношение к жизни. В 10-м номере «Пионера» за прошлый год мы просили ребят подумать о своей жизненной позиции, о своих поступках. С самыми интересными размышлениями наших корреспондентов мы знакомим и вас.

Андрей НАСТАСЬИН, город Краснодар. На страницах «Отряд говорит с отрядом» можно почерпнуть кое-что для себя. Иногда стараешься поступать, как советуют тебе другие ребята. Я сразу решил принять участие в разговоре на тему «Поступок». Наш отряд должен был убирать листья на отведенной нам территории. Пришли-то все, а вот убирать не хотелось. Все словно чего-то ждали: то ли упрека со стороны учительницы, то ли приказа. Но вот наш председатель отряда, ничего никому не сказав, спокойно начал мести листья сам. Сначала все ухмылялись, перемигивались, но потом стало стыдно. И всех пленило его упорство, самоотверженность. Постепенно все один за другим стали присоединяться к нему. С тех пор у нас появился настоящий коллектив. Надеюсь, вы уже догадались, как я уважаю этого человека. Он умеет открыто высказать свою позицию поступком. Не боится действием защищать то, что подсказывает ему сердце. Человек, сильный духом, способен на многое.

Ольга ШУВИКОВА, город Небит-Даг, Красноводская область. В наш класс пришел но-

С ОТРЯДОМ

вый мальчик. Он был рыжий. Мальчишки сразу же дали ему прозвище «Ржавый чайник». Новенький не стал обращать на них внимания. Тогда мальчишки разозлились и еще пуще стали придумывать для новенького разные прозвища. Он не отвечал. Я подумала: как достойно он себя ведет. Только подумала, и все. А вот одна наша девочка не побоялась, встала как-то на классном часу и сказала всем: «Стыдно! Перестаньте! У всех свои недостатки!» Всем и правда стало стыдно. Все стали как-то добрее, с этого и началась дружба.

Татьяна ГУСАК, поселок Микашевичи, Брестская область. Прошлым летом в пионерском лагере наш отряд пошел в поход. Я споткнулась и вывихнула ногу. Идти дальше не могла. Две девочки остались со мной, взялись доставить меня в лагерь. А им так хотелось в поход! Доброе отношение друзей помогло мне поскорее выздороветь. Когда на пионерской линейке моих подружек похвалили, они даже удивились. Сказали, что пионеры должны помогать тем, кто нуждается в помощи, и хвалить тут не за что. Активная жизненная позиция — это активное действие, добрый поступок в нужную минуту.

Марина КУЗНЕЦОВА, город Алма-Ата. Трое мальчиков преследовали ребят из нашего класса. Все их боялись. Они могли заставить выполнить за них работу, вымыть за них пол. Все им подчинялись. А один мальчик им не поддался. Его избили, но зато все с уважением отнеслись к нему, все встали на его защиту. И наш отряд после этого подружился.

Анна ТИТКОВА, город Волгоград. Однажды я увидела, как незнакомые мне ребята работают в огороде одного из домов. Я остановилась посмотреть, заговорила. Оказалось, что они трудятся возле чужого дома. Там живут пожилые люди. Им за огородом ухаживать не по силам. Вот так, тимуровским делом, а не словами, настоящие ребята выражают свою жизненную позицию. Я присоединилась к ним.

Светлана ГНОЕВЫХ, город Воронеж. Однажды вышли мы из школы и увидели, что большие ребята окружили нашего одноклассника и отбирают у него деньги. Они толкают его, пинают ногами. Честно говоря, все испугались ввязаться в драку. Только Наташа, наш председатель отряда, кинулась на помощь, крикнула: «Не смейте!» Я видела, как она побледнела, но ни секунды не усомнилась, что должна защищать товарища. Мальчишки те здоровые ухмыльнулись, бросили небрежно: «Ну и голосок!», — но тут же отступили, ушли. Вот за таким человеком можно идти, не опасаясь за свою совесть. Таким должен быть председатель.

Ренат ХАЛИЛОВ, город Казань. У нас в классе однажды тяжело заболел один мальчик. Начал отставать от нас в учебе. У всех своих дел по горло, а Толя сразу же стал каждый день ходить к больному, объяснять ему непонятное из того, что задавали и проходили в классе. Разве у Толи тоже не было дел для себя? Но он оказался верным товарищем. И, знаете, тот мальчик, когда выздоровел, стал учиться во много раз лучше. Толина помощь, поддержка в трудную минуту помогли ему поверить в свои силы. Вот что значит порой в жизни поступок.

Сергей ДАУТОВ, город Баку. Наш пионерский отряд поехал собирать хлопок. Ребята отлично потрудились и собрали 199 килограммов хлопка. Но от заработанных денег отказались. Передали их в Фонд мира. Я думаю, такие поступки помогают выбрать правильную позицию в жизни.

РЕБЯТА! Все, кто хочет принять участие в нашем разговоре о ПОСТУПКАХ, ДОСТОЙНЫХ УВАЖЕНИЯ, выражающих активную жизненную позицию, — пишите нам. Не забывайте на конверте делать пометку: «ПОСТУПОК».

БЫТЬ ГРАЖДАНИНОМ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ

Наташа ЕДАЛОВА, село Федоровка Ростовской области. Быть гражданином Советской страны — значит быть честным, справедливым, добрым и внимательным к окружающим. Наша главная задача — хорошо учиться, стать трудолюбивыми, по мере сил помогать старшим, заботиться о младших, о ветеранах войны и труда. Доказывать делами верность Родине, верность Торжественному обещанию.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

101459 ГСП, Москва
Бумажный проезд,
14, 11 этаж.
«Отряд говорит ...дом»

Ольга СИДЕЛЬНИКОВА

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

ХОЗЯИН

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №3.

8

Елена Васильевна сошла с поезда с тяжелыми сумками и связкой новых учебников. На небольшой привокзальной площади было людно, хвосты очередей тянулись к автобусным остановкам. Ее очередь оказалась самой длинной. Сумки Елена Васильевна поставила на землю, перевела дух, и тут ее окликнули радостно и звонко.

— Сережа! — удивилась она. — Ты как тут?

— А я с бригадиром на тракторе. Он в город едет, а я сейчас обратно.

— Ты бы лучше на Сером,— забеспокоилась Елена Васильевна.

— Серый устал... Да вы не волнуйтесь... Я ж не в первый раз.

Желтый трактор стоял в стороне, возле киоска «Союзпечать».

— Все успела,— рассказывала Елена Васильевна,— отчеты отвезла, в конторе была, отца навестила...

Сережка располагал ее вещи в кабине.

— Вы посидите немножко, я мигом,— попросил он,— до магазина и обратно.

Елена Васильевна достала из сумочки зеркало, поправила волосы, выбившиеся из-под платка. И тут ее как ножом пронзило: связки учебников оставила на земле, у автобусной остановки. Новые учебники, экспериментальные. И еще книги по использованию вычислительной техники... Растяпа!

Она спрыгнула на землю, но второпях сделала это неловко — зацепила туго набитую и оттого не застегнутую сумку. Полетели на землю бумаги, брошюры, пакеты... Быстро все подобрав и кое-как засунув обратно, Елена Васильевна бросилась к остановке. Она не услышала, как пожилой человек с чемоданом и корзиной закричал ей что-то вслед. Она не видела, как он поднял с земли какой-то конверт, повертел его и, заглянув в кабину трактора, сунул в первую попавшуюся сумку, потом махнул рукой и побежал. Он спешил, спешил к очереди, которая уже двинулась и медленно вползала в рейсовый автобус.

Учебники стояли на мостовой, Елена Васильевна подхватила их и радостно побежала обратно...

Трактор трясло на ухабах, разговаривать приходилось громко.

— У бабушки Савиной я вчера вспахал,— рас-

сказывал Сережка,— завтра — к деду Андрею. Потом в детском саду столы-стулья починим. К концу мая со всеми подшефными управимся.

— Хорошо,— кивала Елена Васильевна.— Пионерский сбор надо серьезно подготовить, пойдем с ночевкой к Черному камню, там и проведем.

— Здорово,— одобрил Сережа.

— У меня еще сюрприз есть для вас,— сказала она,— но это потом.

Они пылили мимо школы.

— Я на минутку заскочу,— сказала Елена Васильевна,— и сразу домой...

Сережа поднял связку учебников, стал разглядывать корешки книг, но его окликнули.

— Серого ветеринару надо показать. Совсем плохой становится.— Немолодой конюх Силантьев смотрел строго.— А ведь кормежка его совхозу денег стоит. Вон как хорошо тебе на тракторе. Чего лучше.

— Дядь Степан! — Сережка испугался.— Может, я пока его к себе заберу? Отдохнет, подлечится — тогда опять на конюшню.

Он просил жалобно, по-детски, Силантьев смягчился.

— Вам с матерью только и осталось — курорты для Серого затевать. Завтра приходи, решим, что с ним делать.

Из школы вышли Елена Васильевна и Алексей Павлович.

— Уместимся? — спросила Елена Васильевна.— Алексей Павлович, оказывается, тоже домой.

— Может, он меня и везти не захочет,— Алексей Павлович полез первый, подал руку Елене Васильевне.— Видите, какой сердитый.

— В чем дело? — встревожилась Елена Васильевна.

Сережка пожал плечами.

— Поехали, а то мне еще трактор ставить.

Он помогал выгружать вещи, Алексей Павлович понес их в дом.

— Ну все,— оглядел кабину Сережка.— А это моя,— похлопал он по серой холщевой сумке.

— Вы что, поссорились с Алексеем Павловичем? — спросила Елена Васильевна.

— Чего мне с ним делить? — по-взрослому ответил Сережка.— Он чужой, жизни нашей не знает.

— Он учитель,— сказала строго Елена Васильевна.— Приказ на него есть.

— Так и хорошо,— безразлично отозвался Сережка,— разве я ему мешаю? Да! — он хлопнул себя по лбу,— чуть не забыл! Алексей Палыч! — Сережка потянул ему деньги.— Извините, что задержал. Большое спасибо.

— Разбогател? — улыбнулся Алексей Павлович.

— А как же... Это я за Вовку внес,— объяснил Сережка Елене Васильевне.— А то переживал парень, обедать не ходил.

Трактор, переваливаясь, удалялся по дороге.

— Вас это не настораживает? — Алексей Павлович потряс пятеркой.

— Нет,— устало улыбнулась Елена Васильевна.

Алексей Павлович недовольно хмыкнул. Ему не хотелось признаваться, что уже при первом знакомстве Сережа насторожил и раздражил его своей расчетливой деловитостью и манерой разговаривать покровительственно и даже, так казалось Алексею Павловичу, снисходительно. Ни он сам, ни товарищи его в детстве такими не были. Конечно, город не деревня, но дети везде дети. Сережка казался ему зазнайкой, позером. Все колхозную картошку возят, а он самовольно чей-то огород пашет...

— Смотрите, Елена Васильевна,— сдержанно предупредил Алексей Павлович.— Вы с ним еще беды хлебнете...

9

Сережка от дневных трудов и забот уснул, как убитый. Ему снилось, что они с Наташей грузят на Серого полные корзины грецких орехов. Серый дернул, орехи посыпались, загремели.

— Входите, входите,— услышал он голос матери,— Сережа-то спит, а я так лежала. Я ведь только к утру засыпаю. Входите, Елена Васильевна.

— Простите меня, разбудите Сережу, пожалуйста.

Сережа сел на постели.

— Что случилось, Елена Васильевна?

— Пропажа у меня. Конверт... Заклеенный. Будто письмо. Не попадался?

— А где он лежал-то? — попытался проснуться Сережка.

— В сумочке. Видно, обронила.

— Письмо-то важное? — сочувствовала мать.

— Да не письмо это. Деньги. Школе выделили, в общем, премия от совхоза. Я думала — в Пушкинские горы, на экскурсию ... или в Ясную Поляну.

— Деньги-то большие? — горевала мать.

— Искать надо,— Сережка решительно вскочил.

— Что ты! — махнула рукой Елена Васильевна.— Я на станции, видно, обронила. Разве там найдешь. Спи, Сережа, зря и взбаламутила вас.

— Как же теперь? — спросил Сережа.

— Да так. Денег у меня таких сейчас нет. Займу, наверное.

— Подо что займешь-то? — ахнула мать.— Отец без ног да в больнице. Одна ведь ты одинешенька. Ни сестер, ни братьев.

— Ладно,— остановил ее Сережка.— Не деньги нас наживали. Поможем. Я все лето знаете как вкалывать буду.

— Не знаю, как и скажу теперь,— вздохнула Елена Васильевна.— С вами вот поговорила — уже не так ужасно все кажется. Отдам. Наберу.

— На экскурсию и через год можно,— Сережка натягивал сапоги.— Я провожу вас.

— Вы уж больно-то никому не открывайтесь,— посоветовала на прощание мать.— Кто пожалеет, а кто и посмеется.

Сережа провожал Елену Васильевну до ее избы по светлой от майской ночи улице, утешал и оправдывался за мать.

— Раньше она у меня не такая была, а теперь недоверчивая... Вроде Алексея Павловича.

Елена Васильевна слушала молча, думала о своем.

10

Утром мать летала по избе, убирала, складывала, стряпала и без конца наказывала Сереже:

— Курам-то помногу не сыпь, затопчут. Поросенку норови очисток побольше, цельные-то картошки приберегай, там уже немного осталось.

— Не в первый раз один остаюсь,— бурчал Сережка,— управлюсь.

Он завтракал и одновременно листал учебник.

— Яички ешь, не жалей. Куда их. С десяток оставь, под клушку положить. Конечно, лишние и на базар бы свезти не грех.

— Некогда мне,— сказал Сережа.

— Лишний бы рубль не помешал,— вздохнула мать.— Я все Елену Васильевну поминаю — небось, за ночь глаз не сомкнула.

Сережа складывал сумку.

— Смотри,— позвал он мать.— Вчера на станции купил.

Мать повертела в руке яркую коробку.

— Это что ж такое? Не курево часом?

— Стал бы я тогда хвалиться тебе. Фломастеры это, ну, вроде карандашей, только ярче.

Ребята, так же как и Елена Васильевна, были расстроены пропажей денег — экскурсия теперь не могла состояться.

— Зачем тебе? — поинтересовалась мать.

— Наташке подарю. Чтоб рисовать сподручней было. Яркое-то она различает.

— Молодец сынок,— похвалила мать.— И чем она, горемычная, жить будет?

— Чем, чем... головой, вот чем,— рассердился Сережка.— И никакая она не горемычная.

— Слышь, сынок,— остановила его в дверях мать.— В сумке-то серой не орехи ли привез?

— Орехи,— улыбнулся Сережка.— Ты пока их не трогай.

— Да я и не открывала,— сказала мать.— Слышу, гремит, так и догадалась. Я их на печку сунула. Если что — там ищи... На кордон-то приедешь?

— Приеду,— сказал Сережка,— соскучиться не успеешь.

Он махнул с порога рукой.

Мать смотрела в окно, как пошагал он по дороге.

— Успею, сынок,— прошептала мать.

Это она верно сказала. Скучала она о сыне постоянно, до боли в груди. Стоило ему выйти за калитку, как ей начинало не хватать воздуха и света. Сергей знал про это, но никогда не показывал вид, что знал.

11

В учительской, несмотря на малое количество учителей, дверь открывалась беспрестанно, заходили ребята, что-то спрашивали, что-то отдавали. Оксана, девочка из Сережиного класса, пересыпала что-то из коробок в пакеты.

— Что это у тебя? — поинтересовался Алексей Павлович.

— Березовые почки. На весенние каникулы все ребята получили задание, теперь отправим в аптеку.

У Оксаны была большая светлая коса, а ее манеру держаться можно было бы назвать только величавой.

— Елена Васильевна говорит, замечательно ты Катерину играешь. Актрисой хочешь быть?

— Не знаю,— засмеялась Оксана.— У нас в семье все ветврачи.

— Алексей Павлович! — позвала Елена Васильевна.— Вы сегодня в шестом классе меня не замените? На физике. Хочу все-таки на станцию съездить, может быть, нашли да начальнику отдали.

— Наивный вы человек,— Алексей Павлович с жалостью поглядел на осунувшееся лицо Елены Васильевны, на поникшую фигуру.— Я вам предлагаю,— заговорил он горячо,— давайте получше расспросим Корнеева. Вы же с ним были. К тому же был момент, когда он один в кабине оставался.

— Что вы, что вы,— замахала на него Елена Васильевна,— вы не знаете наших детей. У нас никогда ничего не пропадало. Вы же видите, у меня связка ключей всегда в дверях торчит.

— Да я и не хочу ничего сказать, но даже Макаренко, и тот от детей всего ждал.

— Не надо,— покачала головой Елена Васильевна,— мои бедные ребята и так наказаны. Лишила я их поездки. А обещала давно.

— Сережа ваш — мальчик непростой,— начал Алексей Павлович.— Мне помог — тут же взаймы попросил. Сам видел, как он у старухи одной пахал. Тоже, наверное, не бесплатно.

— Я прошу вас,— перебила его Елена Васильевна,— не судить о том, чего... не знаете. И давайте кончим этот разговор.

Только сейчас она заметила Оксану и поняла, что та слышала весь разговор. Но ни на чем, кроме

своего несчастья, она сейчас сосредоточиться не могла.

12

«Считай несчастным тот день и час, в который ты не усвоил ничего нового».

Так было написано в кабинете физики через всю стену. Было тихо, ребята решали задачу, Сережа трудился у доски. Коробка с фломастерами лежала перед Наташей и страница тетради уже пестрела сине-красными линиями и обозначениями.

— Тебе, Сережа, надо почаще читать вот это,— Алексей Павлович указал на плакат. — Твои знания не то чтобы слабы, но... ты все-таки, кроме учебника, больше никакой информацией не располагаешь.

— Это уж так,— согласился Сережа, положил мел, прошел на место.

— Мы сельские,— сказал Коля Горин,— вы уж нас с городскими не ровняйте.

— Городские или сельские — вы все люди завтрашнего дня, а живете пока во вчерашнем. Впрочем, это не совсем ваша вина. И все-таки многое зависит от вас. Шагайте сами навстречу этому завтрашнему дню, он скорее приблизится.

— А компьютеры у нас будут? — спросил Сережа. — Вот это, наверное, штука замечательная.

— Будут и компьютеры, и полная механизация. Только идти в завтрашний день я советую вам с чистыми руками. Людям, способным на нечестные поступки, не место в завтрашнем дне.

— А мы и не будем их совершать,— сказал Коля Горин,— честное слово.

Алексей Павлович сделал вид, что не заметил иронии.

— И еще, ребята, запомните: не все в этой жизни измеряется деньгами, заработком. Не должно это быть целью и смыслом жизни.

Алексей Павлович сделал паузу, глянул в упор на Сережу. Ему показалось, что мальчик снисходительно улыбнулся.

— Ты согласен со мной, Сережа? — не выдержал Алексей Павлович.

Тот спокойно пожал плечами:

— Вы все правильно говорите, чего ж мне несогласному-то быть.

Прозвенел звонок, Алексей Павлович направился к двери. В глубине души он был недоволен собой, но почему возникло это чувство — было непонятно.

— На экскурсию не поедем,— громко сообщила Оксана,— у Елены Васильевны деньги пропали.

— Ну и что,— грубо оборвал ее Сережка,— маленькие, что ли? Все потешать вас и веселить надо? Работать зато будем...

— Да ну тебя,— сказала Оксана,— тебе все бы работать... А я вот в театр мечтала сходить. И вообще не командуй. Елену Васильевну ты ведь со станции вез?..

— Думай, что говоришь,— строго сказал Коля Горин,— а то я тебе прямо тут театр устрою.

— А это не я говорю,— прищурилась Оксана,— это в учительской говорили.

Оксана гордо вышла из класса. Коля, насупившись, двинулся за ней. Сережка подошел к Наташе. Та смотрела встревоженно.

— Как фломастеры-то? Ловко с ними?

— Очень,— Наташа близко-близко пододвинулась к Сережке, разглядывала лицо. — Они дорогие, небось. Ты деньги-то где взял?

Сережка отшатнулся, посмотрел на Наташу, будто впервые увидел.

— Где взял? — повторил он. — А украл.

И, сдернув со стола сумку, вышел из класса. Наташа ощупью собирала раскатившиеся по столу фломастеры.

13

Историк Иван Иванович и Алексей Павлович не спеша ехали на телеге по лесной дороге. Иван Иванович правил.

— Я сорок четыре года учу крестьянских детей,— говорил Иван Иванович. — Раньше мы, учителя, внушали — учитесь, а то в люди не выйдете, будете доярками да свинарками. А теперь пришло время, говорим — учитесь, чтобы вы смогли работать на селе.

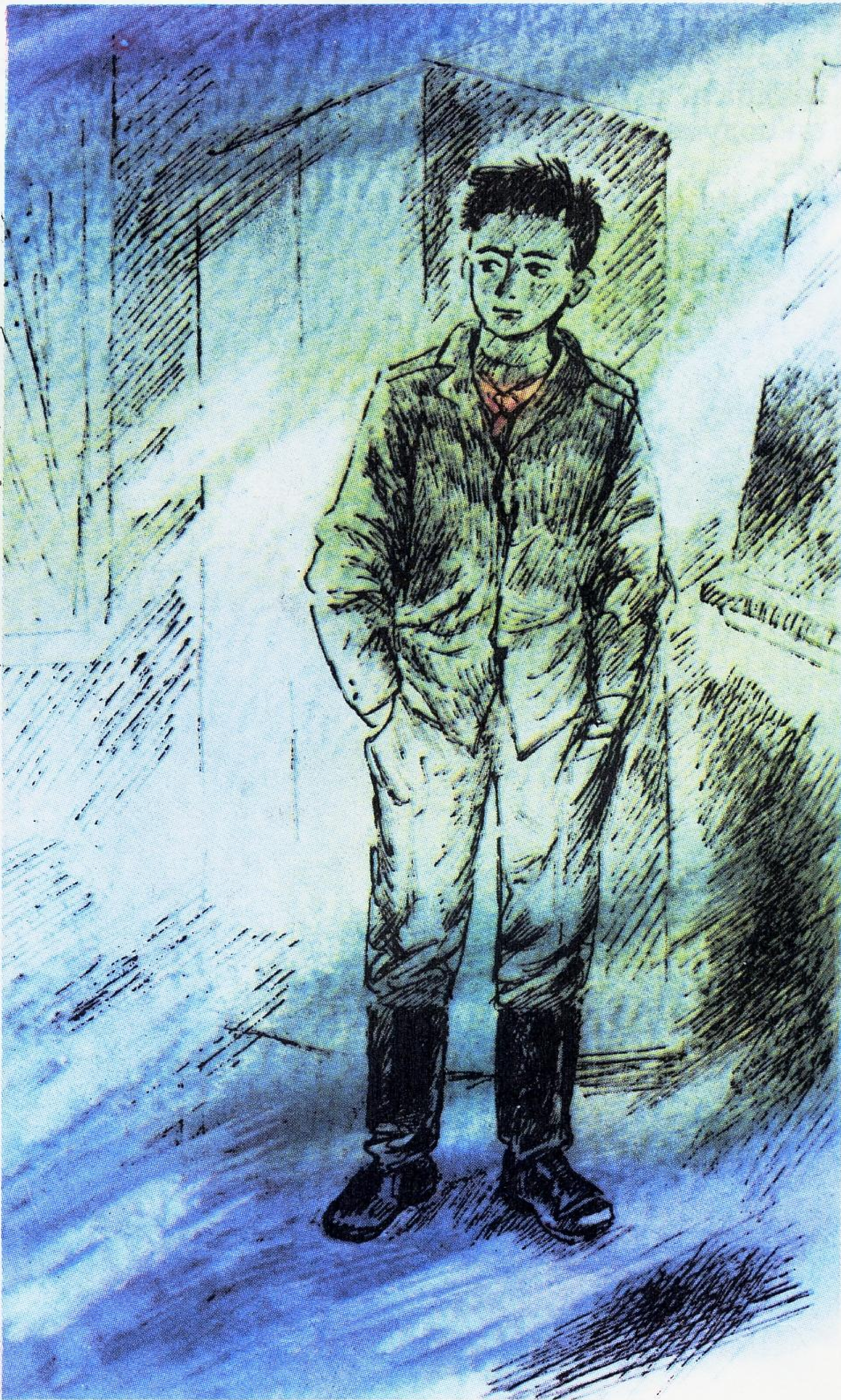
— И все-таки много молодежи уезжает,— возразил Алексей Павлович. Он полулежал в телеге, опершись на руку.

— Уезжают. А виноваты мы, старшее поколение. Наши дети не знают, что они крестьяне, мы избегаем этого слова, как-то боимся его. Все внушаем им, что грань между городом и деревней стирается. А зачем ее стирать? Что в ней плохого? Вот читаю — вошли в моду телогрейки. Так нашим ребятам это лучшая одежда, а их в нейлоновые куртки рядят. Городские будут в телогрейках, а сельские — в нейлоне. Смешно.

— Это несущественно,— сказал Алексей Павлович.

Запах леса и покачивание телеги нагоняли дремоту, но он старался слушать.

— В воспитании детей все существенно,— негромко говорил Иван Иванович.— У городского ребенка утром родители исчезают в таинственные

НИИ и «ящики», а сельские работы — они повседневные, привычны, похожи на домашние. Сельский ребенок растет среди этого древнего, как мир, труда и ничего таинственного в нем не видит... Да его еще и в школе учат, как городского, мол, «Сто дорог — одна твоя», а эта одна непременно либо в космос, либо в институт, как минимум. Толстой удивлялся и восторгался именно практическими чертами крестьянских детей и проистекающей из этого особенной, неповторимой талантливостью. Об этом надо чаще говорить в сельских школах. Чтоб знали и гордились. Вот, кстати, пример крестьянского таланта — Сережа Корнеев, незаменимый будет на селе человек, поверьте.

— Я уже слышал, что он вундеркинд. Какие-то вы все тут прекраснодушные,— засмеялся Алексей Павлович. — Почитайте Достоевского, каким сложным, противоречивым существом изображает он человека: добрый и жестокий, лживый и искренный — все вместе. Так и в вашем Сережке всего много, поверьте. Что из него выйдет — еще неизвестно. Не обольщайтесь.

— Педагогу положено обольщаться,— сказал Иван Иванович,— обмануться педагогу не страшно, страшно, если в нем его ученики обманутся.

— Наверное, я не педагог,— согласился Алексей Павлович,— дайте-ка мне вожжи.

Они въехали в село.

— Вот вы и дома. — Алексей Павлович остановил лошадь у домика, заросшего сиреневыми кустами.— А на конюшню я сам. Отдыхайте.

— Большое спасибо,— сказал Иван Иванович,— стыдно признаться, но действительно устал.

Они попрощались.

Алексей Павлович погонял. Бил в лицо ветер, и чувство, которое его охватило, напоминало либо что-то уже давно-давно испытанное, либо известное понаслышке — ожидание радости. И он подумал, что тридцать с небольшим — это совсем немного. Еще он подумал, что в городе ему бы это не пришло в голову.

По дороге навстречу ему шла Наташа.

— Наташа,— окликнул он. — Ты где была?

— Ой,— по голосу узнала она,— Алексей Палыч! Вы Сережку не видели?

Сережа вернулся, ведя в поводу Серого, сел к костру, налил в кружку чай.

— Нет,— сказал Алексей Павлович. — Я к Черному камню ездил, там сбор будет. Надо было приготовить кое-что.

— Сказали, будто Сережка на кордон к матери уехал. — Наташа казалась очень расстроенной и даже заплаканной.— А мне он очень нужен.

— Вернется,— успокоил Алексей Павлович. — Давай домой отвезу.

— Я завтра в Москву уезжаю, на операцию,— сказала Наташа,— телеграмма пришла. Мне Сережа нужен, попрощаться.

— Ты письмо напиши,— посоветовал Алексей Павлович. — А потом, ты и уедешь ненадолго. Эти операции я знаю,— через две недели вернешься.

— Спасибо,— сказала Наташа. — До свидания, Алексей Павлович.

Она пошла по дороге, но вернулась.

— Вы про Сережку плохого не думайте. Вы его не знаете. Он свое отдаст. Зачем вы? А он и на меня обиделся. Думал, я тоже.

— Домой иди,— вздохнул Алексей Павлович,— пока не стемнело. А про Сережу я ничего плохого не думаю.

— Спасибо,— обрадовалась Наташа.— Вы поезжайте, не беспокойтесь. Я тут все тропиночки знаю.

14

Алексей Павлович подъехал к дому Елены Васильевны, стукнул в окно. Она вышла на крыльцо.

— Знаете что,— сказал Алексей Павлович,— поедемте, покатаемся. Слышите, как соловей поет?

— Что это вы надумали? — улыбнулась Елена Васильевна.

— Вы тут все хорошие, и я решил стать похожим на вас. Рады?

— Не знаю пока. Продолжайте. — Елена Васильевна придерживала на груди теплый платок, куталась в него.

Алексею Павловичу хотелось хоть на сегодняшний вечер стать своим этим людям, этой строгой Елене Васильевне. Смешно, ведь не иностранец он, не с Луны, на одном языке изъясняются, а вот поди же ты, все время видит он в ее глазах не то что недоверие, а отчуждение какое-то.

— Я уже понял,— говорил Алексей Павлович,— вы тут люди особенные, все — и большие, и маленькие. Потому что здесь все друг у друга на виду. Сейчас вот Наташу встретил. Идет и у всех спрашивает — не видали ли Сережку? Ей завтра на операцию, а он на кордон уехал. Ужасно трогательно, ищет, как Герда своего Кая...

— На кордон? — перебила Елена Васильевна. — С чего это вдруг в середине недели?

Она пристально глянула на Алексея Павловича.

— Вы никаких расследований не проводили?

— Н-нет,— замялся Алексей Павлович,— сказал что-то в общих чертах, чтоб все к сведению приняли...

Елена Васильевна быстро сбежала по ступенькам, села боком на край телеги.

— Скорее. К Наташиному дому. Будем надеяться, что она вернулась.

Наташина мать схватилась за сердце.

— Да где ж она? Жду, жду, ну, думаю, пусть уж... и так ей мучиться. С подружками попрощаться пошла, к Сережке, говорит, зайду.

— Сережа на кордоне, у матери. Не туда ли она пошла?

— Господи! — ахнула мать. — Лесом-то!

— Не волнуйтесь,— сказала Елена Васильевна,— мы ее найдем.

Она подошла к Алексею Павловичу.

— Я виноват? — спросил он.

— Тут всего семь километров,— сухо сказала Елена Васильевна. — Можно было и отвезти Наташу. Она же уезжает, а в лес по телефону не позвонишь. Ну, вам это сообразить было трудно. Теперь главное ее найти. Дорога туда неплохая, если только она с нее не собьется.

Алексей Павлович стегнул лошадь, и та с места взяла размашистым скоком.

— Подождите! — напрасно крикнула ему вслед Елена Васильевна.

Вечер уже сделался темно-синим. Глухие ко всему на свете соловьи разливали неподражаемые трели.

15

Небо было светлым, и в лесу не казалось по-ночному жутко. Даже звуки, долетавшие из глубины, были живыми, не страшными.

— Сережка удивится, что мы вместе приехали,— возбужденно говорила Наташа. — Я ему только скажу, чтоб не обижался, и сразу обратно поедем.

Дорога шла прямо, и сомнений в ней не было.

— Хочешь, будем песни петь? — предложил Алексей Павлович. — Я туристских много знаю. Студентом был — мы в походы ходили. Ночевали в лесу. Романтика!

Он запел было отчаянно-грустную туристскую песню, но быстро забыл слова.

— Вы одинокий или семейный? — спросила Наташа.

— Как тебе сказать. В данный момент одинокий.

— Деревенские тоже часто стали разводиться,— вздохнула Наташа. — С городских пример берут.

— Ты как старушка рассуждаешь,— засмеялся Алексей Павлович,— просто теперь каждый человек — личность и никакого нажима не терпит. Стой, куда это мы выехали?

Дорога огибала заросшую высокой травой поляну, а на другом краю поляны стояла колокольня.

— Колокольня? — удивился Алексей Павлович.

— А... — догадалась Наташа. — Это мы свернули, значит. Дорога-то на кордон как раз мимо идет.

— Какой век, интересно? — с восхищением разглядывал развалины Алексей Павлович. — Я немного художник да к тому же историю люблю. Русскую историю.

— Нам Иван Иванович рассказывал, тут скит был. Про протопопа Аввакума слышали?..

— Слышал...— ответил Алексей Павлович.— Сейчас мы эту поляну напрямую пересечем...

Лошадь, фыркая и упираясь, повернула в густую, высокую, сильно пахнущую траву...

— Смотри,— сказал Алексей Павлович,— цветы какие интересные, на ирисы похожи. Настоящие желтые ирисы. Хочешь, нарву?

Наташа схватила его за руку.

— Ирисы? — испуганно спросила она. — Дальше нельзя! Тпру! Остановите! Это же болото.

16

Сережка ломал сухие ветки, задумчиво кидал их в костер. Булькал в котелке чай, мать резала хлеб на полотенце.

— Хорошо тут,— сказал Сережка,— тихо. Нет никого. Я, наверное, здесь останусь. Все равно тебе помощник нужен. За хозяйством соседи приглядят.

— Что это ты в лесу прячешься? — удивилась мать. — Тебя вот хозяином на селе зовут... Сколько у тебя там дел-то. Елене Васильевне надо помочь, Наташке, еще кому...

— Да ну,— отмахнулся Сережка. — Обойдутся... Не нужен я никому, кроме тебя и Серого.

— Обидели? — тихо спросила мать. — Что случилось-то, расскажи.

Сережка молчал. Лес негромко шелестел макушками сосен и елей.

— Гроза будет,— сказал Сережка,— надо загородки проверить, а то телята напугаются.

Он ушел в темноту и скоро вернулся, ведя в поводу Серого.

— Ты на него брезент накинь,— посоветовала мать,— куда уж ему мокнуть, бедняге.

— Ветеринар сказал: уход и отдых.— Сережка ломал хлеб, протягивал Серому, тот осторожно брал губами, медленно жевал. Сережа похлопал коня по шее: — Вот и ему тут будет хорошо.

Где-то далеко невнятно пророкотало. Шум в верхушках деревьев набирал силу. Сережка сел к костру, налил в кружку чай. Мать смотрела, как он пьет. В неровных отблесках костра сын показался ей слабым и болезненным.

А лес шумел все сильнее, и рокот полукружьем охватывал темное пространство, на узком пятачке которого сидели двое.

— Останусь я с тобой,— опять проговорил Сережка.— Плохо ли?

— Конечно, оставайся, сынок,— сказала мать дрогнувшим голосом.— Среди людей жить — все испытаешь. Терпение большое нужно. И напраслину возведут, и за добро злом отплатят — всякое случается. Обижаться только нельзя, злиться не надо — от этого сердце чернеет. Переждешь — правда и выплывет.

— Сама-то ты людей сторонишься,— сказал Сергей.

— На меня не смотри. Я горя не выдержала.

Он знал, что так оно и было. Сильно переменилась мать, неузнаваемой стала, когда за год потеряла мужа и старшего сына. Одного за другим. С тех пор и стала она сторониться людей, а громкой речи вовсе слышать не могла.

— А тебе, Сереженька, надо с людьми. Ты людям нужный. Знай только, что правда проявится.

— А всегда она всплывает, правда-то? — с горечью спросил Сережка.

— Всплыве-ет! — убежденно сказала мать.

Неожиданный, не сразу даже понятный в этой тиши треск мотоцикла вспугнул Серого. Задвигались, завздыхали телята. Сережка вгляделся в темноту и не поверил своим глазам. К костру бежала... Елена Васильевна, за ней спешил бригадир.

— Наташи здесь нет? Она к тебе пошла. Ей утром в Москву уезжать на операцию.— Елена Васильевна была перепугана.

— Давно ушла? — вскинулся Сережка.

— Еще светло было. Да не пугайся. Алексей Павлович ее на лошади догонял. Может, уж она с ним.

— Тогда бы мы должны были их встретить,— вздохнул бригадир,— мы все дороги объехали.

Сережа вскочил на коня.

— В какую сторону ехать-то? — всполошилась мать.— Темень, сейчас дождь пойдет.

— Ничего,— сказал Сережа.— Серый ее обязательно найдет.

— Лучше я,— предложил бригадир.— Слезай. Я поеду.

— Нет.— Сережа возразил решительно.— Вы большой. Серому будет тяжело.

— Тогда я на мотоцикле,— сказал бригадир.— Ты в одну сторону, я в другую. А встретимся здесь.

Сережка осторожно сдавил бока коня, и тот готовно заспешил в темноту. Начинался дождь.

17

— Дождь,— сказала Наташа,— теперь мы и вовсе не выберемся.

— Замерзла? — спросил Алексей Павлович.

Он был почти раздет, потому что закутал Наташу всем, чем было можно.

— Не очень,— сказала Наташа,— только есть хочется.

— У меня дома замечательные конфеты «Вечерний звон»,— сказал Алексей Павлович.— Вернемся — сразу сделаем чай.

Наташа вздохнула:

— Лошадь жалко, как она там?

— Почти по колено уже провалилась. Что же делать... Все-таки я попробую спуститься, ты не бойся.

— Сидите, Алексей Павлович, миленький.— Наташа ухватилась за него руками.— Только сидите спокойно. Уйдете, да и пропадете вовсе. Вы по болотам сроду не ходили, их знать надо. Не бросайте меня, я в такой темени и вовсе ничего не вижу.

Она заплакала.

Черная туча висела над ними, молния выхватывала развалины колокольни, в белых вспышках она казалась очень высокой, тяжело нависала над болотом и будто хотела обрушиться и уйти навсегда в его зыбкие глубины, под его сочные травы.

— Не плачь.— Алексей Павлович тряхнул Наташу за плечи.— Давай кричать. Нас наверняка ищут.

Наташа вытерла глаза, глубоко вздохнула.

— Сере-жа! — закричала она тоненьким после слез голосом.— Сере-ежа!

Шум дождя и грома завладел лесом, и в этот шум вплелись два человеческих голоса, которые звали:

— Сережа! Сережа!

Лошадь, стоявшая смирно, вдруг задвигалась, коротко заржала, и откуда-то со стороны дороги долетело ответное ржание.

— Серый! — закричала Наташа.— Это же Серый, вы слышите?

— Наташка, ты здесь? — услышали они Сережкин голос.— Вот девка нескладная, ей утром в Москву ехать, а она в болоте застряла. Алексей Павлович с тобой?

— Здесь я,— сказал Алексей Павлович, поднимаясь на телеге во весь рост.— Что делать, Сережа?

— Придумаем... Вас-то с Наташкой я добуду. Лошадь жалко, молодая лошадь-то. Веревка нужна.

— Веревка есть.

— Ну тогда порядок. Кидайте мне один конец.

Дождь кончался, ветер гнал прочь черноту, возвращал земле светлую майскую ночь.

Сережка поймал конец веревки, огляделся. Удобно растущего дерева не было.

— Серый,— позвал он.— Стоять, Серый.

Он обвязал коню грудь, узел завязал на спине.

— Сережка,— жалобно позвала Наташа.— Скоро?

— Терпи,— сердито сказал Сережа.— Не я вас в болото пихнул. Алексей Павлович, попробуйте хоть одну доску от телеги оторвать, а я веток наломаю.

Держась за веревку и двигая перед собой стянутые охапки веток, Сережка осторожно продвигался к прочно увязнувшей телеге.

Какая-то птица кричала неприятно и тревожно, мокрая трава казалась поседевшей.

— Осторожно,— попросил Алексей Павлович,— ты только осторожно, Сережа.

Алексей Павлович вгляделся в спящего на скамейке паренька. Это был Сережа. Он встречал Наташу.

Сережка ухватился за телегу, минуту передохнул.

— Давай, Наташ,— сказал он.— Да не бойся. Ты ж со мной.

— Боюсь, ступлю не туда,— прошептала Наташа.

— Держись за веревку.

Он держал ее обеими руками и не сомневался, что выберутся они из трясины. Все будет хорошо, обязательно будет хорошо. И вместе с той мыслью возникла другая, страшная — о том, что предстоит Наташе в Москве, в больнице. Не сделали ли бы хуже. И еще он понял, что все это время не просто обнадеживал Наташу: сам очень надеялся.

— Ну вот,— сказал Сережка.— Поздравляю с благополучным прибытием на землю.

Наташа звонко поцеловала его в щеку, Алексей Павлович протянул руку.

— Спасибо. И... извини. Прости меня.

— Да ну,— сказал Сережка.— Это Серый вас нашел, его и благодарите. Вы пока попрыгайте, погрейтесь, а я лошадь попробую достать.

— Давай подождем до утра,— взмолился Алексей Павлович,— людей позовем.

— До утра ее совсем затянет.— Сережка проверял надежность веревки.— Надо сейчас попробовать. Да вы не волнуйтесь, тут Серому придется потрудиться, я только распрягу ее.

Он погладил коня, поцеловал его.

— Видите, он и сам сейчас волнуется, боится, что мы лошадь бросим. Они же из одной конюшни. Поработаешь, Серенький?

Серый коротко всхрапнул, из болота донеслось жалобное, как просьба о помощи, ржание лошади.

— Иду,— крикнул Сережа.— Держись, милая!

— Сережка, я боюсь! — закричала Наташа.

— Отойди в сторону, трусиха,— раздался уже из тумана Сережин голос,— а вы, Алексей Павлович, будете помогать Серому, когда я скажу.

— Я за тобой иду,— закричал Алексей Павлович, направляясь за Сережей.

— Не сметь! — грозно крикнул Сережка.— Погубить всех хотите? Слушать, что я прикажу!

Он сам удивился решительности своего голоса и словам, которые, может быть, впервые произнес резко и уверенно. «Прикажу!» Подумаешь, какой командир нашелся. Только на мгновение оробел Сережа, услышав себя со стороны, но в следующее мгновение он услышал голос Алексея Павловича.

— Понятно.

Алексей Павлович напряженно вглядывался в покрывший болото предутренний туман. Наташа сжалась в стороне сереньким комочком. Впереди на дороге послышался шум мотоцикла.

18

— Два часа прошло.— Елена Васильевна посмотрела на часы.— Надо ехать в село, собирать людей. Видно, Сережа не нашел.

— Сам-то он где? — тоскливо спросила мать.— Это ж надо такой характер иметь. До того на себя надеется, будто он все может. Будто, кроме него, и сделать некому.

— Тихо,— сказала Елена Васильевна.— Слышите? Мотоцикл...

Обе бросились к дороге.

Наташа сидела в коляске, Алексей Павлович сзади бригадира. Мотоцикл затормозил прямо около Елены Васильевны.

— Вот,— сказал бригадир,— потерпевшие доставлены.

Он был весь измазан грязью, Алексей Павлович — ему под стать.

Елена Васильевна обняла Наташу.

— А Сережка? — Мать прижала руки к груди.

— Около Серого остался,— сказал брига-

дир.— Серый лошадь из болота вытащил. Мы вот,— он показал на Алексея Павловича,— помогали, но он все равно надорвался, видно. Старый ведь. Лежит, не поднимается.

— Побегу,— всполошилась мать.— Может, еще отдышится... Молоко надо взять.

— Я провожу,— сказал Алексей Павлович.

— А вы отвезите Наташу,— сказала Елена Васильевна бригадиру,— ей нельзя опаздывать.

Мотоцикл застрекотал по дороге.

19

Алексей Павлович вошел в небольшое станционное здание, поискал глазами, куда бы сесть. Было раннее утро, но народу было много, особенно молодежи, которая ехала в город учиться. На скамейке спал паренек. Алексей Павлович вгляделся — это был Сережка. Он осторожно растолкал его.

— Эй, проспишь поезд. Куда едешь?

— Не,— заспанно улыбнулся Сережка.— Я Наташку встречаю. Три поезда пропустил. Может, с утренним приедет. А вы далеко?

— Домой,— сказал Алексей Павлович.

— Насовсем уезжаете? — спросил Сережка.

— Скорее всего вернусь,— сказал Алексей Павлович.— Хочешь, приезжай ко мне на каникулы. Походим вместе, я тебе все покажу: музеи, улицы новые, площади.

— Дел много,— вздохнул Сережка,— а то бы поехал.

— Пословица есть,— задумчиво сказал Алексей Павлович,— где родился — там сгодился. Верно сказано, да?

— Ага,— сказал Сережка.— Только вы все равно приезжайте. Мы ждать будем.

— Через полгода точно вернусь,— пообещал Алексей Павлович,— к зиме. Все дела улажу — и к вам.

— А мой Серый уже в коня вырастет. У меня на конюшне теперь жеребенок. Я его Серым назвал.

Поезд вынырнул из небытия и тишины. Электровоз был новый, краска отливала в свете вокзальных фонарей, а вагоны были какие-то тусклые, и окна у них светились тускло.

Алексей Павлович из тамбура помахал Сереже, стоявшему на платформе, и пошел по вагону.

Когда врачи сказали ему, что его сердце и нервная система требуют перемены обстановки и не худо бы на месяц-другой уехать в какую-нибудь глушь, он вспомнил про покойную свою тетку Анну Александровну Ерохину, нашел ее наследников и в надежде полной безмятежности ринулся сюда. Безмятежности почему-то не вышло, и это, наверное, к лучшему. Он думал обо всем, чему оказался свидетелем и в чем невольно принимал участие, и понимал, что если он и не вернется сюда и никого из здешних людей никогда больше не увидит, то все равно, как важны были ему для всей его жизни эти встречи, эти люди, эта земля...

Поезд ушел. Сережа смотрел в пустое пространство, блестевшее стальными лезвиями рельсов. Поезда со стороны Москвы все не было. «А Алексей Павлович вернется,— подумал он уверенно.— Обязательно вернется. Понял же он, какие у нас люди. И красота какая».

20

День близился к вечеру, но щедрое и долгое майское солнце вовсю грело и радовало все живое.

В школе было пусто. Теперь, без ребячьей суеты и гомона, в коридоре можно было увидеть и оценить количество всякой полезной информации на плакатах, стендах и диаграммах. Добытые тонны угля, километры новых железных дорог, новые спортивные рекорды, последние молодежные моды, фотографии космических кораблей и биографии космонавтов. А еще висели на стендах сводки с полей совхоза, раскинувшихся вокруг школы, фамилии бригадиров, трактористов, животноводов и рядом с ними такие же фамилии учеников с их школьными оценками. В общем — все о стране, которая есть Родина взрослых и подрастающих людей.

...Тихо в школе, и только из-за дверей шестого класса раздается мольба:

— Не уезжай! Останься! Тишенька, голубчик! — Оксана с растрепанной косой валялась в ногах у Коли Горина.

— Да я только и жду, кабы мне на денек вырваться отсюда,— с тоской сказал Коля.— Вы с маменькой совсем век мой заели.

— Получается,— сказала Елена Васильевна,— мне нравится. Вначале сыграем в школе, а потом и в клубе «Грозу» покажем.

— Можно идти? — спросила Оксана.

— Конечно,— кивнула Елена Васильевна, но тут же спохватилась: — Ой, чуть не забыла. Мне вчера Сережа орехи принес, просил, чтобы мы их к Наташиному приезду подготовили. Фольгой обернули. Наташа хотела малышам сюрприз сделать. Это недолго, если все возьмемся.

— Только, чур, вы нам что-нибудь расскажете,— сказал Коля.

— Хорошо,— согласилась Елена Васильевна,— я вам расскажу, куда мы поедем.

— На следующее лето? — спросила Оксана.

— На следующее... — вздохнула Елена Васильевна.— Ну вот, а поедем мы в Ясную Поляну. Я хочу, чтобы Толстой стал вашим любимым писателем.

Ребята сели вокруг, вооружившись ножницами и клеем. Елена Васильевна высыпала содержимое серой холщовой сумки на стол. Покатились крупные звонкие орехи, а сверху лег небольшой бледно-голубой конверт, на котором было написано только одно слово — «Школа».

— Господи,— вскрикнула Елена Васильевна.— Это же он!

И как в кино увидела она перед собой станцию, встречу с Сережей, неуклюжий прыжок с трактора и сумку, из которой все полетело на землю. Конечно, какой-то добрый человек, проходя мимо, видел это, поднял конверт и сунул его в мешок с Сережкиными орехами. Орехи-то прямо у двери трактора стояли. Конечно, так. И, наверное, тот добрый человек подумал, что разиня она, растяпа.

— Что это? — стали спрашивать ребята, пытаясь заглянуть в распечатанный Еленой Васильевной конверт.— Что в нем, Елена Васильевна?

— В нем... В нем, ребята, наша экскурсия. Ура?

— Ура! — закричали ребята.

— А почему в орехах-то? — спросил Коля Горин.— Как это сюда попало?

И тут Елена Васильевна начала смеяться. Глядя на нее, засмеялись ребята. В класс заглянул первоклассник Вовка.

— А там Сережка приехал,— доложил он.— И еще Наташа. И она уже без очков.

Так и встретили Сережку с Наташей — смехом. Со смехом обнимали, сквозь смех пытались рассказать и объяснить, но и так было понятно: все в жизни должно оканчиваться хорошо.

КОНЕЦ

ВЕСНА, ВЕСНА!

ИЗ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

* * *

— Ой, весна, весна — днем красна,
Что ты нам, весна, принесла?
— Принесла я вам летушко,
Уродился чтоб хлебушко:
Рожь, озимая пшеница —
Все, что в поле колосится,
Чтобы дети играли
Да веночки сплетали.

* * *

Уже весна,
Тут не до сна,—
Просыпайся,
Вербочка,
Распускайтесь,
Веточки!

* * *

Брызни, брызни, дождичек,
Сварю тебе борщичек.
Поначалу тоненько
Лей, как из подойника,
А затем, как из ведра,
Чтоб земля была щедра.

* * *

Говорит заря месяцу:
— Ой ты, месяц, товарищ мой,
Не всходи ты раньше меня,
А взойдем-ка с тобою вместе.
Осветим и небо, и землю,—
Оживится зверь в чистом поле,
Ободрится путник в дороге.

Перевел с украинского
Евгений АДАРИЧ.

Николай ЛАНЦОВ

Апрель

Пусты еще в садах скворешни,
И низко виснут облака.
Но светятся водою вешней
Сугробов синие бока.

Дымятся талые тропинки.
Бегут раскосые ручьи.
В полях на белые овчинки
Садятся черные грачи.

Повеет новою листвою
Из голых рощ вокруг села.
И пчелы лапкой золотою
Качнут цветов колокола.

Автограф Гагарина

12 АПРЕЛЯ —
ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

Это было ровно 25 лет назад.

События тогда развивались стремительно. Друг за другом стартуют два корабля-спутника. На одном из них «Иван Иванович» — манекен. Он в кресле космонавта, стекло шлема скафандра опущено — на стекле яркая надпись «макет». «Иван Иванович» приземляется в заснеженной степи, и группа спасателей бросается к нему, будто это первый человек вернулся из космоса...

Академик Сергей Павлович Королев докладывает в Москву лаконично: «Генеральная репетиция прошла успешно, без замечаний».

Теперь уже ясно, что следующим должен полететь человек. Но кто именно?

Готовилось шестеро... Их называли «ударной шестеркой» с минувшего лета, когда выделили из отряда космонавтов именно для подготов-

Слово летчикам-космонавтам СССР

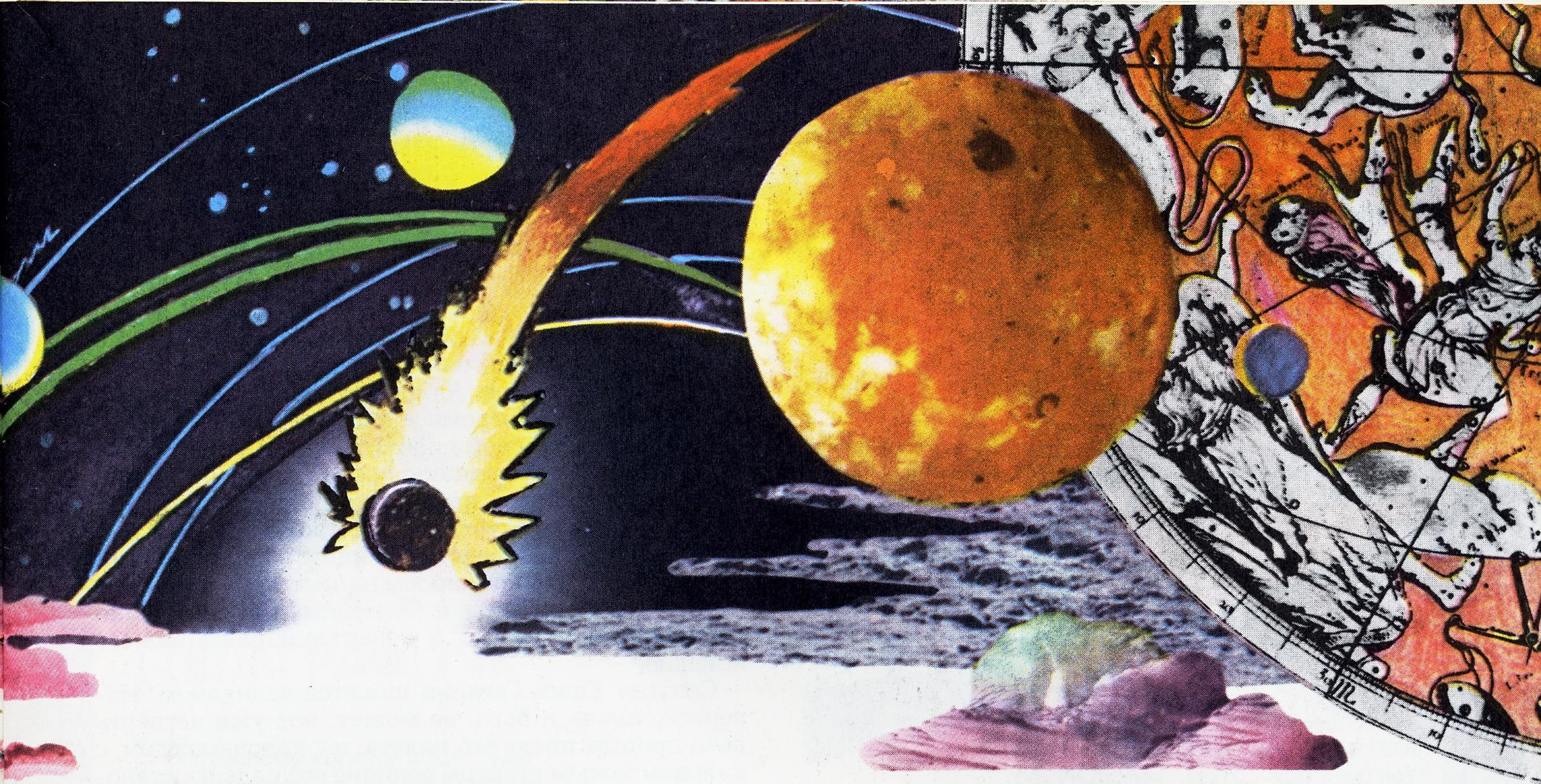

Олег МАКАРОВ:

Те, кто отбирал первую группу космонавтов — славную «востоковскую» группу,— ни в ком не ошиблись. Это были хорошие, крепкие люди, хорошие летчики, а прежде всего хорошие, человечные люди. И первым мы по праву называем Юрия Гагарина. В любой работе, мне кажется, самое главное — черты характера человека. Значительно проще каждого научить любой профессии, чем сделать из него хорошего человека...

Герман ТИТОВ:

Когда нам объявили, что Юрий будет командиром, а я дублером, нельзя сказать, что я

ки к полету на «Востоке». На кого падет выбор?

3 апреля 1961 года в Звездный городок приехал Николай Петрович Каманин. После обеда он собрал всех космонавтов.

— Принято решение о полете человека в космос,— сказал он.— Послезавтра вылетаем на космодром.

Их встречал Сергей Павлович Королев. Настроение у Главного конструктора было хорошее, и все это сразу же заметили.

— Как самочувствие, орелики? — спросил Королев.

— Боевое...

— В таком случае будем работать вместе. Думаю, восьмого можно будет вывозить ракету на стартовую позицию, а десятого—двенадцатого старт. Как видите, в вашем распоряжении еще есть время.

Космонавты не знали, что свободного-то времени у них как раз и не будет. И об этом позаботился все тот же Королев. Руководителям подготовки он сказал:

— Надо, чтобы летчик ушел в полет в наилучшей форме, не перегорел. Составьте поминутный график занятости основного пилота и его дублера.

И вновь никто еще не знал, кто станет «основным» и кто «запасным»...

8 апреля в монтажно-испытательном корпусе шли тренировки пилотов. А в это время члены государственной комиссии приняли такое решение: «Одновитковый полет вокруг Земли на высоте 180—320 километров продолжительностью 1 час 30 минут с посадкой в заданном районе...»

А затем комиссии предстояло решать: кто?

Это решение невольно «выдал» сам Королев, хотя настаивал, чтобы пилоту не говорили ничего до 10 апреля или даже до старта. Случилось это так. Ученые и конструкторы приехали понаблюдать за тренировками. Когда в корабле оказался Юрий Гагарин, Королев подошел и начал подробно объяснять, как работают разные системы. Вдруг Гагарин улыбнулся и тихо сказал:

— Все будет хорошо, Сергей Павлович!

Королев даже растерялся:

— Что же у нас получается: я подбадриваю его, а

был в восторге от такого назначения. Конечно, я был очень огорчен, потому что всем тогда хотелось слетать в космос... Первое время было трудно отвечать, точнее, рассказывать о своих чувствах, но теперь я могу сказать совершенно однозначно, что по своему характеру, по складу, по своему умению общаться с людьми Юрий все-таки больше подходил для первого полета.

Виктор ГОРБАТКО:

Когда я улетал, да и другие тоже, хотелось крикнуть по-гагарински: «Поехали!». Но я сдержал себя. «Поехали!» — это гагаринское, и только его. Оно имело право звучать один раз, тогда, 12 апреля.

Алексей ЛЕОНОВ:

...Я вдруг сквозь космический треск и шумы услышал его голос: «Как у меня дорожка?» Это он о траектории спрашивал. Представляете, на активном участке летит, первый старт человека, а Юрий спокойно и деловито интересуется очень конкретными вещами. Казалось бы, эмоции должны захлестнуть, а он работает... Я уверен, не будь Гагарин первым космонавтом, он стал бы прекрасным летчиком, или металлургом, или колхозником. Главное — к этому времени он уже состоялся как человек. Он замечал в других лучшее. Вспомните: «У меня прекрасная мама»,— говорил Юрий. И это так. Анна Тимофеевна дала ему все. Отец приучил к труду с детства. Он говорил о своей учительнице так, будто лучших учителей в мире нет. Друзья? Преподаватели в ремесленном училище? Командиры? Обо всех Гагарин говорил: «Замечательные люди, лучшие!» Юрий умел ценить человека, и это помогло ему создать самого себя, такого, каким мы его знали и каким он навсегда останется в памяти человечества. И о своих командирах, об учителях Юрий с удовольствием рассказывал пионерам и комсомольцам во время встреч. А таких

он убеждает меня в еще большей надежности корабля.

— Мы, Сергей Павлович, подбадриваем друг друга,— рассмеялся Гагарин.

И тут же инженеры, техники, специалисты, что окружали корабль, начали брать автографы у Юрия Алексеевича. Уже ни у кого не было сомнений, что полетит именно он...

Последние часы и минуты Юрия Гагарина на Земле перед его легендарным стартом сегодня известны до мельчайших подробностей. Они высвечены в воспоминаниях очевидцев, в тысячах метрах кино- и телесъемок, наконец, он сам в своей книге «Дорога в космос» рассказал о них обстоятельно и подробно.

А мы увидели его впервые на ковровой дорожке аэродрома Внуково, когда Юрий Алексеевич в новенькой шинели с майорскими погонами шагал от трапа самолета к правительственной трибуне. И все наблюдавшие за ним на аэродроме и по телевидению заметили, что шнурок на его ботинке развязался. И заволновались: вдруг споткнется и упадет?! А он шел легко, весело и даже как-то буднично, будто для него, обыкновенного паренька со Смоленщины, привычное дело шагать так, на виду у всего человечества. А потом с трибуны Мавзолея он приветствовал огромное людское море, расплескавшееся по Красной площади, и не было предела человеческому ликованию, потому что всеобщий праздник пришел к нам. Юрия полюбили сразу и навсегда — за простоту, мужество, за улыбку и потрясающую готовность совершить подвиг во имя всех. Гагарин стал символом нашего поколения, его гордостью, его надеждой. Он понимал, сколь велико доверие к нему людей, и с честью оправдывал его жизнью.

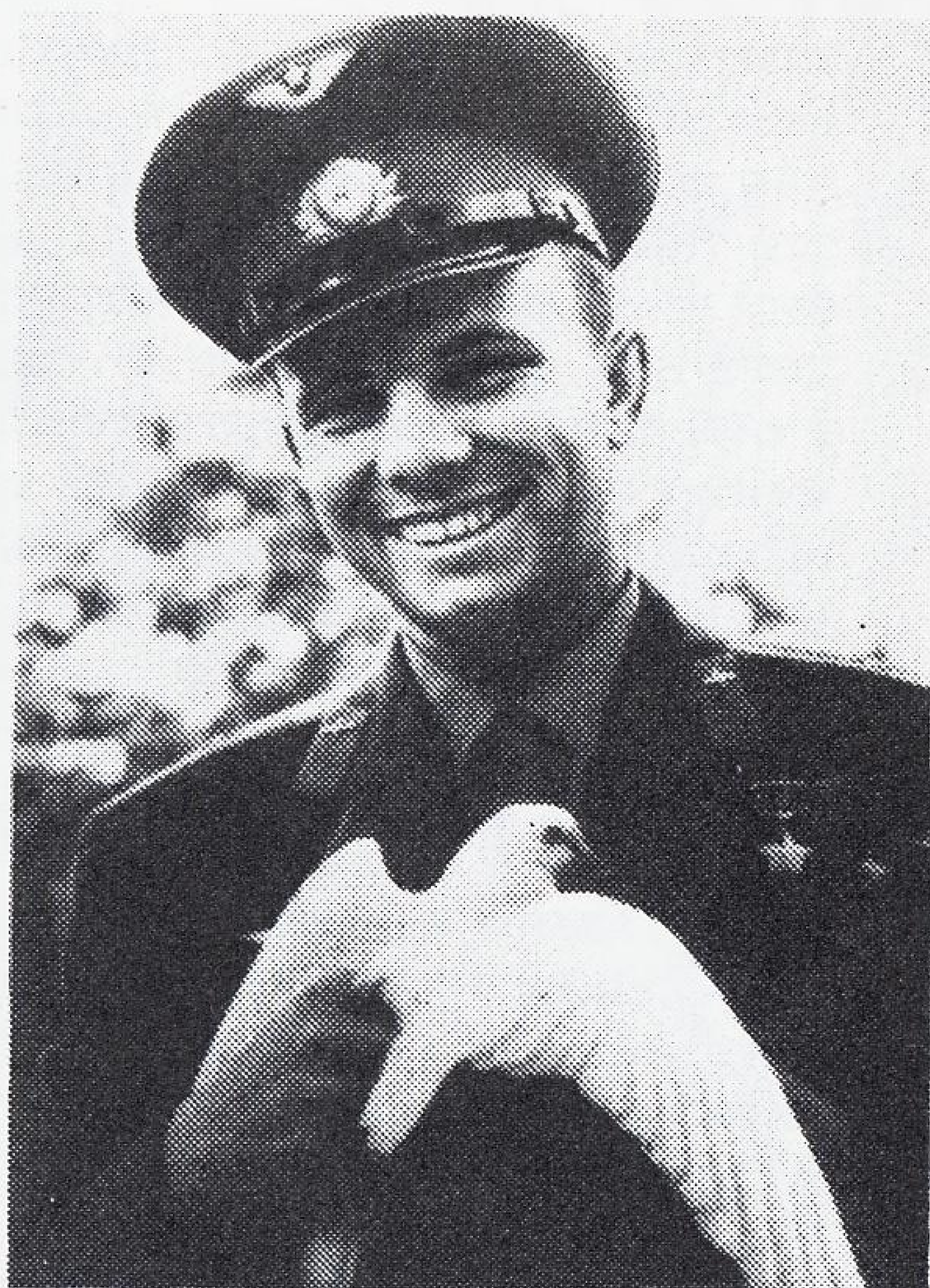
Сегодня Юрий Гагарин кажется великаном. Наверное, иначе и быть не может: вот уже четверть века прошло после его полета, и с каждым годом, с каждым новым стартом величие его подвига становится все весомей, ощутимей. И оттого Юрий Гагарин выглядит сказочным богатырем, способным всю планету поднять на своих плечах.

А разве это не так? Разве сказки не рождаются жизнью?

...Сам Юрий Алексеевич не любил говорить о себе. Мы частенько расспрашивали его об увлечениях, о разных встречах, он начинал говорить и вскоре мы уже замечали, что Гагарин рассказывает о друзьях, о своих собеседниках, о знакомых. О себе ни слова, будто вовсе и не достоин этого. И еще. Мечтал ли он, делился ли планами на будущее, вспоминал ли прошлое — неизменно подчеркивал: «Главное — это труд». А однажды, надписывая мне на память свою книгу, на секунду задумался, а затем на страницу легли такие строки: «Всякий труд, большой или маленький, благороден, если он свершается на благо людей. Я счастлив, что в этом труде есть и моя доля». И размашисто расписался.

В этих словах весь Юрий Гагарин.

Владимир ГУБАРЕВ,
лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола.

встреч было очень много: Гагарин любил молодежь.

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ:

Каждый месяц современного длительного полета можно сравнивать лишь с секундами первого. Мы шли в космосе по проторенной дорожке, лишь там, на орбите начиналось новое. А для Гагарина все впервые, все абсолютно! Тогда, в 61-м, даже трудно было представить, что последует за первым полетом, насколько широка и разнообразна будет последующая программа космических исследований. Пожалуй, лишь несколько человек, таких, как Сергей Павлович Королев и Мстислав Всеволодович Келдыш, могли прогнозировать космическое будущее. И поэтому так принципиален полет Юрия Гагарина. 12 апреля 1961 года произошло «смещение эпох». Позавтракали люди в одной эпохе, а обедали уже в другой — космической. Это был удивительный день. Все сразу полюбили парня, который пролетел над планетой. Я часто спрашиваю себя: а почему так дорог и близок Юрий Гагарин каждому из нас, всем людям? Была у него черта в характере, которая кажется мне главной,— это доброта. В одном из кинофильмов герой говорит: «Коммунизм могут построить только добрые люди». Это о Гагарине...

ТЕЛЕГРАФ ТЧК ТЕЛЕГРАФ ТЧК

По нашему городу ходят удивительные трамваи. На борту у них написано «А. П. Гайдар» и «Пионер». Эти трамваи построены на деньги, вырученные школьниками города от сбора металлолома. Инициаторами этого сбора были тимуровцы.

Наташа Фролова,
школа №68, г. Челябинск.

* * *

Рапортует тимуровский отряд 7 «В» класса средней школы №90 поселка Кирова из Алма-Атинской области. В своей работе пользуемся рекомендациями календаря тимуровских дел, опубликованного в «Книге вожатого». Помогаем совхозу «Пригородный» убирать овощи, участвуем в праздниках труда, субботниках, ухаживаем за обелиском Славы в нашем поселке, организовываем встречи с ветеранами труда и войны, которых нашли в ходе операции «Поиск». На всех домах наших ветеранов горят тимуровские звезды.

* * *

Сообщаем, что городской пионерский штаб «Беспокойные сердца» и городской штаб «Тимур» города Вологды провели тимуровскую операцию «Книги — БАМу». Первая партия книг — 350 томов — уже отправлена в городской комитет комсомола города Тынды.

Дом пионеров,
г. Вологда.

ВНИМАНИЕ! ТИМУРОВЦЫ! НУЖНА ВАША ПОМОЩЬ!

Это письмо Всесоюзный штаб Тимура получил из Болгарии.

«Пишут вам члены штаба «Пионерский труд для Родины».

У нас в дружине, которая называется «Йордан Христов Марков-Сашо», тоже есть тимуровские команды, а сами мы — тимуровцы. Мы хотим обратиться к советским тимуровцам вот с какой просьбой.

В нашей школе будет создаваться музей о нашем любимом писателе Гайдаре. Помогите нам собрать материалы об Аркадии Петровиче и его боевых товарищах. Нас интересуют воспоминания, фотографии, газетные и журнальные вырезки».

ТИМУРОВСКИЕ ШТАБЫ, КОМАНДЫ, ОТРЯДЫ! ВСЕ, КТО СМОЖЕТ ОТКЛИКНУТЬСЯ НА ПРОСЬБУ БОЛГАРСКИХ ДРУЗЕЙ! Высылайте материалы по адресу:
Болгария, окр. В. Търновский, с. Сашево, школа «Васил Левски», штабу «Пионерский труд для Родины».

А ЧТО СДЕЛАЛ Я?

Это письмо для размышления. Просим принять участие в его обсуждении всех, кто читает «Боевой листок».

«Перелистывая журнал «Пионер» №11 за 1984 год, я прочитал статью, посвященную III Всесоюзному слету тимуровцев. Там было написано, что в нем принимали участие 500 лучших тимуровцев страны. Ведь не зря тимуровские штабы и отряды послали именно их. И я первый раз задумался: что я сделал по сравнению с ними? Ничего! Сам себе сказал: хватит лодырничать! Нужно не только ставить перед собой задачи, но и выполнять их.

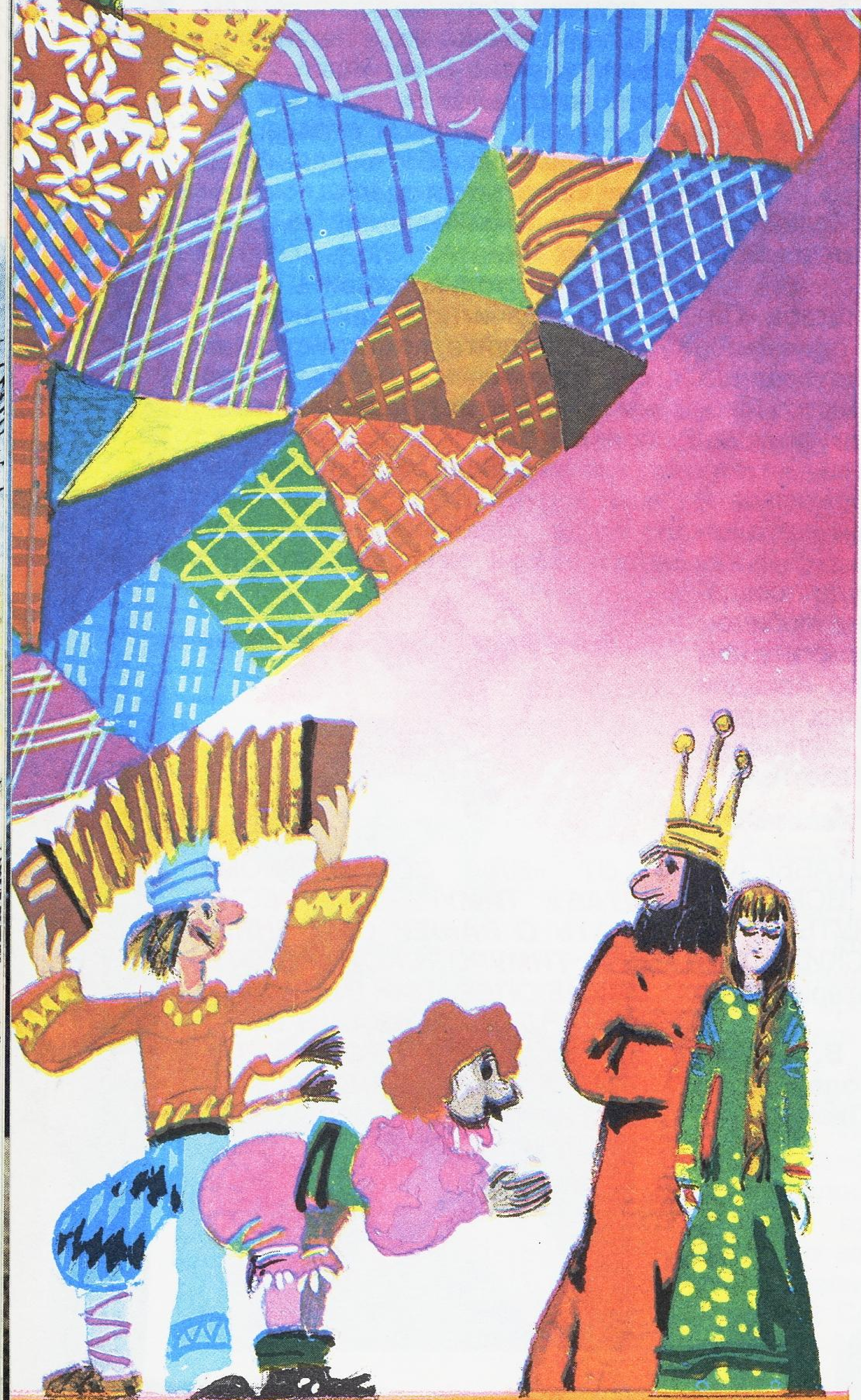
Посоветуйте, пожалуйста, как мне добиться того, чтобы я стал не хуже других? Какие дела выполнять?

Володя Г., г. Пермь».

ОТ «БЛ»: ВСЕСОЮЗНОМУ ШТАБУ ТИМУРА ИНТЕРЕСНО ЗНАТЬ О ВАШЕЙ СЕГОДНЯШНЕЙ ТИМУРОВСКОЙ РАБОТЕ. КАКИЕ ОПЕРАЦИИ ВЕДУТСЯ В КОМАНДАХ, ШТАБАХ И ОТРЯДАХ? КАКИЕ ВОПРОСЫ У ВАС ЕСТЬ К ВСЕСОЮЗНОМУ ШТАБУ ТИМУРА?
ЖДЕМ ПИСЕМ!

Репетиция

Тимуровский театр на сцене и в жизни

Окончание. Начало в № 3.

3. Необычный спектакль

Шел дождь. У Дворца культуры стоял автобус; через несколько минут театр «Тимур» должен был отправиться на спектакль. Не совсем обычный.

Нет, это была не премьера, не чей-то бенефис или юбилей. Необычным он был из-за зрителей. Театр «Тимур» ехал на спектакль в Харьковскую специальную школу, туда, куда направляет мальчишек учиться и жить Комиссия по делам несовершеннолетних...

Автобус катил через весь город, а дождь будто преследовал, бежал по пятам. Ребята смотрели на забрызганные окна, молчали, настраивались. Они понимали, что встреча будет важной, ответственной. Кто-то спросил:

— Василий Евгеньевич, а какие они? В этой школе?

...Хозяев Харьковской специальной школы юные артисты увидели не сразу. Сначала быстро, по-деловому перетаскали костюмы, декорации, реквизит в спортивный зал — просторный, высокий, где уже стояли стулья и лавки; развесили, укрепили декорации, надели костюмы, положили грим. За несколько минут до прихода воспитанников спецшколы Василий Евгеньевич собрал всех вместе и сказал:

— Сегодня вашими зрителями будут ребята, чьи судьбы сложились трудно. Пусть после нашего спектакля в душах зрителей что-то изменится, проснется доброе чувство, пусть они задумаются о том, что видели на сцене. Постарайтесь. Вы — тимуровцы!

...Зал быстро наполнялся. Коротко стриженые мальчишки рассаживались, смотрели с любопытством на яркие декорации. Еще минута — и в зал ворвалась сказка «Русские потешки».

Весело плясали и пели скоморохи, задушевно играл на гармошке и ссорился со своенравной Царицей Царь, плыла павой нежная раскрасавица царевна Марья, а когда появился заморский жених царевны принц Эдуард, зал то и дело взрывался от хохота...

В зале не было равнодушных. Сияли глаза, звучали смех, аплодисменты; ребята поменьше вытягивали в нетерпении шеи и сопереживали героям «Русских потешек». А на прекрасную царевну Марью — олицетворение красоты, нежности — смотрели восхищенные глаза старших мальчишек.

ОЛЯ БОЧАРНИКОВА. Это она играла царевну Марью. В театре Оля четвертый год. И за это время уже сыграла трех царевен. Василий Евгеньевич, рассказывая об Оле, обронил удивительную фразу: «Эта девочка напоминает мне несбыточных принцесс».

Оля — чуткий человек. Чужие боль и радость принимает, как свои. И хотя Оля уже заканчивает школу, яркое праздничное детство живет в ее душе. Детство как чистота, откровение, правдивость.

Без театра она уже не видит себя в жизни и хочет поступать в театральное училище. Но сначала, до поступления, Оля решила год-два поработать, не спешить, оглядеться.

...Дождь продолжал сыпать в стекла. Шел спектакль. Все более тесный контакт возникал между артистами и зрителями. И зрители начинали верить артистам.

В специальную школу попадают те мальчишки, чья жизнь надломилась и за чье будущее надо бороться. Попадают за хулиганские поступки. Теперь они живут и учатся не как другие мальчишки и девчонки. Им предстоит понять, осмыслить, взвесить все, что они сделали не так, захотеть жить честно, по-доброму. Время для таких размышлений у них есть.

Спектакль «Русские потешки» поможет им в этих размышлениях. Пусть это сказка, а не сцены из современной жизни. «Русские потешки», как и все сказки в мире, о вечном, постоянно важном — о добре и зле.

В театре «Тимур» все как в настоящем театре. Костюмы, грим, декорации. И еще — музыкальное оформление.

ВАЛЕРА ВЬЮННИК. Он отвечает за музыку. Черноволосый неторопливый парень. Сидит Валера в стороне, нажимает на кнопки, следит за звуком в динамиках, за работой магнитофона. Казалось бы, ну и что тут особенного? А особенного как раз достаточно. Нужно отлично знать текст спектакля, чтобы вовремя включить магнитофон, нужно чувствовать настрой ребят-артистов и опять же без опозданий давать музыку танца или песни. У Валеры за весь спектакль не было ни одной накладки, ни одной ошибки. Поэтому, когда его после представления зрители обступили плотным кольцом, было ясно: Валера справедливо заслужил это внимание.

С Валерой Василий Евгеньевич Сидин встретился в пионерском лагере. Валеру хотели из лагеря исключать за плохое поведение. Сидин с исключением не спешил, хотел понять, что это за парень. А парень, оказалось, увлекался техникой. И решил Василий Евгеньевич поручить Валере отвечать за дискотеки. Вскоре заметили: Валера изменился. Кого хотели исключить? Вьюнника? Да вы что! Отличный парень!

Вскоре Валера пришел в театр «Тимур». Там тоже был необходим человек, понимающий в технике. Сейчас Валера уже и на сцене себя попробовал. Сыграл пирата из «Острова сокровищ»...

Театр «Тимур» в харьковскую специальную школу не приглашали. Артисты решили ехать туда сами. Сами дозванивались, договаривались. Потому что знали: они там нужны.

...Провожали театр «Тимур» все зрители. Выстроились на просторном дворе, махали руками, по-мальчишески застенчиво улыбались.

А перед самым отъездом в автобус вошел один из воспитателей и сказал:

— От имени всех наших ребят большое вам спасибо! Ребята просили передать: приезжайте к нам еще. Как новый спектакль будет, так и приезжайте. А сегодня у нашей школы был настоящий праздник. Это вы нам его подарили — тимуровцы!

4. «Русские потешки»

Пришло время поговорить поподробнее о спектакле «Русские потешки». Он сейчас у ребят самый любимый.

В создании «Русских потешек» участвовали не только дети, но и взрослые. А друзей-взрослых у театра «Тимур» много. Это и родители, и руководители Дворца культуры строителей имени А. М. Горького города Харькова.

...Когда во Дворце культуры пролетела весть, что спектакль «Русские потешки» артисты почти

подготовили, то есть отрепетировали,— все закипело. Нужно было доставать реквизит, создавать декорации, думать об освещении, афишах, пригласительных билетах — дел предостаточно! Премьеру намечали на зимние каникулы. Честно скажем, что без увлеченных взрослых юные артисты спектакль к сроку не сделали бы. А взрослые были увлечены, как дети.

...Недели за две до премьеры выяснилось, что нет ваты. Ужас! Ваты нужно было много: хотели делать чучела в человеческий рост. Балалаечницы и балалаечники, исполняя частушки и танцуя, будут их бросать в зрительный зал. Без чучел, конечно, могли обойтись, но это был один из тех штрихов, из которых складывается яркая мозаика спектакля.

Необходимая, как воздух, вата. Сотрудники детского сектора Дворца культуры договорились с трикотажной фабрикой. Нужно было в общем-то совсем немного: пятьдесят килограммов. Пятьдесят килограммов — это оказалось столько, сколько не погрузить и в грузовую машину. А приехали за ватой — на легковой. Зрелище было веселое. По Харькову ехала машина, укутанная ватой. Нет, не машина ехала, а ватный ком катился...

Разных эпизодов — серьезных и веселых — можно вспомнить много. Так всегда бывает, когда у людей дружных, увлеченных есть общее дело, общая цель.

Вернемся к артистам.

ТАНЯ, ЛЕНА И ВИТА... Скоро эти девочки из театра уйдут, потому что, как и Оля Бочарникова, заканчивают школу.

Их трое. Втроем и пришли в «Тимур». Когда в первый раз поговорили с Василием Евгеньевичем, выяснилось: хотят идти в театральное училище, в театре «Тимур» решили подготовиться к своему поступлению.

Василий Евгеньевич сразу тогда Тане, Лене и Вите сказал, что он в театральное никого не готовит, а если хотят, пусть остаются и работают в «Тимуре» наравне с малышами. Учились девчонки тогда в восьмом классе. Они остались.

А потом Василий Евгеньевич понял, что без Тани Головачевой, Лены Сираж и Виты Молчановой трудно ему будет. Нет, они не превратились в «звезд» сцены — они стали помощниками Василия Евгеньевича. Костюмеры, гримеры — они. Старшие товарищи младшим — они.

Но все же тайное желание: «Когда нам поручат роли?» — у девчонок было. И в «Русских потешках» Василий Евгеньевич придумал из уважения к ним балалаечниц... Выбегают они на сцену веселые, задорные, пляшут так, что лапти сверкают, поют, дарят зрителям бойкие улыбки. Здорово! А Вита Молчанова даже исполнила в спектакле роль Царицы.

Уважение друг к другу — одна из главных черт театра «Тимур». Таня, Лена и Вита завоевали себе всеобщее уважение. Весь коллектив жалеет, что они уходят.

Одна из интереснейших ролей в «Русских потешках» — принц Эдуард, избалованный заморский жених, искатель легкой удачи, но все же добрый малый. Сыграть этот сложный образ поручили Рубену.

РУБЕН ЧИЛУТЬЯН — веселый и быстрый, в театре дружит с маленьким круглощеким Поплавком. «Где Рубен?» — «А вон они с Поплавком пошли». «Где Поплавок?» — «Да он с Рубеном».

На наш взгляд, принц Эдуард будто для Рубена создан. Вряд ли кто сейчас в театре сможет повторить удачу Рубена. И все же это не только удача Рубена, но и всего театра. Способности мальчишки без коллектива, без дружного окружения могли и не проявиться.

Рубен всегда очень нравится зрителям. А после очередного спектакля лукаво ждет одного и того же вопроса: «Скажите, кто Эдуарда играл — мальчик или девочка?» Тут Рубен насмешливо фыркает и стремительно несется снимать костюм.

А после начинается: «Где Рубен? Пора таскать декорации». «Где Поплавок? Опять они где-то с Рубеном?»

Так что принц Эдуард нужен не только на сцене, но и за кулисами!

5. Детский дом

...После занятий в школе ребят ждала не только репетиция, но и еще одно выступление — в харьковском детском доме. В детский дом ребята привезли отдельные сценки, поставленные по любимым книгам.

В коридорах светло и чисто, на самой верхней площадке лестницы в вольере перещелкиваются-беседуют волнистые попугайчики. Тут же артисты окружили клетку, но Василий Евгеньевич напомнил:

— Ребята! Нас ждут!

Их действительно ждали с нетерпением. В актовом зале сидели нарядные, возбужденные тем, что в гости приехал театр, малыши-дошколята. Им даже те короткие минуты, в которые артисты готовились, гримировались, казались долгими. Малыши начали громко разговаривать, крутиться, внимание их рассеивалось.

И тут на сцену вышел Женя. Вышел сам: ни Василий Евгеньевич, ни кто-либо из старших не поручали. Просто Женька из коридора услышал, как малыши раскричались, и понял: разнервничаются ребятишки и плохо будут воспринимать спектакль.

Женька сказал:

— Здравствуйте, ребята! Хотите, я расскажу вам сказку?

— Хотим! — закричали малыши, и тут же в зале стало тихо.

Женька рассказывал сказку про Колобка. Казалось, никто ее не будет слушать, все знают. Но малыши слушали, раскрыв рты.

ЖЕНЬКА ЗИМИН. С ним можно дружить спокойно, не боясь предательств, мелочных раздражений, глупых ссор... Однажды долго

засиделись на репетиции, проголодались и уже собрались уходить, как вдруг Женька нашел у себя в портфеле печенье. Одно-единственное. Женька мог не говорить о своей находке: все равно всех не накормишь. Но Женька подумал не о себе. Подошел к Василию Евгеньевичу, разломил печенье.

— Василий Евгеньевич, это вам,— протянул одну часть.

Из таких ребят, как Женька, вырастают простые, честные люди, которые в беде не оставят и в трудную минуту не предадут.

...Наконец, в коридоре подготовились, Женька ушел со сцены, а перед сосредоточенными малышами театр «Тимур» сыграл еще один свой спектакль.

Какой он был по счету в этом году? И сколько разных зрителей побывало на нем? Но артисты играли с полной отдачей, как в последний раз. Так их учит Василий Евгеньевич.

Если честно, театр «Тимур» в детском доме бывает нечасто. Подшефного садика или детского дома, например, у театра «Тимур» нет. Плохо это или хорошо? Обычно принято, чтобы за тимуровским коллективом был закреплен какой-нибудь подшефный.

На наш взгляд, театр «Тимур» шефствует над всем городом Харьковом. Нет, это не громкие слова. Юные артисты выступают и в областном госпитале для инвалидов Великой Отечественной войны, и в школах, и в пионерских лагерях, и в детских садах. Когда просят, готовят или помогают готовить выступления в любой точке города.

Нам даже показалось, что театр «Тимур» не жалеет времени и сил. Ему бы побольше спектаклей новых ставить, а он постоянно в пути, на выездах. Это мы и сказали ребятам. «Да что вы,— ответили они,— мы не можем отказываться, если просят помочь. Мы же тимуровцы».

И так это прозвучало спокойно, веско, точно, что нам стало стыдно: наши слова могли и обидеть ребят. Пока мы жили в Харькове, пока знакомились с театром «Тимур», все это время изо дня в день шли репетиции спектакля «Спешите делать добро». Конечно, это были неглавные события в жизни театра за несколько прошедших дней. Но именно эти репетиции, будничные, деловые, связали воедино яркие впечатления, помогли понять нам главное.

Высокие слова, услышанные нами на репетициях,— это не только слова, это еще и дела. Между тем, что мы услышали на репетициях, и работой театра «Тимур» — полное созвучие.

А будущий спектакль «Спешите делать добро» обязательно получится, потому что ребята из театра «Тимур» будут играть самих себя. Они будут играть тимуровцев.

И. АНДРИАНОВА,
Т. ШАРОНОВА

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии
Ленинского комсомола

САНДАЛИК,

ИЛИ ПУТЬ К ДЕВЯТОМУ БАСТИОНУ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №3.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

«Профессор»

В конце августа определили четвероклассника Дальченко в школу, что стояла на полпути между новым Санькиным домом и Херсонесом. И Санька сразу отметил ее на старой карте, которую вытащил из «Севастопольского сборника» — старинной книжки с воспоминаниями участников Первой обороны. Карта нравилась Саньке, он на ней отмечал все места, которые были для него важными: и Херсонес, и старый бабушкин дом, и прежнюю школу, и новый дом, где получили квартиру... Конечно, план города был старый, но все равно многое можно было узнать. А новые улицы и районы Санька дорисовывал. Это было нетрудно, потому что береговая линия хорошо узнавалась на карте — она-то неизменная во все времена. Только неясность с названиями бухт смущала Саньку. Карту Санька нашел весной, но обнаружил путаницу только в августе. До переезда в Стрелецк на имена дальних бухт он как-то не обращал внимания. А обратил — и озадаченно заморгал...

Гриша был на учениях. Санька сунулся к отцу, но тот лишь удивленно пожал плечами: «Чушь какая-то, опечатка, наверно». В цехе у него «горел план», дома хватало забот с новой квартирой. И у мамы хватало. А у Люси — тем более: и восьмимесячный Тарас на руках, и пятый курс института на носу...

Санька не верил, что на карте опечатка, но и не очень волновался. Ему даже нравилось, что он один знает о такой географической ошибке. Придет время — он этим открытием кого-нибудь удивит. А пока подоспели школьные дела, первое сентября...

Школа была как школа. Во дворе стоял, конечно, шум, смех, гвалт. Санька пошел разыскивать, где тут четвертый «А».

Не хотел Санька выглядеть новичком, поэтому старался держаться решительно. И ничего нового на нем не было, а были штаны и рубашка, в которых весной бегал в третий класс. Даже галстук надел он старенький — тот, что передала «по наследству» Люся, когда брата приняли в пионеры (она в этом галстуке в «Орленок» ездила). На Саньку не обратили особого внимания. Высокая толстощекая девочка подвела его к учительнице и равнодушным сипловатым голосом сообщила:

— Вот еще один новичок.

Новичков было двое. Вторым оказался Димка Турчаков — тоненький, темноволосый и очень ловкий с виду мальчишка, повыше Саньки. Турчаков был в серой рубашечке с «молниями» и накладными кармашками, в желтых вельветовых брюках с иностранной кожаной нашивкой на заду. Учительница Александра Самойловна покосилась на него: всем велено было приходить в школьной или пионерской форме. Но ничего не сказала. Наверное, потому, что у Турчакова было лицо прирожденного отличника.

Впрочем, держался Турчаков так самостоятельно, что даже чересчур. В классе он сел на парту у окна и сообщил:

— Вот что, парни, я сижу здесь. Кто хочет со мной — пожалуйста. Особ женского рода прошу место не занимать.

Девчонки возмущенно зафыркали, мальчишки заулыбались, и почему-то никто не заспорил. На парту к Турчакову сунулся было толстый Витька Боченин (по прозвищу Боцман), но Александра Самойловна посадила туда Саньку.

— Так мне будет удобнее наблюдать за двумя новичками.

Александра Самойловна и сама была в четвертом «А» новичком, но многих ребят она знала, потому что раньше не раз подменяла их учительницу. Еще перед уроками Санька узнал, что у Александры Самойловны позвище Сан-Са́ма и что «у нее много не потанцуешь, она и восьмиклассников во как держит».

Была Александра Самойловна высокая, черноволосая, довольно молодая и Саньке показалась даже симпатичной. Только ее большие серьги Саньке не понравились: цыганские какие-то. И горло было слишком толстое.

Александра Самойловна сразу взяла класс в руки. Продиктовала план пионерской работы, удивилась, что нет физорга, и посоветовала выбрать Васю Крутикова:

— Ты вон как скачешь на переменах...

А через несколько дней Сан-Сама сообщила, что классу нужна футбольная команда. Сначала будет игра с четвертым «Б», а победители встретятся с командой пятой школы. Пусть Крутиков составит список.

— Предварительный. Потом я еще посмотрю на ваши оценки.

Список Крутиков стал составлять в перемену. В команду хотели все мальчишки, двадцать два человека. Они навалились на бедного Крутикова, облепили его парту, повскакали на соседние. Дежурные девчонки напрасно голосили, чтобы все убирались из класса. Легонькие парты стонали и дребезжали. У них была странная, непривычная для Саньки конструкция — на тоненьких ножках из уголкового железа. В первый же день Санька зацепился за железную стойку коленом и обскоблил кожу. Потом цеплялся еще несколько раз и стал осторожнее. Вот и теперь он выбрался из-за парты аккуратно. Просунул плечо и голову между ребятами.

— Меня тоже...

Крутиков первым записал Витьку Боцмана, потом себя, потом Турчакова и еще человек пять. На Саньку он глянул неуверенно:

— Мы же не знаем, как ты играешь.

— Ну и что? Его-то записал,— обиженно сказал Санька и ткнул в Димкину фамилию.

Димка посмотрел на Саньку и усмехнулся.

Крутиков уважительно сообщил:

— Турчаков в своей школе знаешь как играл!

— Я тоже играл,— сказал Санька.

Димка опять усмехнулся и снисходительно предложил:

— Да пиши всех. Сан-Сама разберется... А потом на тренировках поглядим, кто что может.

— У «бэшников»-то мы выиграем,— заявил Боцман.— Не привыкать. А вот как там с пятой...

— Пятая — это где? Тоже в Стрелецке? — спросил Турчаков.

— Конечно! Мимо нее ходишь. Неграмотный, что ли?

Турчаков сказал, что он все вывески подряд не читает. И где тут Стрелецк, а где еще какой район, он пока не разобрался. Он раньше в Камышах жил и здешние улицы знать не обязан.

Санька решил поддержать Димку. Может, тогда Димка поймет, что Санька кое-чего стоит. А то не обращает внимания, хотя и сидят они на уроках рядом...

Санька сказал:

— С вашим Стрелецком вообще неразбериха. Если хотите знать, он даже не имеет права так называться.

— Чего-о? — возмущенно протянул Крутиков.

— Да! Потому что здесь бухта не Стрелецкая, а Казачья!

Кто-то засмеялся, кто-то заспорил, а Крутиков опять протянул свое «чего-о». Но все это покрыл отчаянный, какой-то клоунский хохот. Ужасно громкий. Непонятно было, кто смеется. Человек заходился этим смехом, изнемогал от него. И будто даже не человек, а робот: в хохоте звучали металлические нотки.

Это, наверно, целую минуту продолжалось. Сперва все обмерли. Потом кто-то неуверенно хихикнул. А когда непонятный хохот стал стихать, смеялись уже все, хотя и не понимали, что случилось. Будто заразились микробом смеха.

Только Турчаков даже не улыбнулся. В наступившей тишине он вытащил из заграничного вельветового кармана замшевый мешочек. На мешочке была напечатана клоунская рожица.

— Знакомьтесь, это Смехотунчик из Японии.— Димка помахал мешочком и вынул из него черную коробочку с крошечным динамиком, нажал кнопку. И опять раздался выворачивающий душу хохот. И вместе со Смехотунчиком хохотали все мальчишки.

Кроме Саньки.

Санька отошел и сел за парту. Подумаешь! Он и раньше слышал про такие игрушки. Обыкновенный маленький проигрыватель с батарейкой... Свинья этот Димка! Если хотел похвастаться дурацким Смехотунчиком, то зачем именно сейчас, когда Санька про такое важное дело говорил? Или нарочно?

А все и рады! Наплевать им на бухты и на их названия. Облепили заграничную безделушку, как мухи гнилую сливу... И вообще только и знают, что вокруг этого Димочки вертеться. Пришел бы такой Димочка в прежний Санькин класс, ему бы показали Смехотунчика...

Ребята и на следующий день крутились возле Димки. Наверно, он им еще какую-нибудь фокусную штуку из заграницы показывал...

После первого урока Санька расстелил перед собой карту.

— Крутиков, иди сюда! Ну иди, иди... И все идите!

Подошли человек семь.

— Ну? — сказал Санька спокойно. Он был уверен в победе.— Смотрите. Видите, как называется эта бухта на старой карте?

— Где? — спросил Вадик Лебеденко, длинный мальчик в очках. Он был толковее и деловитее остальных.— Ну-ка...— Он по-птичьи нагнулся над картой... И тут опять резанул Саньку клоунский хохот.

И снова всех охватило сумасшедшее веселье! Правда, кто-то еще наклонялся над картой, кто-то тянул ее к себе (а Санька не давал), но все это для того, чтобы подурачиться.

— Ну чего ты лезешь! — отчаянно сказал Санька Турчакову. Но и эти слова заглушил Смехотунчик.

А вот голос Сан-Самы он заглушить не смог.

— Что такое?! Не слышали звонка?!

Мгновенно упала тишина (Димка нажал кнопку). Потом — топот и стук, всех разнесло по местам.

— Что за дикий смех? — поинтересовалась Александра Самойловна. Ее серьги покачивались над Санькой и Димкой. Димка не испугался. Он вежливо протянул учительнице Смехотунчика.

— Это игрушка. Извините, мы не расслышали, что уже урок.

Гораздо мягче Сан-Сама произнесла:

— Садись... А игрушки носить в школу не следует.

— Она у меня случайно,— соврал Димка.— Мы ее включили, потому что очень уж смешно Дальченко всякую ерунду рассказывал...

— Ерунду?! — взвинтился Санька.— Посмотри сам!

— Что такое? — нахмурилась Сан-Сама.

Санька, путаясь, объяснил. Сам не понял, почему исчезла уверенность. Александра Самойловна несколько секунд разглядывала карту. Потом отошла к своему столу.

— Повторяю: незачем носить на уроки ни игрушки, ни всякие старые карты. Тем более такие, которые рисовали какие-то царские чиновники.

— Они народ угнетали...— подал голос Крутиков.

«При чем здесь чиновники? Разве они защищали Севастополь? Моряки защищали, солдаты. Нахимов, Корнилов!» — с возмущением подумал Санька. И Крутикову сказал:

— Дурак ты.

Александра Самойловна покраснела. Горло у нее стало разбухать. Но она не закричала, а сказала медленно и отчетливо:

— Вот что, Дальченко. Ты здесь новичок, так что веди себя поскромнее и к нашей школе относись с уважением. Дураков у нас нет. А Крутиков — член классного актива. Ясно? Встань и отвечай: ясно тебе?

Санька встал и при общем молчании пробормотал, что ясно. А что он еще мог сделать?

— Садись... Хотя нет, пойди к доске и объясни, как выполнил домашнее задание. Напиши первое предложение...

Санька пошел, написал и стал объяснять. И сбился.

Александра Самойловна сказала:

— Покажи-ка тетрадь. Так... Вот и в тетради ошибка. А почерк-то... Вполне можно двойку поставить, да уж ладно, обойдемся без нее на первый раз,— добавила она уже добродушно.— Только не думай, что все дураки, а ты профессор...

— Кислых щей...— хихикнули на задней парте.

— Яскина! — прикрикнула Сан-Сама (правда, не очень сердито).— Ты тоже еще не докторша наук. Иди-ка к доске.

Когда Санька сел на место, он услышал тихий шепот:

— Профессор кислых щей и уцененных вещей...

Это сказал одними губами Турчаков.

Так же неслышно Санька ответил:

— Смехотунчик буржуйский.

На перемене Санька сразу ушел во двор. Сел там в тени на выступ ограды. Здесь к нему подошла длинная и толстощекая Эмка Ковальчук.

— Дальченко! Нам для выступления на сборе музыканты нужны. Ты в музыкальной школе не учишься?

— Больше мне делать нечего,— буркнул Санька.

Эмка подергала себя за конец косы на груди и вздохнула:

— Непонятно: почему ты такой ершистый?

— Я?! — изумился Санька.— А сами-то вы!..

Но Эмка опять покачала головой и отошла.

В списке футбольной команды, который Сан-Сама огласила на следующий день, Саньки, разумеется, не оказалось. Да он и не ждал этого. А всеми любимый Димочка оказался. Ну и ладно. Санька теперь жил сам по себе. Отсидел уроки — и домой. Димка к нему больше не приставал. Сидели они на парте рядом, но будто за перегородкой. Иногда Димка бросал быстрый взгляд на Саньку, но тот делал вид, что взглядов этих не замечает ни чуточки.

Футбольную игру четвертый «А» продул «бэшникам» со счетом три — шесть. И Санька не мог удержаться от хмурой радости. Но, конечно, радовался он про себя, а по классу ходил с равнодушным лицом. Не взяли в команду — ну и ладно...

Радость, однако, была слабенькой, потому что Димка оказался героем. Несмотря на проигрыш. Он заколотил четвертому «Б» два гола из трех и всегда был в самой гуще отчаянной футбольной битвы. И не ушел с поля, хотя ему дважды попало чужим ботинком по ноге. Все про это говорили. Под коленом и на щиколотке у Турчакова темнели синяки. Каждому нормальному человеку было ясно, что Димочка нарочно пришел в коротких штанах: пускай все видят его боевые отметины. Но четвертый «А» этого не понимал и смотрел на Турчакова с уважением.

Сам Димка вел себя скромно: чего, мол, хвастаться, если проиграли? Только на уроке иногда тихонько шипел сквозь зубы и потирал под партой синяк. Это было глупо: такие ссадины на следующий день уже не болят. И Санька сказал:

— Не страдай так. Всю парту расшатал.

Димка сузил глаза и ответил непонятно:

— Эх ты. Ну смотри...

В классе началось увлечение маленькими моделями. Мальчишки приносили пластмассовые эсминцы, катера, подводные лодки и старинные броненосцы. Расставляли на партах, шумели, менялись и спорили.

Санька тоже хотел принести свой сторожевик и броненосец «Потемкин». Но потом раздумал. Потому что веселый конопатый Эдька Рубцов после уроков крикнул ему:

— Профессор, а ты свои кораблики принесешь?

Его уже не первый раз называли этой дурацкой кличкой. Иногда без насмешки, просто так. И Санька не стал огрызаться на Эдьку. Только отвернулся и пошел со школьного двора...

Но когда владельцы моделей собирались и устраивали «корабельные смотры», Санька не мог удержаться и тоже подходил. Один раз он, вытянув шею, смотрел, как выстраивают на парте свои кораблики Васька Крутиков, Боцман и Эдик Рубцов. Димка сидел рядом с ними и снисходительно трогал мизинцем тоненькие мачты. Про суденышко с пушкой на носу он спросил:

— Это торпедный катер?

«А еще сын капитана»,— хмыкнул про себя Санька.

— Да нет, это КТЩ,— сказал Эдик.

— Что? — не понял Турчаков.

— Катерный тральщик. Знать бы надо,— не сдержался Санька.

— А-а...— сказал Димка и глянул на Саньку через плечо.— Я не понял. Я спутал с ПКЩ.

— А это что такое? — глупо сопя, спросил Витька Боцман.

Димка всех обвел красивыми глазами и разъяснил:

— По-моему, это всем ясно: Профессор Кислых Щей...

Ну, и конечно, смех! Не такой отчаянный, как у Смехотунчика, но все равно... Как горячей теркой по щекам!

Санька не двинулся. Только мускулы напружинились. Самое простое было дотянуться и вляпать

Димке. Иногда Санька мог и такое. И сейчас он ни капельки не боялся! Но он почувствовал, что бесполезно. Все будут Димочку жалеть, если он пострадает. А если достанется Саньке — так этому Профессору и надо!

Санька помолчал и сказал со всевозможной язвительностью:

— Попроси папочку, чтобы научил разбираться в кораблях.

Димка откликнулся сразу и охотно:

— Папочка в военном флоте не специалист. В рыболовном — другое дело. Или вот в таком...— Он вытащил из модной своей сумки два звякнувших кораблика длиной с карандаш. Это были отлитые из металла модельки океанских лайнеров. Аккуратненькие, прямо ювелирные. Саньке так и захотелось потрогать. Он даже пальцами зашевелил в карманах. А другие ребята и в самом деле потрогали. Димка не жалел, пожалуйста. Он сказал:

— «Куин Элизабет» и «Куин Мэри». Английские. Папа из Саутгемптона привез. У нас в Камышах у любого пацана такие есть.

— Откуда? — простодушно поинтересовался Эдик Рубцов.

— Ну, рыбаки же там, в загранке все время бывают. Вот и привозят всякие интересные вещи.

— Барахло заграничное привозят,— сказал Санька.— Или валюту. А потом ковры в спецмагазине скупают.

Он слышал однажды такие слова от отца. Мама как-то пожаловалась, что с деньгами совсем туго, а вот их знакомые такие-то купили то-то и то-то, когда муж вернулся из заграничного рейса. Тут отец и вспылил... А мама потом почему-то смеялась и говорила, что он как новогодняя хлопушка: только дерни за ниточку — треск и дым...

Конечно, Санька не был уверен, что Димкин отец, капитан Турчаков, гоняется за иностранными шмотками и скупает ковры. Просто злость взяла Саньку. И отчаянно захотелось, чтобы Димка наконец разозлился, взорвался! У Саньки даже щеки защипало от предчувствия горячей и освобождающей душу драки.

Но Димка не полез в драку. Он спокойно ответил:

— Может, кто-то и скупает, а кто-то пальчики облизывает.

Санька обмяк. И облегченно посмотрел на ребят: ну, теперь-то видите, что за тип Турчаков?

Но они по-прежнему разглядывали модели.

В субботу четвертый «А» писал сочинение на вечную тему «Как я провел лето». Сначала Александра Самойловна хотела задать его на дом, но передумала:

— Знаю я вас. Будете до ноября тянуть, а мне что делать? Пишите в классе.

Санька написал, что летом он никуда не ездил, потому что дома было много дел: в июле случилось новоселье, а с ним всегда полно хлопот. Еще написал, что купался на Солнечном пляже и полюбил гулять в Херсонесе. Конечно, про Одиссея он не упомянул ни словечком. Зато рассказал, что в развалинах и на берегу много находок. Перечисление находок заняло полстраницы, и, когда Санька упомянул про автоматную гильзу, он решил, что можно кончать. Он только дописал: «Эта гильза осталась с войны, когда наши моряки и солдаты гнали из Севастополя фашистов. Будущей весной исполнится сорок лет со дня освобождения нашего города». Сперва он хотел добавить: «Мой дедушка тоже воевал в Севастополе», но не стал. Во-первых, точно неизвестно, в каких местах дедушка воевал, а во-вторых, получится, будто Санька хвастается. Он вздохнул и поставил точку.

Оказывается, он кончил раньше всех. Четвертый «А» еще корпел над тетрадками, слышалось тихое творческое сопение.

Александра Самойловна, пользуясь тишиной, проверяла дневники. Изредка она обводила глазами класс. Встретилась взглядом с Санькой и спросила:

— А Дальченко почему не пишет?

— Я уже все...

— Он же — Профессор...— хихикнула на задней парте глупая Светка Яскина.

— Яскина!.. Кстати, Дальченко, что за нелепая надпись на дневнике?

— Где?

— Вот! — Она поднесла дневник.— Вот, вот...

Дневник был обернут белой глянцевой бумагой — Сан-Сама требовала, чтобы все сделали дневникам дополнительные обложки. На бумаге чернели крупные буквы Санькиной фамилии, а под ними мелко синей пастой было добавлено: «Проф. Ка-Щей».

— Не знаю. Я это не видел,— тихо проговорил Санька и покраснел.

— Странно. Твой дневник, а ты не видел...

— Ну не я же это написал! — в сердцах сказал Санька.— Какой-то дурак накарябал, а я при чем?!

— Как ты разговариваешь!

— А как мне разговаривать?! — крикнул Санька.— Опять я виноват, да?! — Он уже не мог и не хотел сдерживаться. Пускай хоть выгоняют из этой школы!

И вдруг подал голос Димка. Он встал и вежливо сообщил:

— Дальченко не виноват, Александра Самойловна. Это я написал... Извините, пожалуйста.

Александра Самойловна помолчала. Потом сказала медленно:

— Очень нехорошо... А почему ты извиняешься передо мной? Извинись перед Дальченко за свой... неумный поступок.

Турчаков посмотрел в мокрые ненавидящие Санькины глаза и серьезно произнес:

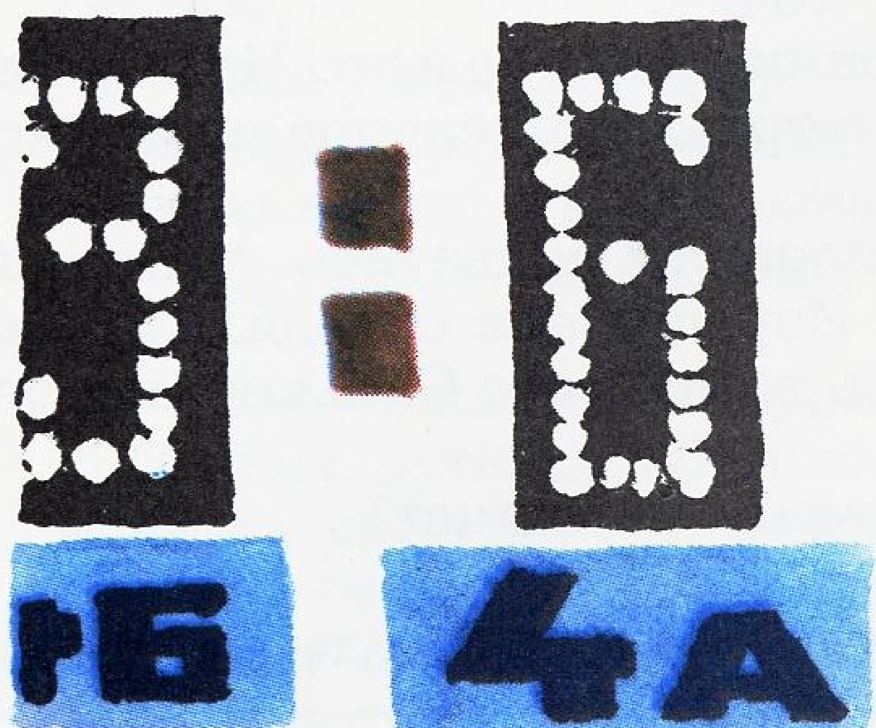
— Извини меня, Дальченко. Я больше не буду писать на твоем дневнике «Проф. Ка-Щей».

— Кащей...— тут же хихикнули в классе.

Санька рванул из-под парты ранец и сам рванулся с места. И забыл про эту проклятую железную стойку!... По колену шарахнула такая боль, что тут уж никами силами не сдержишь слезы...

Всхлипывая и хромая, Санька ушел из класса, ушел из школы. В Херсонес ушел. Там он промыл

3 : 6
4А

ссадину соленой водой и этой же водой умылся. А потом рассказал Одиссею про все обиды.

Одиссей сидел рядышком и понимающе кивал. У него тоже были неприятности: опять долго не возвращался с моря отец, болела младшая сестренка, а в школе придирался учитель: «Ты должен быть достоин своего великого имени, а как ты себя ведешь! На письменной табличке семь ошибок! На перемене скачешь, словно кентавр, которому боги помутили разум! Ты забыл, что моя новая палка еще незнакома с твоей спиной?»

— Тебе, наверно, тоже влетит,— вздохнул Одиссей.

— Ну и пусть...— сказал Санька.

— Сан-Сама домой к вам придет и расскажет, что из школы сбежал.

— Ну и пусть...

Санька сел на цоколь сломанной колонны и прислонился спиной к теплому мрамору. Закрыл глаза. Никуда не хотелось идти. Ни о чем не хотелось думать. Одиссей постоял рядом и тихонько отошел...

Домой к Саньке Сан-Сама не пошла, и в понедельник ему почти не попало. Можно сказать, совсем не попало. Раздавая тетради, Александра Самойловна сообщила:

— Дальченко я поставила четыре. Можно было бы и пять, но в слове «квартира» ты пропустил букву «р»...

— «Ква-тира»...— хихикнула на задней парте Яскина. Турчаков быстро посмотрел на Саньку и отвел насмешливые глаза.

— Ти-хо...— сказала Сан-Сама.— Но все равно ты молодец, Дальченко... Только бегать из класса больше не надо, за это по головке никого не гладят.

— Это Турчаков виноват, Кащеем дразнится,— вдруг сказала Эмка Ковальчук.

— Все хороши... А Турчакову я снизила поведение за неделю. Вместо примерного поставила удовлетворительное.

Димка шумно и сокрушенно вздохнул. Кругом засмеялись.

Александра Самойловна сказала, что совет отряда бездельничает и все ей приходится решать самой. И она решила: в четверг класс поедет на Малахов курган, а в субботу (если все будут себя вести, как нормальные люди, и никто не нахватает двоек) они отправятся на экскурсию на один из заслуженных крейсеров Черноморского флота.

Все, конечно, заорали «Ура». Санька, правда, не кричал, но он тоже обрадовался. Тем более что последние дни его никто не задевал и почти не называли Профессором и Кащеем. Даже Турчаков. Кстати, Александра Самойловна пересадила Саньку от Турчакова к Эмке Ковальчук. И это было совсем неплохо.

...На Малаховом кургане Санька бывал сто раз. И один, и с отцом, и с Люсей и Гришей. И с отрядом ходили в прошлом году, когда вступали в пионеры. И каждый раз было интересно.

Если бы кто спросил, Санька мог бы тут рассказать про все не хуже экскурсовода. И про батареи, и про штурм, и про разные случаи во время давней осады. И про то, как в сорок втором году артиллеристы старшего лейтенанта Матюхина из единственного уцелевшего орудия прямой наводкой громили подступавших фашистов.

И про последних защитников оборонительной башни, которые дрались тут во время Первой обороны, мог рассказать. И про памятник с высоким камнем и крестом... Когда французы заняли курган, они похоронили в одной могиле всех погибших солдат — и своих, и русских. С воинскими почестями. Французы были, конечно, враги, но все же не фашисты. Это были честные враги. И вообще война была тогда хотя и кровавая, но все-таки с какими-то правилами...

«Но умирать все равно никому не хотелось»,— уже не первый раз подумал Санька. Потому что подходили к тому месту, где был смертельно ранен адмирал Корнилов.

Там была плита, а на плите крест из ядер.

Корнилов на этом месте упал, потом приподнялся и сказал:

— Отстаивайте же Севастополь...

...У Саньки есть книга про Синопский бой, про адмиралов Нахимова, Новосильского, Истомина и Корнилова. Такая же старинная, как «Севастопольский сборник». В ней Санька прочитал, что Корнилов не сразу сделался героическим адмиралом. Когда он был молоденьким офицером, то думал не о службе, а о всяких балах да французских романах. Но однажды старый адмирал Лазарев вызвал Корнилова к себе в каюту и устроил ему крепкий воспитательный разговор (наверно, как однажды отец Саньке, когда тот в прошлом году начал валять дурака, до ночи бегал на улице, нахватал двоек и спрятал дневник). Разговор без крика и лишней ругани, но мужской и честный. И Корнилов после этого взялся за ум. Стал у Лазарева лучшим помощником. А потом адмиралом. А когда враги подошли к незащищенному Севастополю, Корнилов так быстро начал строить бастионы и батареи, что французы и англичане побоялись идти на штурм. Начали бомбардировку.

Тогда-то и ранило Корнилова. И он приподнялся и сказал свои слова...

Санька знал, что так и было. «Отстаивайте же Севастополь...» Корнилов произнес это сквозь стиснутые от боли зубы. (Санька сам пробовал говорить это сквозь зубы — и получалось.) Санька много раз представлял, как все происходило. И... даже мурашки по коже. Потому что он очень точно представлял. Как адмирал в луже крови приподнимается и говорит...

Боль, наверно, ужасная. Если коленкой трахнешься — и то слезы из глаз, а тут все бедро измолото ядром. И ясно уже, что никакой надежды на жизнь больше нету (а это любому жутко — хоть мальчишке, хоть адмиралу). Но он все равно:

— Отстаивайте же Севастополь...

Сквозь зубы...

До войны здесь стоял памятник, но фашисты его разрушили и переплавили, только груда каменных глыб осталась. Но Санька знал, что к двухсотлетию Севастополя памятник восстановили. Только еще не видел, не был здесь летом...

И вот он, памятник! Такой же, как макет в музее оборонительной башни, только громадный! Все как раньше. И Корнилов, и матрос Кошка сбоку от камня, с ядром в руках... Конечно, нет на каменной глыбе крови, и лицо у Корнилова слишком спокойное. Но слова на камне именно те, его...

Над бронзовым адмиралом тихо двигались белые облака. «Будто фрегаты»,— подумал Санька. И тихо обошел памятник.

На задней стороне каменной глыбы прикреплен был бронзовый щит, окруженный тяжелыми, тоже бронзовыми, знаменами. А на щите — названия тех мест, где прославился в битвах Корнилов, и кораблей, которыми он командовал. И вот тут Санька заморгал.

Озадаченно. Досадливо. Возмущенно...

Помотал головой, перечитал еще, еще...

И забыл, что дразнили Профессором, забыл, что лучше держать язык за зубами. Несколько ребят стояли рядом, и ближе всех Эмка. Ей Санька и сказал:

— Ну неправильно же!

И начал объяснять. Эмка не перебивала, не спорила, старалась понять. Но не смогла. И наконец сказала:

— Да ну тебя. Значит, так надо, раз написано.

— Но почему? Надо же или все по-старинному, как на старом памятнике, или же все по-современному! Ну нельзя же так: половина слов по одним правилам, а половина — по другим! «Синоп» без твердого знака, а «Орест» с твердым!

— Может, потому, что Синоп — это город, он и сейчас есть, а «Орест» — это старинный корабль,— заметил Вадик Лебеденко.

— Тогда почему «Двенадцать Апостолов» без твердого знака? А в «Фемистокле» совсем путаница. Знак стоит, это по старинному правилу, а буква «фэ» современная. Раньше «Фемистокл» через старинную «фэ» писался, у меня в книге про Корнилова есть. Та буква — как звено от якорной цепи.

— Какое звено? — не понял Вадик.

— Ну, как «о» с палочкой поперек!

И это почему-то всех развеселило. И Турчаков, конечно, тут как тут. Хлопает себя по вельветовым коленям и даже повизгивает от хохота:

— Ой, а еще говорит, что не Профессор! «О» с палочкой!

— Я для себя, что ли, спорю?! — крикнул ему Санька.— Рожа ты издевательская, Турчаков!

И, конечно, тут же Александра Самойловна:

— Это что за слова? Турчаков, что опять случилось?

Димка встал прямо, руки опустил по швам и, вежливый, красивый, сказал невинным голосом:

— Мы ни при чем, Александра Самойловна. Это профессор Дальченко хочет написать на памятнике «о» с палочкой поперек.

И тогда Санька вскипел слезами, рванулся и пнул его. Вернее, хотел, но не успел. Сан-Сама схватила его за рубашку...

...Ну, и не взяли его на крейсер.

Сан-Сама сказала, что вдруг ему и там что-нибудь не понравится. Вдруг Дальченко решит, что в названии крейсера тоже не хватает твердого знака (ох, как возвеселился класс!), потому что Дальченко считает, что лучше умных и взрослых людей знает, где по каким правилам писать (хотя сам пишет «кватира»). И если ему что-то покажется не так, он, чего доброго, снова кинется ругаться и кого-то пинать.

— Командира крейсера,— гнусаво проговорил Витька Боцман.

— Нет,— вздохнула Александра Самойловна.— Дальченко хорошо понимает, на кого можно кидаться, а на кого нельзя.

Эмка Ковальчук вдруг сказала:

— А по-моему, Турчаков тоже виноват.

Класс зашумел и сразу затих. Потому что Димка встал.

— Да,— сказал он и всех обвел глазами.— Я, наверно, тоже виноват. Потому что я обещал больше не дразнить Про... Дальченко, но не удержался. Меня тоже не надо брать на крейсер.

Четвертый «А» дружно вздохнул, потрясенный таким благородством. А Санька сощурился и отвернулся. Турчакову он не верил вот ни на столечко.

— Двуличник,— сказал Санька негромко, но отчетливо.

— Вот видишь,— обратилась Александра Самойловна к Турчакову.— Ты хотя и виноват, но все же вы разные люди. К тому же тебя выдвинули в редакторы, ты должен писать заметку про экскурсию... Кто за то, чтобы Дима Турчаков пошел на крейсер?

И все проголосовали «за», даже Эмка. Только Санька отвернулся и голосовать не стал.

Из школы Санька пошел не домой, а в Херсонес. И там понемногу успокоился. Они с Одиссеем лежали в траве на обрыве у входа в гавань и смотрели, как с моря идет в бухту под веслами корабль. Разноцветный парус был подобран к рею, и корабль с высоким загнутым хвостом и рыбьей головой двигал двумя рядами весел, как щетинистыми плавниками.

— А корабля, где отец, все нет и нет,— вздохнул Одиссей.

— Вернется,— сказал Санька.— Ты надейся.

— Я надеюсь. И мама надеется.

— Сестренка поправилась?

Одиссей улыбнулся:

— Бегает уже.

— А наш Тарасик уже стоять научился. Держится за перила в кроватке и все встает. И скачет...

— Красивое имя Тарас,— похвалил Одиссей.— У нас такого нет.

— Это украинское имя... А Фемистокл — это греческий герой?

— Да, эллинский. Но он давно жил. И не здесь, а в Афинах. Он афинским флотом командовал.

— У нас военное судно было с таким названием,— вздохнул Санька.— Бриг. Им тоже герой командовал, Корнилов. То есть он уже потом героем стал. Тоже давно. Сколько же это лет назад? Сто тридцать... А у меня из-за этого «Фемистокла» опять неприятности...

Одиссей глянул встревоженно: он всегда переживал за Саньку. И Санька про все рассказал.

— Почему столько несправедливостей! — сказал Одиссей и стукнул коричневым кулаком по пустой улиточной ракушке (она рассыпалась).— И в древние времена, и в наши, и в ваши... Фемистокла тоже несправедливо обвинили, сказали, что он изменник. Ему пришлось бежать из Афин...

— Ну уж я-то не побегу, фиг им всем,— сказал Санька.

...Потом он пошел домой. В школе он не пообедал и теперь был ужасно голодный. Вспомнил, что в ранце есть яблоко, сел на камень, откинул крышку. Яблоко было пыльное, и, чтобы вытереть его, Санька стал искать в дневнике промокашку. Открыл его и только тогда увидел запись Сан-Самы.

И заплакал.

Здесь я хочу сказать несколько слов о мальчишечьих слезах. Об этом говорят не очень охотно. Считается, что настоящие мальчики плакать не должны. Никогда. Впрочем, по этому поводу иногда возникают сомнения, и тогда в «Пионерской правде» или в журнале «Пионер» появляется очередное письмо: «Дорогая редакция! Ответьте, пожалуйста, можно ли мальчикам плакать? Мы у себя в классе об этом спорили, но ни до чего не договорились...»

Смешные вопросы. Слезы ведь не спрашивают. Если большое горе, или отчаянная боль, или нестерпимая обида, душа не выдерживает, и ничего тут не поделаешь. Иногда и взрослые люди плачут,

а не то что мальчишки. И глупо им говорить: «Как тебе не стыдно...»

Стыдно реветь от трусости. Стыдно слезами выпрашивать модные штаны, мопеды или всякое другое барахло. Противно, когда люди пускают слезу от пустяковой царапины или от того, что им не дали денег на кино или мороженое.

Но яростные слезы из-за несправедливостей! Из-за тех горечей и обид, которые во все века терпели во всем мире мальчишки! Кто посмеет их осудить? И куда денешься, если слез этих было больше, чем воды в Черном море. А если составить список всех взрослых, которые виноваты в этих слезах... Да не составить, не хватит ни чернил, ни бумаги на всей планете.

...Все-таки хорошо, что я не прошел тогда мимо Сандалика.

Гибель «Везула»

В тот вечер, когда Санька отнес на вокзал книгу, погода стала меняться. Солнце село не за чистый морской горизонт, а потускнело и увязло в сумрачной пелене. Ночью разгулялся ветер. Он летел с моря и тащил за собой низкие облака. Санька проснулся рано и увидел, что в косматых летящих клочьях ныряет челнок ущербной луны. Он распахнул окно. Занавеска вздулась, в комнате запахло водорослями и солью...

После уроков Санька пошел в Херсонес. Он шагал быстро и поеживался. Не от холода. Юго-западный ветер был плотным, но довольно теплым. К тому же на Саньке поверх рубашки была трикотажная безрукавка (мама заставила надеть). А зябкость Санька ощущал от йодистой влаги, которой пропитался воздух, и еще — от тревоги. Шторм всегда приносит непонятную тревогу.

Еще вдали от берега Санька услышал равномерный рассыпчатый грохот. Это волны под обрывами переворачивали и таскали туда-сюда большие камни, перелопачивали тонны гальки.

Море было сумрачно-разноцветным: вдали синевато-сизое, потом тянулись темно-зеленые полосы, а ближе к берегу зеленый цвет светлел и отдавал желтизной. И по всей громаде моря шли, медленно поворачиваясь, белые великанские гребни...

Санька не пошел сразу к обрыву. Царапая ноги в дроке и терновнике, он пробрался к одинокой колонне, тронул теплый, чуть шероховатый мрамор.

Он всегда был теплый, этот мрамор. Саньке даже казалось, что в круглом теле колонны, будто в какой-нибудь тысячелетней секвойе, течет по незаметным сосудикам живой сок. Иногда чудилось даже, что в глубине ласкового камня толкается редкий, но ощутимый пульс. Конечно, это шевелилась жилка в ладони самого Саньки. Но все равно было приятно, и Санька чуточку волновался.

А еще он волновался оттого, что эту колонну тысячу лет назад (или две, или три тысячи — Санька точно не знал, древнюю историю он еще не учил) трогали такие же, как он, мальчишки. И настоящий, не придуманный Одиссей трогал. И словно тепло их ладоней так и осталось в камне. И от Санькиной ладошки тепло останется.

И когда-нибудь через громадное тысячелетие к этой колонне тоже придет мальчик...

Такого Севастополя вокруг, конечно, не будет, а будет какой-нибудь фантастический город со стоэтажными сверкающими домами, с хрустальными мостами через бухты и с космодромом на мысе Херсонес. Но эта колонна останется. И другие колонны останутся, и памятники, и бастионы, и форты.

И вот мальчик так же проберется сквозь кустарник и тронет мрамор... Какой он будет, этот мальчик? Ну, понятно, что не в белой Одиссеевой тунике и не в полосатой безрукавке, как у Саньки. Саньке представлялся этот мальчик в чем-то вроде серебристой накидки, словно сотканной из блестящих птичьих перьев. И в широком поясе с кнопками. Нажал одну кнопку — можешь лететь над землей. Нажал другую — можешь разговаривать с другом, который где-нибудь в другой галактике...

Но из прошлого никого кнопкой не вызовешь. Можно только так: продраться сквозь колючки и тронуть камень.

Он тронет и будет стоять и ждать. Пускай в фантастической одежде и с чудесными кнопками, но все равно похожий на Саньку и на Одиссея. Такой же обжаренный солнцем. И наверняка с такими же синяками и царапинами. И с такими же огорчениями... Может, не взяли на экскурсию на какой-нибудь межзвездный крейсер?

Или тогда уже ни у кого не будет огорчений? Совсем?

Хорошо бы. Но что-то не верится...

...Я ловлю себя на том, что, кажется, начал сам рассуждать вместо Саньки. Едва ли он думал обо всем этом так четко и подробно. Однако что-то похожее думал и чувствовал (он сам потом, смущаясь, рассказал мне об этом). И о мальчишке из будущего думал не раз...

Скорее бы этот мальчик позвал Саньку и рассказал, как у них там...

Жаль только, что это все-таки не по правде. То есть по правде, но не совсем. Потому что, когда тот мальчишка появится на свет, Саньки уже давным-давно не будет...

Санька вздохнул. Такие мысли приходили ему не впервые. Наверно, они к каждому человеку приходят. Но Санька не чувствовал ни особой горечи, ни страха. Обидно, конечно, что он не увидит межзвездные корабли и хрустальные мосты над бухтами, но и сейчас жизнь неплохая (жаль только, что перешел в эту школу). К тому же Санька чувствовал, что ни один человек не умирает до конца — все равно от каждого что-то остается для будущих времен. Хоть самая капелька. Хотя бы тепло от ладошки в старой мраморной колонне...

Конечно, люди живут по-разному и умирают

Летящие
сказки

по-разному. Хорошо бы, как Корнилов. И обидно, если как тот юнга с «Везула»...

Одиссей подошел незаметно и встал рядом. Санька молча улыбнулся ему.

Кругом по-прежнему были развалины, кусты и трава, которую прижимал к камням ветер. Белый город с храмами, лестницами и статуями так и не возник. Потому что сейчас не Санька был в гостях у Одиссея, а Одиссей у Саньки.

На Одиссее поверх коротенькой туники был серый дерюжный плащ. Его рвал ветер.

— У нас тоже шторм,— сказал Одиссей.— Так и свищет.

— Пойдем на берег,— сказал Санька.

Одиссей кивнул. Он умел угадывать Санькино настроение. Они спустились по широкой бетонной лестнице, прошли через развалины базилики по мозаичному полу из морской гальки. Шторм совсем рядом грохотал камнями. Холодные капли-картечины ударяли по ногам и по лицу, мелкие клочья пены застревали в волосах. Санькина безрукавка была в бисере брызг.

Потом тропинка пошла вверх, и брызги перестали долетать. Только ветер упруго отжимал мальчишек от берега. Санька и Одиссей поднялись на обрыв ближнего мыса. Внизу, у обломков скал и бетонных глыб взорванной батареи, равномерно вставали пенные столбы прибоя. Сизо-зеленое море и косматое небо безостановочно катились навстречу Саньке и Одиссею. Ветер стал еще сильнее. Санька снова поежился. Одиссей накинул на него край широкого плаща. Стало чуточку теплее. Санька улыбнулся и спросил:

— Вернулся отец?

— Вернулся. Вчера... Хорошо, что они успели до шторма. А то могло прижать корабль к скалам и разбить в щепочки.

Санька кивнул:

— Могло... Вон там, за тем мысом, разбился фрегат «Везул». Я вчера прочитал про него в старинной книжке...

Одиссей повернулся к Саньке. На лице у Одиссея, как от слезинок, виднелись полоски от высохших соленых капель.

— Расскажи,— попросил он.

...Тридцатидвухпушечный фрегат «Везул» под командой капитана второго ранга Стожевского 2 октября 1817 года вышел из Севастопольской бухты, чтобы следовать к Абхазским берегам. Командир несколько дней ожидал хорошей погоды и теперь с тихим ветром от зюйд-оста благополучно обогнул Херсонесский маяк.

Фрегат был в двадцати милях от маяка, когда ветер стремительно засвежел. Это случилось около пяти часов пополудни. Развело огромную волну. От раскачки мачт ослаб стоячий такелаж. Чтобы оказаться поближе к берегам, которые хоть как-то защищали от ветра, командир повернул с левого галса на правый, то есть фактически лег на обратный курс (на большом парусном судне во время шторма это крайне тяжелый маневр). Но когда впереди показался маяк, Стожевский приказал опять лечь на левый галс.

Так «Везул» метался в штормовом море, а ветер делался все страшнее и менял направление. Даже в Севастопольской бухте и в самом городе этот шторм натворил немало бед.

...Мне трудно представить, как именно рассказывал Санька Одиссею о «Везуле». Тем более что по правде-то он даже не рассказывал, а просто вспоминал. Вспоминал страницы из книги «Исторія крушеній и пожаровъ Русскаго флота». В книге же написано: «Ветер... до того усилился, что принудил закрепить все марсели, и фрегат оставался под одними нижними парусами; а между тем, все переходя к NO, ветер сгонял с румба. В исходе 9-го изорвался грот, и при этом еще так сильно кренило, что вынуждены были закрепить фок, оставаясь под одними стакселями. В 2 ч. ночи ветер уже зашел от N и был столько свеж, что «прослужив 26 (с якорными) кампаний на разных морях — говорит Стожевский — я никогда не встречал подобного», и фрегат все ближе прижимало к берегу... Шел дождь, и темень была такая, что со шханец не видели передних парусов. Чтобы отойти от маяка, стали поворачивать на правый галс; но при повороте изорвался фок-стаксель, и фрегат, оставленный почти без парусов, стало еще сильнее прижимать к берегу. Ветер заходил к NW, и отойти не было возможности, ни на тот ни на другой галс. Были изготовлены два якоря. В начале 4-го показался бледный свет маячного огня, и, накинув глубину на 17 сажен, бросили один якорь; другой еще не совсем был готов. «Жестокий ветер, как будто под парусами, нес фрегат к берегу»,— говорит Стожевский. Через полчаса он ударился всем левым лагом о камни... В это время на эскадре, стоявшей на Севастопольском рейде, спускали стеньги и нижние реи. Удары были часты и сильны; ветер ревел, волны ходили через; ночь темная, гибель казалась несомненною».

Здесь я на минуту перебью автора старой книги, чтобы подчеркнуть одно выражение, которое часто встречается в давних описаниях морских трагедий: «Волны ходили через». Не «через палубу», «через корабль», «через корпус», а просто «через». Этот лаконизм кажется мне выразительнее многих подробностей.

«...Для облегчения фрегата срубили все три мачты, и он вскоре был выброшен совсем на бок. На рассвете увидели, что находятся на западном мысу Казачьей бухты. «К счастию,— говорит командир,—спасен баркас; на нем, при помощи офицеров и команды, присланной из Севастополя, все благополучно спаслись, кроме квартирмейстера Ивана Докунина и юнги Андрея Шуширина, бросившихся от страха преждевременно в море».

Когда Санька читал это и когда потом вспоминал, у него даже дыхание сбивалось от тоски и от жалости. Взрослого квартирмейстера ему, по правде говоря, было не очень жаль, но юнгу... Наверно, такой же мальчишка был, как Санька. Небось, дома выпросился в первое плавание и вот не успел даже от берегов отплыть...

Какой же черный и безжалостный шторм был в ту октябрьскую ночь! И какой ужас был в душе у юнги Андрюшки, если кинуться в воду ему показалось не так страшно, как оставаться на палубе!

Он что, спасения искал в этих жутких волнах? Или шторм уже казался страшнее смерти?

О чем он думал, Андрюшка? Или уже ни о чем не думал?

Разве бывает такой страх, когда человек уже не думает?

Санька представлял себя на месте юнги Андрея Шуширина. Будто он сам на скользкой, вставшей вертикально палубе, а сверху рушатся громады воды с шипучими гребнями, срываются и крушат фальшборт многопудовые карронады... И вода, вода, и мрак... Но до конца представить это Санька

не мог. Таких штормов он не видел. Даже с берега не видел...

Нет, Санька не осуждал юнгу с «Везула» за тот смертельный страх. Какое право он имел осуждать, если сам никогда ничего похожего не испытывал? Была только тоскливая обида: «Ну зачем он так? Почему не дождался помощи, почему не выдержал?»

И почему юнге Андрюшке взрослые люди дали кинуться в море? Неужели каждый думал только о себе?

Нет, наверно, просто не уследили...

...— Просто у него не было друга,— внезапно сказал Одиссей. — Что? — вздрогнул Санька.

— Не было у него друга. Если бы рядом был надежный друг, они бы обязательно удержались вдвоем...

— Да, наверно... Конечно,— сказал Санька. И опять заколола беспомощная обида. Оттого, что он, Санька, не может стать другом этого Андрюшки и удержать его от смертельного броска.

...А сам-то Санька не струсил бы?

«Ну и струсил бы! Ну и пусть! — сердито подумал Санька.— А вдвоем все равно не так страшно!»

Видимо, Саньку просвистело на берегу. К вечеру он осип, а утром температура была тридцать восемь. А потом и еще больше.

Ничего! Санька даже радовался. Можно будет несколько дней не ходить в школу, не встречать Турчакова, не ждать насмешек.

Но болезнь оказалась коварнее, чем ждал Санька. Температура не падала. Стало колоть в боках. А особенно худо было по ночам, когда чудились черные, душные, как горячая вата, волны, которые накрывали Саньку с головой, и он не мог сквозь них протолкнуться к другому мальчишке — то ли Одиссею, то ли юнге с «Везула», который звал на помощь...

— Доскакал раздетый, достукался до воспаления,— горько сказала мама.

Но оказалось, что это не воспаление, а жестокий бронхит.

...Мама работала диспетчером на автостанции, порой приходилось ей дежурить по ночам. Папа тоже иногда работал во вторую смену. Чтобы приглядывать за больным Санькой, к ним переселилась Люся. Конечно, с Тарасиком (куда же его девать?).

Через неделю болезнь приутихла, оставила Саньке только слабость, не очень сильный кашель и какое-то беззаботное настроение.

Санька целыми днями читал толстую книгу «Мифы древней Греции» или разговаривал с Люсей про всякую всячину. Они друг друга всегда понимали, хотя Люся и была старше на тринадцать лет. Санька рассказал ей даже про Одиссея. Люся и это поняла как надо. Она Саньку погладила по голове и ласково проговорила:

— Он там без тебя скучает, наверно. Ты давай поправляйся, Сандалик наш...

От этой ласки (и наверное оттого, что Санька был совсем ослабевший) у него подкатила к горлу теплая волна. Санька уткнулся в подушку. Люся погладила его по спине, потом посадила на одеяло Тарасика.

— Иди к дяде Сане, скажи: «Давай поиграем».

Санька улыбнулся ему сквозь слезы.

...В школу Санька вернулся перед осенними каникулами.

Вторая встреча

В новогодние каникулы я получил от Сандалика бандероль. В ней была книжечка «У карты Севастополя». Очень интересная книжка с описанием севастопольских улиц и окрестностей. По правде говоря, у меня было уже несколько экземпляров этой книжки — подарки друзей и знакомых. Но Санькиной бандероли я все равно обрадовался, тем более что в ней оказалось и письмо.

Почерк у Сандалика был корявый, но старательный, а письмо короткое. Санька поздравлял с Новым годом, сообщал, что читал мой рассказ в «Пионере», когда болел бронхитом; что Тарасик научился ходить, стал серьезный и совсем не ревучий. И что он, Санька, закончил вторую четверть с двумя тройками — по русскому и по математике, но во втором полугодии подтянется...

Я в ответ послал Саньке свою книжку про ковер-самолет и про храброго мальчишку-летчика. Через месяц Санька написал, что книжка ему понравилась, а мама, папа, Люся, Гриша и Тарасик передают мне привет.

На этом наша переписка заглохла. Но я не обижался. Я сам не очень-то люблю писать письма, что же требовать от других...

В сентябре я снова приехал в Севастополь и отправился в школу, где учился Сандалик (теперь-то я знал ее номер).

Только что кончились занятия, ребята разбегались, и я спросил, нет ли здесь кого-нибудь, кто знает пятиклассника Дальченко.

Оказалось, что его знает высокая круглолицая девочка.

— Он со мной на одной парте сидел...

— А сейчас что? Сбежал от тебя? — улыбнулся я.

— Он от нас уехал,— объяснила девочка. И вздохнула.

— Куда уехал? — расстроился я.

— Говорят, в прежнюю свою школу вернулся.

Вот оно что! Это меняло дело. В той школе у меня было множество знакомых, в том числе и Роська Вихрев — Юрос.

Юроса я отыскал на школьном дворе. Он радостно завопил и, не стесняясь, повис у меня на шее, хотя мы уже виделись сегодня утром.

— Саня Дальченко в вашем классе учится? — остановил я его восторги.

— Кто? — Он заморгал.— А, Сандалик... Не! Он в пятом «Б». А что?

— Ты его знаешь?

— М-м...— Юрос вздернул острые плечи.— Вообще-то да. Маленько...

— Найди и приведи.

— Зачем? — ревниво спросил Юрос.

— Дело есть. Двигай.

Юрос опять пожал плечами, неторопливо отправился в школу и буквально через две минуты молча доставил Сандалика.

Сандалик увидел меня, заморгал, потом улыбнулся:

— Здрасте...

Он, кажется, ничуть не подрос и вообще был в точности такой же, как при прошлогодней встрече. Только загар стал, по-моему, еще сильнее, а волосы еще больше выгорели.

— Ну вот, и опять встретились,— бодро проговорил я.— Как живешь, Сандалик?

— Хорошо... Все в порядке.— Он опустил глаза

и закачал сумкой, которую держал за ремень.

Я вдруг ощутил неловкость и понял, что не знаю, о чем говорить. А он тем более не знал.

Собственно, что у нас было за знакомство? Встреча, разговор о севастопольских бухтах да пара коротких писем. Наверно, Сандалик и не ждал, что я разыщу его...

Тогда я спросил наугад:

— А как поживает Тарасик?

Сандалик заулыбался. Сразу по-другому глянул.

— Ой, он уже большущий! Все понимает. Даже букву «А» знает...

— Пойдем погуляем,— предложил я.— Уроки кончились? Вот и хорошо... Поговорим немножко.

Он кивнул и быстро надел на плечо ремень сумки. А я увидел лицо Юроса. Очень безразличное, очень равнодушное лицо. На нем так и читалось — будто крупными печатными буквами: «Ну и пожалуйста! Мне вот нисколечко не интересны ваши дела»...

Я подмигнул ему: все, мол, в порядке. Юрос не выдержал:

— А к нам вы сегодня зайдете?

— Зайду,— пообещал я.— Скажи маме и папе, что буду надоедать вам весь вечер. И расскажу тебе еще одну историю про черный клипер, когда тебя погонят спать...

— Меня уже давно не гоняют,— уязвленно сообщил Юрос нам вслед.

Мы с Сандаликом пошли через детский парк с его площадками и каруселями. Я сказал напрямик:

— Ты, может быть, удивляешься, что я разыскал тебя? А мне хотелось узнать, как у тебя сейчас дела.

— Я не удивляюсь... Я вам два письма писал, да не отправил. Мама говорит: куда ты с таким почерком крючковатым! Перепиши. А переписывать уже... как-то неинтересно.

— Жаль, что не отправил... А как ты снова в эту школу попал?

— Очень просто! Мы поменялись: снова приехали в старую квартиру. А Люся, Гриша и Тарасик в нашу. Тарасику там лучше, вода горячая всегда и ясли есть рядом... Надо было сразу так сделать, да не догадались.

— Значит, сейчас все в порядке?

— Сейчас всем хорошо,— серьезно сказал Сандалик.— Всем на работу ближе ходить, а папе еще и в яхтклуб... Он там зимой начал помогать своим знакомым, двигатель у них на яхте перебрал. А потом так и остался в экипаже. Матросом. Говорит: раз уж из рыбаков ушел, буду ходить под парусом. А то совсем высохну без моря.

— А почему его матросом взяли, а не механиком?

— Ну и механиком... Но в гонки-то яхта не под мотором идет, двигатель под пломбой. А парусам всегда нужны матросы... Он уже в гонку на кубок Черного моря ходил.

— А мама, наверно, ворчит, что его теперь дома не дождешься...

Сандалик засмеялся:

— Вы откуда знаете?

— Это у всех одинаково.

— Она не сильно ворчит... Только меня боялась первый раз отпускать с папой. А сейчас не боится, если даже сильный ветер.

— Если сильный, наверно, боится.

— Но отпускает... Ой, вон фруктовое мороженое! Вы любите? — Он так энергично зашарил в карманах, что мятые и перемазанные мелом шорты скособочились, а рубашка выбилась из-под ремешка.

— Подожди, у меня полтинник есть.

— Нет, я сам! — Он умчался за мороженым.

...Потом бродили мы по разным улицам, по Историческому бульвару, по Артиллерийской слободке. До вечера. Так, что даже ноги загудели. Наша неловкость растаяла с последними каплями фруктового мороженого, и мы болтали без стеснения. Вперемешку. Я рассказывал Сандалику о наших парусных гонках на таком далеком от Севастополя Верх-Исетском озере в Свердловске. Санька говорил о своих делах.

Тогда-то я и узнал многое из того, что здесь написано...

Впрочем, написано, конечно, подробнее, чем Сандалик рассказывал. Кое о чем пришлось мне догадываться лишь по коротким Санькиным фразам. Поэтому пусть Санька не обижается, если на этих страницах я заставил его говорить и делать то, что говорил бы и делал сам, если бы превратился в севастопольского пятиклассника. В конце концов, я пишу повесть и могу, как автор, пофантазировать. Кое-что добавить от себя. Думаю, что эти добавки не пойдут вразрез с характером Сандалика и он не станет придираться.

Ну, а если захочет придираться кто-то другой, то предупреждаю сразу: в этой повести я изменил почти все имена, «сбил» расположение и номера школ и даже нарочно слегка перепутал даты. Потому что главное не в этом. Главное — Санька.

...Об одних случаях Санька рассказывал охотно, о других вообще молчал. Как он жил зимой, мне почти ничего не известно. Судя по всему, жил не очень весело, хотя и без больших неприятностей. С ребятами не ссорился, но и не дружил. С Димкой Турчаковым они как бы не замечали друг друга. По крайней мере, Санька его не замечал. Только где-то в феврале они сцепились в неожиданной и короткой драке.

Из-за чего? Толком не знаю. Санька неохотно сказал:

— Ну, он полез с каким-то разговором, а я говорю: отвяжись. Тогда он опять о «Профессоре» что-то сказал...

Их растащили тут же. Сан-Сама не стала писать в дневники и как-то тихо, утомленно сказала:

— Господи, вам-то что не живется? Что вас мир не берет?

А через месяц Санька вернулся в старую школу, стал прежним Сандаликом, и веселые дни стремительно покатились к лету.

Лето было замечательным. Во-первых, Санька несколько раз ходил с отцом на яхте. Во-вторых, на неделю ездил с мамой в Москву. В-третьих, вообще было лето, было море, были бесконечные каникулы, игры со старыми друзьями-приятелями. Был обшарпанный, но легкий и быстрый велосипед...

И еще был Одиссей.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Праздник

В 1985 году в столице Народной Республики Болгарии проходила III Международная детская ассамблея «Знамя мира». Свыше двух тысяч юных художников, поэтов, композиторов, музыкантов из 110 стран мира приехали в Софию, чтобы продемонстрировать сверстникам свои творческие способности, любовь к искусству. А главное — рассказать о своем желании жить в мире. Рассказать песней. Рисунком. Стихотворением. «Единство, творчество, красота» — этот девиз на десять дней стал законом жизни разноязыкого детского городка ассамблеи. Единство, творчество, красота царили на всех творческих смотрах ассамблеи. Единство, творчество и красота, а не угроза атомной войны, не разобщенность между народами, не страх перед будущим! Наш корреспондент Виктор РЫБИН побывал на ассамблее «Знамя мира». Сегодня мы публикуем его заметки с этого международного детского форума.

Песня Реми Бандали

Концерт завершался. Гости Софии, участники III Международной детской ассамблеи «Знамя мира», давали прощальный концерт для своих болгарских сверстников — гостеприимных хозяев ассамблеи. Все их мысли и чувства, радость от незабываемых встреч и грусть прощания с добрыми друзьями были в танцах, музыке, песнях...

К микрофону робко вышла маленькая девочка в белом платье с огромным белым бантом в черных кудряшках. В руке она держала национальный флаг Ливана. Не дожидаясь, когда в зале смолкнут голоса и аплодисменты, девочка запела...

Не передать словами чувство, охватившее меня в ту минуту,— так проникновенно, чарующе нежно и вместе с тем грустно пела девочка. Даже самые непоседливые мальчишки замерли в оцепенении. Слева от меня сидели женщины — я заметил, как покатились у них по щекам слезы, как судорожно сжали они платки. Я вспомнил — они из Ливана, приехали с ливанской делегацией...

Девочку зовут Реми Бандали. Ей шесть лет, она приехала из Бейрута, из пылающего, истерзанного войной города, который давно стал символом скорби

Карнавал — стихия юных кубинцев.

Счастливого детства

и страданий. В ливанской делегации были дети из разных религиозных общин. Когда они вылетали в Софию, в Бейруте на час было объявлено перемирие, чтобы дети могли, не опасаясь за жизнь, собраться вместе и сесть в самолет. А песня, что пела Реми, зимой 1985 года облетела весь мир и прозвучала как крик о помощи отчаявшихся детей Ливана. Называлась она «Верните нам детство».

...Я забыла, какого цвета небо,
потому что мое небо застилает дым пожарищ,
Я боюсь брать в руки игрушки,
потому что они взрываются.
Я забыла пение птиц,
потому что вой снарядов давно
отпугнул их от родных гнезд...

Нежный и грустный голос Реми тревожил сердце, вносил в душу смятение. Страшно становилось от мысли, что уже завтра эта юная певица и ее товарищи снова окажутся в объятом пламенем войны Бейруте. А сколько еще на планете таких пылающих точек!

«Нет войне! Мир детям планеты!» — раздались голоса, лишь только Реми закончила петь. Взрослые и дети скандировали простые, но ставшие вдруг такими необходимыми слова. А в моей памяти чередой побежали картины ассамблеи, этого праздника мирного детства, о каком мечтала Реми...

Трудно ли быть юнкором?

Он сидел на скамейке у Дворца народной культуры имени Людмилы Живковой в тени невысокого клена. Усталое, но какое-то милое и забавное мальчишеское лицо. Безвольно опущенные руки. Сбившаяся на макушку кепка... Рядом — готовый к съемке фотоаппарат «Зоркий». Казалось, мальчик настраивается на съемку. Как спортсмен перед забегом.

Мальчика зовут Иван Петразов. Он из Софии, учится в шестом классе школы имени Христо Ботева. А еще он юнкор пионерской газеты «Септемврийче». Потому он здесь, на ассамблее «Знамя мира».

— Такое событие ни один юнкор не упустит! — сказал мне Иван, когда мы с ним познакомились. — Ассамблея бывает раз в три года. Вот и надо не упустить шанс, сфотографировать как можно больше.

— И много ты сфотографировал?

Иван деловито достает из своего школьного ранца пакет с кассетами: на, мол, прикинь сам, много или мало.

— А где сегодня побывал?

— Утром на смотре фольклорной музыки. Потом слушал, как наш хор «Бодрая смена» исполнял новую песню вашего композитора Дмитрия Кабалевского. Он написал ее специально для ассамблеи — очень красивая песня! Потом смотрел выступление болгарских музыкантов — знаете, Цветке Цветковой всего семь лет, а как она на скрипке играет! А час назад закончились выступления юных поэтов...

— И ты стараешься побывать на всех концертных площадках ассамблеи? — изумился я.

— Приходится выкручиваться. — Иван, заговорщически подмигнув, склонился к моему уху: — Я тут к телевидению присоседился. Два раза уже с ними ездил на «летучке».

— Не прогоняют?

— Не-ет, — улыбается Иван. — Юнкору «Септемврийче», говорят, всегда местечко найдется.

Заметив вышедших из дворца артистов в ярких национальных костюмах, вскочил со скамейки, подхватил «Зоркий». Лицо его оживилось и приняло то выражение, какое бывает у человека перед важным и трудным делом.

...В одном из выпусков «Септемврийче» в те июльские дни я прочел: «Ассамблея вдохнула творческие силы не только в непосредственных участников детского форума, но и во всех, кто стал его свидетелем».

Поглядеть на Ивана Петразова, так еще как вдохнула!

Оборище, 17

Этот адрес знают во многих уголках мира. Здесь, во Дворце народной культуры имени Людмилы Живковой, разместилась коллекция художественных произведений детей — Фонд «Знамя мира».

Коллекция эта уникальная. Во-первых, поражает количество детских творческих работ — более три-

дцати тысяч! Во-вторых, в коллекции собраны рисунки, стихи, рассказы, песни, произведения прикладного искусства детей из более чем ста стран мира!

Фонд «Знамя мира» был создан в 1979 году. Тогда, после I Международной ассамблеи «Знамя мира», встал вопрос о том, что делать с работами, оставленными ее участниками. Решили устроить постоянно действующую выставку.

Детских работ с каждым годом прибывало. И тогда выставки Фонда отправились в путь по странам Европы, Азии, Африки и Америки. Миллионы жителей планеты смогли увидеть, какими талантливыми становятся детские руки, когда им дают возможность проявить себя.

Будто ручейки, растекаются цепочки мальчишек и девчонок по выставочному залу. Взоры всех устремлены на рисунки...

Всех ли? Замечаю возле одного рисунка худощавого паренька, который впился глазами в зрителей.

— Как тебя зовут?

— Сэм Тиомби.

— Откуда ты?

— Из Танзании.

Смотрю на рисунок, у которого стоит мальчуган. Автор рисунка... Сэм Тиомби! А называется рисунок «Моя деревня».

— Ты хочешь узнать, понравилась ли твоя работа ребятам?

Сэм улыбается.

— Я хочу знать, понимают ли они, что я здесь нарисовал. И нравится ли им моя деревня...

Зрители понимают. Зрителям нравится деревня Сэма. Достаточно посмотреть на их лица, чтобы понять, с каким интересом вглядываются они в незнакомую жизнь, где свои традиции, законы, обычаи. Расширить знания о мире, а значит, сблизить далекие континенты и народы, подружиться с ними — вот цель таких выставок.

Браво, «Калинка»!

Фойе третьего этажа Дворца народной культуры имени Людмилы Живковой. Идет концерт фольклорной музыки. Зажигательный нигерийский танец «мкпокити» сменяется корейской хороводной песней, нежная лирическая песня тунисских рыбаков уступает место веселому болгарскому наигрышу на тамбуре...

После каждого номера юных артистов осаждают зрители. «Адрес, ваш адрес, пожалуйста!» — несутся со всех сторон крики.

— Танец «Калинка». Исполняют Лина Булдакова и Оля Комягина. Аккомпанирует на баяне Александр Духовский,— объявляет ведущий.

На какое-то мгновение зал затихает. Но вот звучат первые аккорды «Калинки» и в такт раздаются хлопки зрителей. Скоро кажется, что весь зал поет. Разноязыкий хор выпевает: «Калинка, ка-ли-и-нка, калинка-а-а-ауа!..»

Рядом со мной вся советская делегация. Замечаю, как ребята переживают за товарищей. Им что, они уже «отстрелялись». Света Толстенок читала свои стихи, Оля Рубан, Наташа Добрынина и Катя Александрова пели на три голоса русские народные песни, Сережа Кандаков играл на фортепиано. И все выступили успешно. Теперь бы танцоры не подвели.

Не подвели! Лине и Оле пришлось три раза танцевать «Калинку» на «бис»!

...На выходе из дворца зрители и участники концерта разбились на группы и что-то громко обсуждали, отчаянно жестикулируя. Я заметил, как один африканский паренек тщетно пытался продемонстрировать своему приятелю — болгарскому пионеру какое-то па. Да это же «Калинка»!

— Изучаете? — спросил я ребят.

— Фреди, он из Нигерии, хочет выучить «Калинку» и показать у себя на родине,— сказал болгарский мальчик.— Это, говорит, будет самый лучший подарок, какой я привезу друзьям.

Славим мир!

На каждой ассамблее есть день, когда в здании Народного собрания Болгарии заседает Международный детский парламент. Сам по себе необычный факт: дети в таком государственном учреждении! А дети к тому же приходят сюда не на экскурсию — у них здесь свое важное дело. С трибуны Народного собрания они обращаются к детям и взрослым всего мира с просьбой бороться за мир, за счастливое детство маленьких жителей планеты. Послушайте, о чем говорили участники III Ассамблеи, и вы поймете, как дороги им судьбы мира, как решительно настроены они бороться за мир.

Только в мире дети могут развивать свои творческие способности. Но, чтобы сохранить мир, нужно единство всех людей. Мы верим в единство, потому что живем под одним небом и дышим одним воздухом. Мы верим в творчество, потому что каждый человек имеет право творить красоту. Мы верим в красоту, потому что назначение красоты — дать людям радость...

Марина Филиповичева, ЧССР.

Когда лев врывается в твой дом, ты можешь убежать от него. Но если разразится ядерная война, никто не сможет спастись от нее. Наш долг — бороться против войны. Бороться песней, танцем, словом...

Ю Ляо, КНР.

София, словно добрая и нежная мать, обогревает нас своим теплом. Мы здесь играем, поем, мы славим мир. Я мечтал о том дне, когда вся наша планета будет такой же доброй и нежной матерью для всех своих детей, как София. Я мечтаю о том, когда мир и покой воцарятся на планете и дети будут по-настоящему счастливы. Я верю, такой день настанет...

Денисиу Укела, Уганда.

Из рассказов моих родителей я знаю, что такое война, какие беды и страдания несет она людям, особенно детям. Вот почему я в своих рисунках славлю мир и проклинаю войну. Я не хочу войны и призываю всех участников ассамблеи стать у себя на родине активными борцами за мир, нести людям светлые идеи нашей ассамблеи: единство, красоту, творчество...

Конрад Нойберт, Австралия.

Посланцы детей всей Земли заявили, что хотят жить в мире и будут славить мир искусством. Об этом они сказали и в своем Обращении к детям и взрослым планеты, принятом на парламенте.

Ассамблея «Знамя мира» не только смотр юных дарований, это еще и форум юных борцов за мир.

Последний рисунок в софийском альбоме

Незаметно подошло время расставания с гостеприимной Софией, с новыми друзьями. В софийском международном аэропорту — море алых роз. Кажется, не в аэропорту ты очутился, а в благоухающем розарии.

...В самолете моей соседкой оказалась Анна Бикои, худенькая черноглазая девочка из Конго. Едва самолет поднялся в воздух, Анна приникла к иллюминатору. В руках появился альбом, карандаш заскользил по бумажному листу. И вот уже узнаю шпиль старинной мечети, золотистый купол собора Александра Невского, многогранник Дворца культуры имени Людмилы Живковой, громаду Витоши... Под рисунком Анна выводит: «Вид Софии с высоты птичьего полета».

— А можно взглянуть на твой альбом? — спрашиваю я Анну. Девочка смущенно смотрит на меня, несмело подает альбом.

Листаю страницу за страницей и поражаюсь, как много успела нарисовать Анна за десять дней ассамблеи. Здесь и портреты ребят, и сценки будней ассамблеи, и виды Софии... У каждого из нас остались о Софии самые добрые воспоминания. У Анны воспоминания еще и на бумаге. Зримые как бы.

— Значит, это последний рисунок твоего софийского альбома?

Анна качает головой.

— Нет, еще много думаю нарисовать. По памяти. Всю-всю ассамблею нарисую... — Анна задумчиво смотрит в иллюминатор на стайку проплывающих мимо облаков. — А назову этот цикл рисунков «Праздник счастливого детства».

Фотографии Ю. ТИССОВСКОГО и Агентства София Пресс.

Монумент «Знамя мира». У колокола НРБ всегда много детей.

Ерика Ампер приехала в Софию с Филиппин.

Автограф на память.

Александр БАРКОВ

А на дворе весна...

РАССКАЗ

Вова готовил уроки. Вдруг в окно кто-то стукнул. Поднял глаза и увидел взъерошенного, бесхвостого воробья. Улыбнулся, глянул в окно. Во дворе светло, звонко, весело. Ни вчера, ни позавчера так там не было. Вове даже стихи вспомнились:

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят...

Вова и сам попробовал сочинить стихи. Первые две строки придумал сразу:

Вот и верба у колодца
Распустилась и смеется...

А дальше, хоть убей, не получалось.

Вдруг дверь скрипнула и пришла мама.

— Мам, когда весна придет?

— Со дня на день. А ты, сынок, дневник веди. И записывай свои наблюдения. Весна придет, а ты первый свидетель...

Вова обрадовался: «И, верно, интересно наблюдать, как весна приходит». И решил написать на тетради: «Весенний дневник».

6 марта. Сколько раз глядел в окно... ничего особенного. Вон Димка Пронин остановился посреди двора и рот разинул: что такое? Оказывается, на клене стайка красногрудок-снегирей собралась. Сидят. Важные, пузатые, семена пощелкивают. Песни свои скрипучие напевают.

А снежная баба на дворе как стояла, так и стоит. Только метла у нее выпала. Пойти поднять, что ли?

8 марта. Сегодня женский праздник. Все веселые. Утром мы с папой в магазин ходили. А потом обед готовили. Я картошку чистил, а папа котлеты жарил. Мы купили маме в подарок духи «Белая сирень» и букет мимозы. Оказывается, в Грузии уже мимоза цветет. Про снежную бабу я совсем было забыл. Но когда пошел гулять, то заметил, что у бедняги отскочил нос-морковка. Жалко! Я сбегал домой и принес ей веточку желтой мимозы. Пускай и у снежной бабы будет праздник.

10 марта. Целый день падал снег. Крупный, пушистый. Потом солнце выглянуло. Подул ветерок. Началась солнечная метель.

Одна горластая ворона уселась на пожарную лестницу и раскричалась: «Карр-каррр...» Потом к ней еще три прилетели. И вся лестница закаркала. Мой братишка Митя подпрыгнул и тоже каркнул. До этого он никак звук «р» не выговаривал. А тут вдруг сразу научился!

12 марта. Ночью мороз ударил. Мостовая обледенела. Все падают. Я тоже по дороге в школу упал. Схватился было за Витьку, а он за Борю, и мы втроем загремели. Прямо куча мала.

После уроков мы с горки катались. И я еще разок грохнулся. А снежная баба, словно сахарная, стоит и блестит. Глаза-угольки у нее разные: один круглый, как пятак, а другой узкий, хитрый, с прищуром. А лицо рябым сделалось.

14 марта. Митя сегодня раньше всех в доме проснулся и жмурится: «Солнышко!»

Я взял зеркальце и стал по стене зайчиков гонять. А Митя без конца спрашивал: «Откуда зайчик берется?»

Когда я выбежал во двор, то увидел, что у снежной бабы голова стала меньше. Шляпа, дырявое ведро, нахлобучилась на самый подбородок. Смешно, да не смешно: жаль снежную бабу. Я снял ведро и бросил к забору. Теперь тепло!

16 марта. Наша баба похудела, почернела, стала ниже ростом. Дворник, дядя Корней, встретил нас с Митей во дворе и сказал: «Вешняя пора — пляши, детвора!» Митя насупился и буркнул: «Плясать нельзя. Мокро».

Да и в самом деле, плясать не хочется, просто

жаль расставаться с нашей снежной красавицей. Дядя Корней ей свою старую метлу подарил. Мы с Димой угольки раздобыли. Вова Сапожков — морковку. А сегодня от всех подарков ничего почти не осталось.

19 марта. Воскресенье. В небе солнце, а на крышах длиннющие сосульки. Ребята сшибают их шапками и сосут, как эскимо. Во дворе шумно: девчонки на асфальте «классики» рисуют, а мы с Димкой Прониным велосипед «Орленок» чиним...

Вечером в небесной вышине я услышал трубные звуки. Задрал голову и увидел стаю больших белых птиц. Шеи вытянуты вперед, широкие крылья трепещут белыми парусами. Один прохожий сказал, что это лебеди-кликуны. Они торопятся с южных зимовок на Кольский полуостров вить гнезда. Тепло уже близко. Скоро растает последний снег, зазеленеет трава...

21 марта. Прочел в календаре: «День весеннего равноденствия. Долгота дня и ночи сравнялась». Скоро день прибавится и станет длиннее.

Бабушка сказала мне, что в деревнях в этот день отмечают к весне поворот. И испекла вкусную-превкусную булочку. Только есть ее не хочется, потому что она похожа на птицу с острым клювом и глазами-изюминками — жаворонка.

Оказывается, сегодня начинается месяц птиц. Ребята из нашего класса решили развесить в садах и скверах дуплянки, скворечники, разные птичьи домики. Пускай крылатые охраняют наши деревья от вредных жуков и червяков.

22 марта. Дядя Корней побелил яблони. Когда я не учился в школе, то подолгу гостил в деревне у дедушки Сережи. Весной мы окапывали деревья, кусты малины и смородины. Дедушка наметал в кучу прелые прошлогодние листья. А я граблями собирал мусор в кучу и горящей берестой поджигал костер. Сад сразу делался голубым и пахучим. А потом мы с дедушкой осматривали каждое деревце. Садовыми ножницами-секатором обрезали сухие ветки. «Знаешь, Вова,— говорил дедушка,— по весне яблоня пробуждается от зимней дремы. По стволу, по каждой веточке у нее бежит живительный сок». Дерево оживает. А старые, черные ветви без почек, оказывается, давно умерли. Они только помеха яблоне, не дают ей цвести в полную силу. Их надо срезать и сжечь на костре. В трещинах коры заводятся жуки и вредные гусеницы. Они так быстро плодятся, что могут погубить весь сад, и тогда в нем не будет ни яблок, ни слив, ни вишен. А чтобы этого не произошло, весной стволы яблонь белят известью и развешивают по тихим местам дуплянки для синиц.

23 марта. Нет больше нашей снежной бабы. Посреди двора лужа на солнце блестит. Увидал ее воробей и плюх в лужу с забора. Брызги во все стороны. Баню себе устроил. Выкупался, отряхнулся и стал страшный-престрашный, как Бармалей. Еле-еле снова на забор взлетел — начал перышки чистить. А потом пригрелся на солнышке, повеселел да как чирикнет!

25 марта. Ура! Сегодня в школу идти не нужно. Отсыпайся, бегай, гуляй сколько хочешь. Каникулы! А у Димки Пронина беда стряслась: рыжий кот Барон сбежал. Где мы его только ни искали, даже на чердак лазили, но все впустую.

Спустились с чердака по пожарной лестнице, посмотрели вокруг и удивились: «А на дворе-то весна!»

27 марта. Димка в сарае старый скворечник нашел. Мы его почистили, крышу сменили и повесили на шесте над домом. Хорошо бы в нем скворцы поселились!

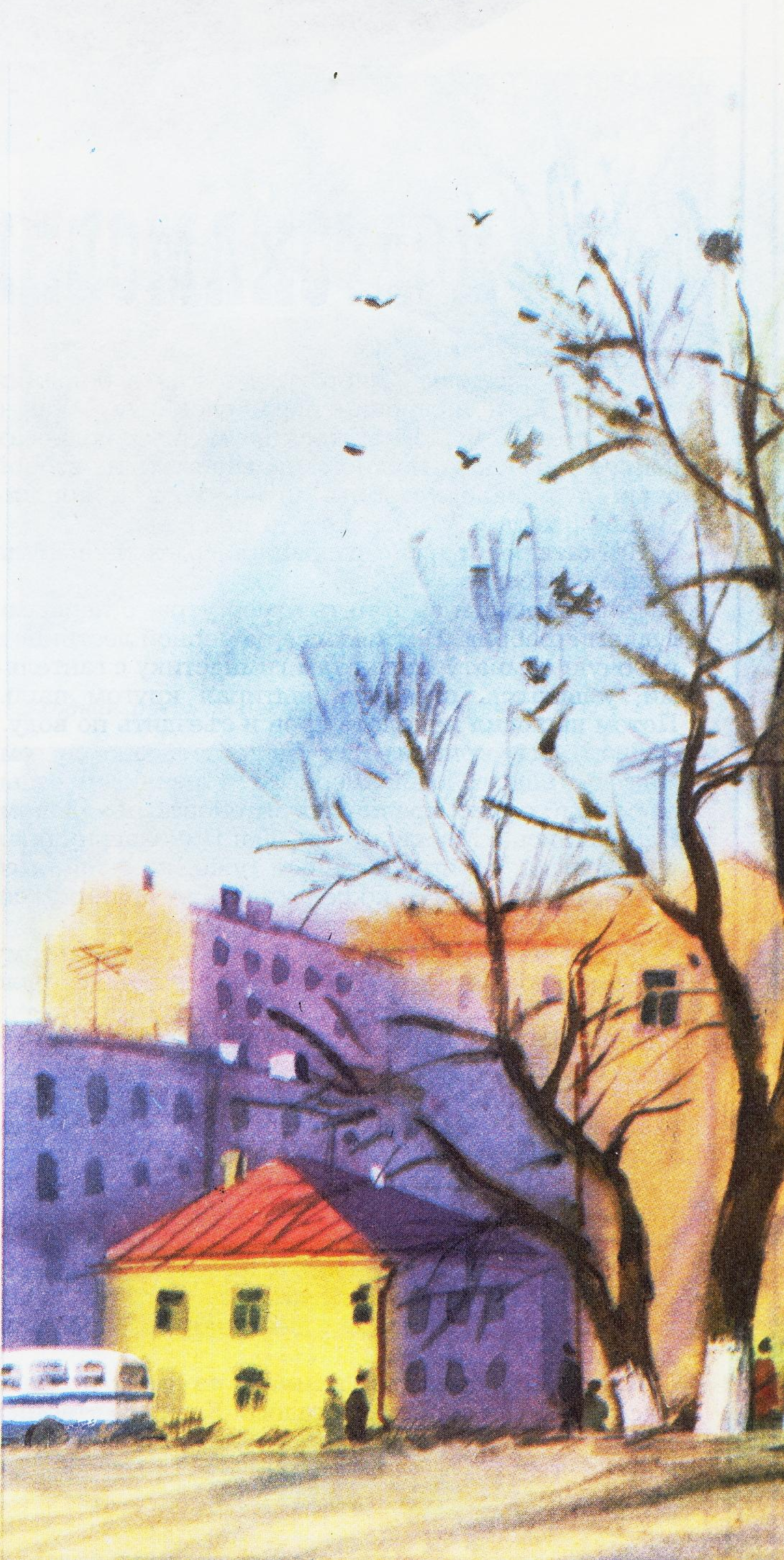
В воздухе появились веселые стайки комаров. Это особые комары, некусачие. Называются они толкунцы. Куда ни глянешь — повсюду стайки. Весь двор в комарах-конопушках...

30 марта. Проснулся рано, а за окном уже светает. Вдруг слышу: «Ти-ти-тень, ти-титень» — на балконе распевает синица. Торопится объявить: «День прибывает! День прибывает!»

Поскорей оделся — и во двор. А там уже весь снег растаял. На телевизионную антенну уселся скворец и вполголоса насвистывает. Вдруг на крыльцо красная бабочка села. Крылышки расправила. Пригрелась на солнышке. Только я собрался ладошкой ее накрыть, как подул ветер. Бабочка вспорхнула и улетела...

На этом записи в дневнике кончаются. А почему, вы, наверное, догадались: настала весна!

Рисунки Р. МАКАРОВОЙ.

ДОЛГОХАМОВНИЧЕСКИЙ, № 15

В доме оказалось много маленьких и больших лестниц. Дети полюбили парадную: с нее, как с горки, можно было кататься на медных подносах вместо салазок. А можно было взбежать на второй этаж и в зале устроить игру — хоть в кошки-мышки, хоть в уланы, хоть в колдуны.

Но катание и игры разрешались, только когда отец не работал.

Отец просыпался в пять часов утра, с первыми гудками фабрик. Поднимался по черной лестнице в рабочую комнату, делал там гимнастику с гантелями, умывался, одевался, вытирал кругом пыль. Потом выходил наколоть дров и съездить по воду.

Двор, сад, крыши — все было занесено снегом. Высоко над головой мерцали утренние звезды, морозный воздух крепко пах антоновским яблоком. Вернувшись с Москвы-реки, Лев Николаевич брал в буфетной приготовленный уже кофейник со свежим ячменным кофе, калач и поднимался, вновь по черной лестнице, в кабинет...

Дом купили в 1882 году. В семье было к этому времени восемь детей, и почти всем надо было учиться: младшим в гимназии, старшим в университете. Да и у Льва Николаевича хватало дел в Москве. Решено было переехать из поместья в город. Дом коллежского секретаря И. А. Арнаутова понравился тем, что стоял уединенно, да огромным запущенным садом. Лев Николаевич говорил потом, что в этом саду густо, как в тайге. Старый, переживший наполеоновское нашествие дом оказался тесен для новых хозяев. Поэтому жизнь в Москве началась не просто с ремонта, а с перестройки. Во втором этаже появились три высокие комнаты: зал, гостиная, диванная — и парадная лестница.

Каждый выбрал себе комнату по вкусу и устроился в ней так, как ему хотелось. Комната старшей дочери Тани скоро наполнилась холстами и картонами с набросками портретов, пейзажей: Таня училась на Высших курсах живописи и ваяния. В комнате второй дочери — Маши — была почти больничная простота. И чуть-чуть пахло лекарствами. Маша мечтала стать врачом. Младших сыновей, Мишу и Андрюшу, поселили в первом этаже, рядом с Таней. Старшие, Сергей и Илья, жили сначала во флигеле усадьбы, потом переехали на другие квартиры.

Для себя Лев Николаевич выбрал комнаты в самой тихой, неперестроенной части дома. Кабинет с низкими потолками, с маленькими окнами, выходящими в сад, стал местом работы для Толстого на целых девятнадцать зим...

* * *

С гремящего Комсомольского проспекта сворачиваю на улицу Льва Толстого — раньше она называлась Долгохамовническим переулком. Прохожу мимо белоснежных стен Хамовного двора — наверное, такие же белоснежные скатерти выделывали для царских столов ткачи, что жили в Хамовнической — Ткаческой — слободе. А когда в переулке поселились Толстые, вокруг их усадьбы раскинулись владения шелкоткацкой фабрики «Акционерного общества братьев Жиро», «Акционерного общества Хамовнического пивомедоваренного завода», парфюмерной фабрики Ралле. Фабричный был район.

Теперь здесь всегда тихо...

Наконец, за резным высоким забором — двухэтажный дом. Стены темно-желтые, почти коричневые, ставни, карнизы, крыша ярко-зеленые.

Вхожу в приветливо открытую калитку и вижу: лохматая черная, с рыжими подпалинами, веселая

собака и дымчатая, с хвостом в полоску, важная кошка. Сидят рядышком, рассматривают: что за гость пришел, можно ли его в дом пускать? Переглянулись, решили, видно, что можно, и кошка степенно повела меня к крыльцу.

Прежде чем открыть дверь, я на минутку задержалась, задумалась: конечно же, сейчас я войду в музей, в дом, где хранится память о прошлом, но вдруг произойдет чудо? Вдруг случится невероятное — воспоминания оживут и я повстречаюсь с самим Львом Николаевичем?

Я отворила дверь. И чудо произошло...

Шуба висит на вешалке. Значит, хозяин дома, у себя в кабинете. В столовой кукушка отсчитала полдень. Через час Лев Николаевич закончит работу и выйдет к завтраку. Не буду пока ему мешать, навещу других обитателей дома...

Я переходила из столовой в спальню, из спальни в детскую, из детской в комнату Татьяны Львовны. Потихоньку поднялась по парадной лестнице в зал, обошла его кругом, заглянула в красную гостиную. Хозяев нигде не застала, но казалось, что вот-вот, минуту назад, кто-то из них прошел по комнате, пробежал по коридору.

Дом жил. Он не был официальным, холодным музеем, где в строгом и скучном порядке расставлены экспонаты. Он был настоящим домом, который ласково и дружелюбно встречал каждого гостя. И каждому сразу становилось покойно и уютно.

В ту минуту, когда я ощутила покой и уют толстовского дома, я задумалась вот о чем. Лев Николаевич сам выбирал дом, сам, увлекшись, перестраивал и обставлял его. Но чем дальше, тем больше его не любил. Несколько раз даже уходил из него пешком в Ясную Поляну, за 225 километров В московском доме было Толстому тяжело, неуютно. Почему?

* * *

За воротами усадьбы, между столбами левой, наглухо закрытой калитки была прибита скамейка. Лев Николаевич сидел на ней вместе с дворником, Василием Алексеевичем, и смотрел на проходящих рабочих, солдат, на едущих ломовых извозчиков.

После деревни, где жить было спокойно и просторно, где все было знакомо и привычно, Москва казалась Толстому унылой, тревожной. Город открылся ему не только своей красотой.

Во время переписи в Москве Лев Николаевич обследовал дом Зиминых близ Смоленского рынка, в Проточном переулке. Там, как и всюду сдавались сырые подвалы, холодные чердаки, комнаты, углы. Можно было снять даже место у окна. Если у окна сидели двое, каждый платил «за полсвета», если четверо — «за четверть света».

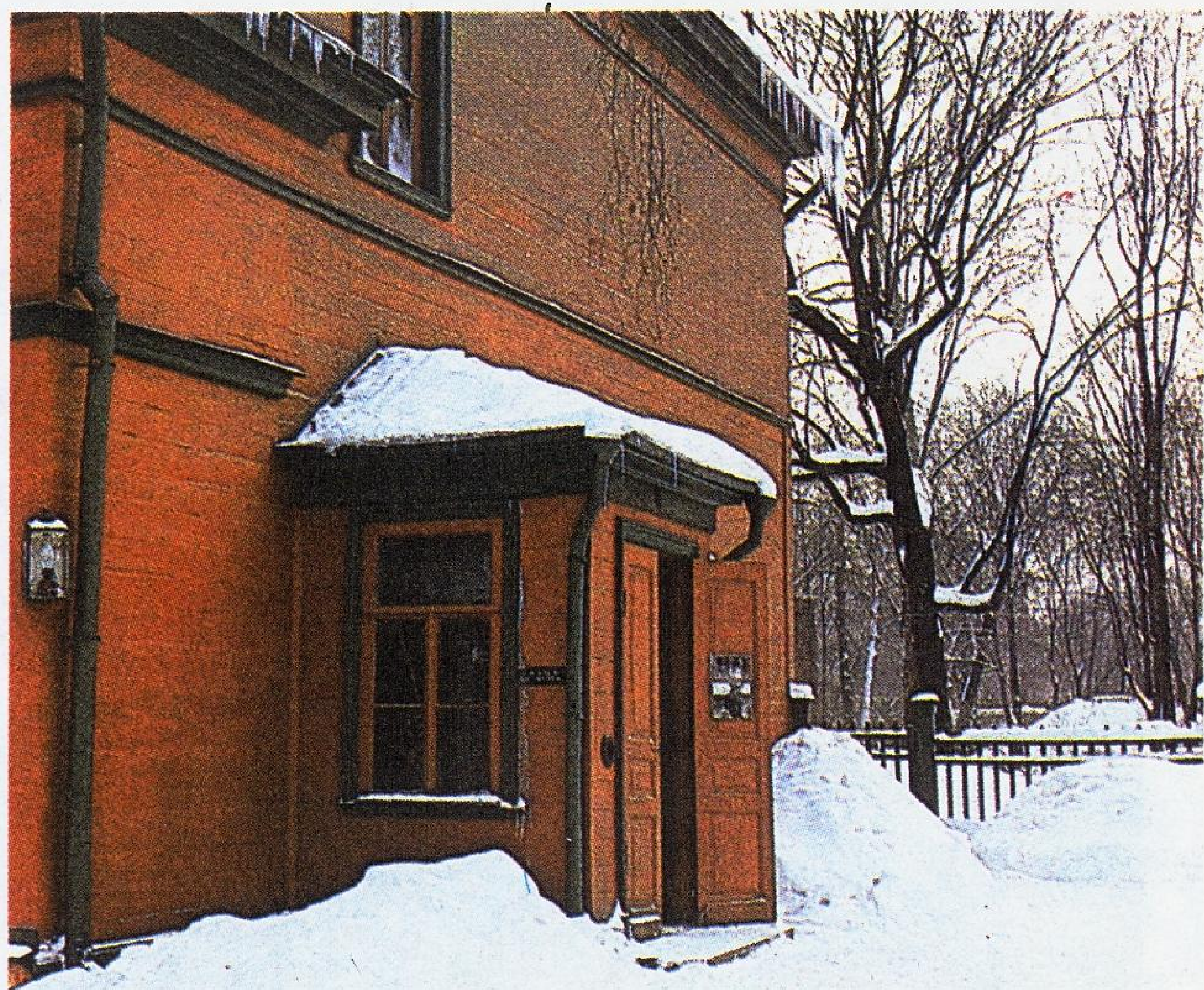
Он не мог забыть Хитров рынок: там, в ночлежках, в тесноте, грязи, духоте ютилось до десяти тысяч человек. За двугривенный можно было получить «нумер» — пространство между полом и нижними, поднятыми на аршин нарами, по бокам которых свешивались рогожи. Но двугривенный для большинства ночлежников казался невозможным богатством.

Узнал Толстой и о том, как живут рабочие. Каждое утро, в пять часов, по гудку, поднимаются они в подвалах и на чердаках, чтобы идти на фабрики и заводы. А там работают по двенадцать и больше часов, получая за сделанное лишь столько, чтобы не умереть с голоду.

Жизнь десятков тысяч людей в голоде, холоде и унижении Толстой ощутил как «преступление, не

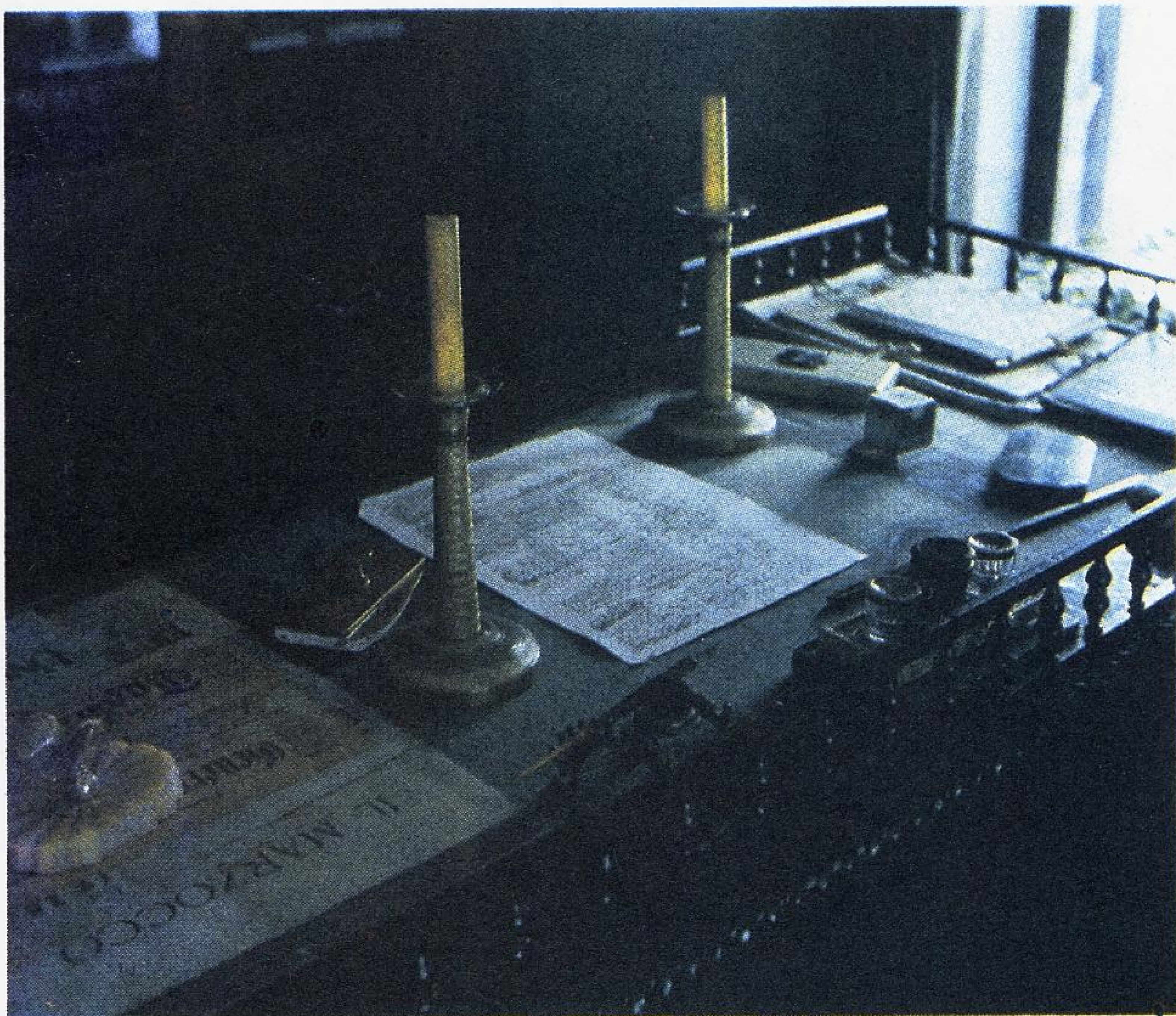
Прежде, чем войти в дом, обойдем его, полюбуемся заснеженным садом.

Входная дверь приветливо распахнута.

Любимый уголок отдыха Льва Николаевича в зале — за шахматами.

Письменный стол — главное рабочее место Толстого.

В уголке рабочей комнаты лежат гантели — Лев Николаевич до глубокой старости занимался гимнастикой.

В красной гостиной Софья Андреевна часто переписывала рукописи Льва Николаевича.

один раз совершенное, но постоянно совершающееся».

Он отрекся от жизни «богатых, ученых», тех, кого стал называть «паразитами жизни». Ему хотелось теперь жить так, как живет простой трудовой народ. Поэтому и московский, очень скромный — по положению Толстых в высшем обществе — дом казался «роскошным», и роскошь эта мучила Льва Николаевича...

* * *

Вновь прозвучал голос кукушки: теперь можно было, пока Лев Николаевич завтракает, заглянуть в его кабинет.

Если выйти из светлого зала через маленькую дверь, попадаешь в совершенную темноту. Сразу за дверью пять ступенек, по которым надо спускаться ощупью. Узкий темный коридор называется у Толстых «катакомбами». Идешь по ним наугад и вдруг впереди видишь кусочек окна, за которым ясный день. Солнце светит в рабочую комнату Льва Николаевича.

Комната маленькая, а интересного в ней много. Стоит, например, в комнате велосипед. Его подарило Толстому Московское общество любителей велосипедной езды в 1895 году. Шестидесятисемилетний Лев Николаевич скоро освоил новый вид спорта и с удовольствием им занимался. А еще он с удовольствием сапожничал.

Но главная его работа была рядом — в кабинете. За девятнадцать зим на письменном столе Толстого побывало около ста произведений. Здесь он обдумывал, писал, переделывал свои повести и пьесы «Смерть Ивана Ильича», «Холстомер», «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Живой труп», «Хаджи-Мурат», роман «Воскресение».

Каждый человек по-своему относится к тому, что происходит в мире. Одни не замечают ничего вокруг, думая лишь о своем благополучии. Другие считают, что все в мире устроено правильно и ничего не следует менять. Но есть люди с острым взглядом и чуткой совестью, глубоким умом и добрым сердцем, которые не могут равнодушно смотреть на несправедливость и которые делают все, чтобы ее побороть.

Толстой видел народные бедствия, видел, что жизнь в России устроена неправильно, и пытался отыскать путь к справедливости. То ему казалось, что сытые и богатые должны поделиться с голодными и бедными. То он думал, что всем рабочим надо отказаться от работы на фабриках и заводах и вернуться в деревню. Но главное, считал он, все должны любить друг друга и жить друг для друга.

Толстой трудился неистово. Он старался, чтобы каждое написанное слово было точным выражением его мысли: поэтому бесконечно переделывал, переписывал свои книги.

Напечатанный роман «Воскресение» занимает меньше пятисот страниц. А в архивах сохранилось около семи тысяч листов этой рукописи. Лев Николаевич считал, что «золото в деле писания получается... только просеиванием» — то есть кропотливой работой над каждой страницей, постоянным исправлением, сокращением. Даже самую незначительную деталь писатель обдумывал и перерабатывал по многу раз. И иногда окончательную, точную подсказку давала окружающая жизнь.

Лев Николаевич долго не мог придумать: какие глаза должны быть у героини «Воскресения». И однажды увидел на столе во время обеда блюдечко с черной смородиной. Ягоды только что принесли из

сада. Смородина эта и подсказала окончательно, какие глаза будут у Катюши.

Есть в романе такой эпизод: в жаркий летний день тянется от московской пересыльной тюрьмы до Николаевского вокзала партия ссыльных. Чтобы точно изобразить этот тяжкий переход в романе, Лев Николаевич прошел со ссыльными весь путь от тюрьмы до вокзала.

Великий писатель думал: если рассказать людям правду, раскрыть глаза на неправильность их жизни, то они устыдятся и станут жить по-иному, в любви ко всем окружающим. Но царь, помещики, капиталисты вовсе не хотели жить «по-иному». Они не собирались добровольно делить с трудовым народом власть, богатство. А рабочие тоже не хотели мирной жизни с господами. Даже гений Толстого не мог примирить народ и правительство. И независимо от желания Льва Николаевича беспощадная критика, с которой он обрушился на угнетателей народа, расшатывала царский трон. В. И. Ленин называл это свойство гения Толстого «срыванием всех и всяческих масок».

* * *

После завтрака Лев Николаевич отправился на Воробьевы горы. Туда он ходил часто, работал с пильщиками дров. Это было для него — как окунуться в настоящую жизнь. Но наступало время возвращения домой: была суббота, ждали гостей.

Пока они не появились, Лев Николаевич поиграл в зале с детьми. А потом ушел к себе, в кабинет. Если гости будут для него неприятны или неинтересны, он останется там. В кабинете тоже собираются люди: последователи его учения, народники, эсеры. писатели из народа. Можно будет только выйти в зал к чаепитию — за столом-«сороконожкой» хватает места для всех,— а потом вернуться обратно в кабинет, чтобы поговорить.

Но иногда Лев Николаевич оставался в зале на весь вечер. Это бывало, когда в гости приходили А. П. Чехов, В. Г. Короленко, Н. С. Лесков, А. М. Горький, И. Е. Репин, композиторы С. И. Танеев, Н. А. Римский-Корсаков, С. В. Рахманинов, А. Н. Скрябин.

Устраивались литературные чтения, музыкальные вечера, шахматные сражения. Особенно любил играть в шахматы Лев Николаевич с Танеевым. Договаривались: проиграет Толстой — будет читать отрывки из своих новых произведений, проиграет Танеев — будет исполнять вальсы Шопена. Шопен был любимым композитором Льва Николаевича. Но слушать его во время шахматных партий приходилось не часто. Толстой неизменно атаковал, не обращая внимания на ходы противника, и почти всегда проигрывал. А проиграв, хватался за голову в ужасе и вскрикивал так, что пугал окружающих.

Зал хамовнического дома становился и театральной сценой, и научной аудиторией. Здесь показывали опыты с жидким воздухом, читали лекции о световых и цветовых иллюзиях, вели разговоры о математике, психологии, экономике.

И когда Лев Николаевич слушал музыку, читал вслух, спорил с интересным собеседником, раздражение «неправильностью» жизни уступало место любознательности, удовольствию от услышанного или прочитанного...

* * *

Большинство своих книг Лев Толстой написал для взрослых. Но еще в детстве каждый из нас узнает его имя. Среди первых книжек, которые мы читаем самостоятельно, обязательно есть сказки и рассказы Толстого «Три медведя», «Филипок», «Косточка», «Прыжок», «Как деревья ходят». Лев Николаевич написал их специально для детей. Он вообще, по словам одного из современников, «верил, что дети, выросши, продолжат работу взрослых и добьются еще большего, еще лучшего, всеобщего счастья на земле»...

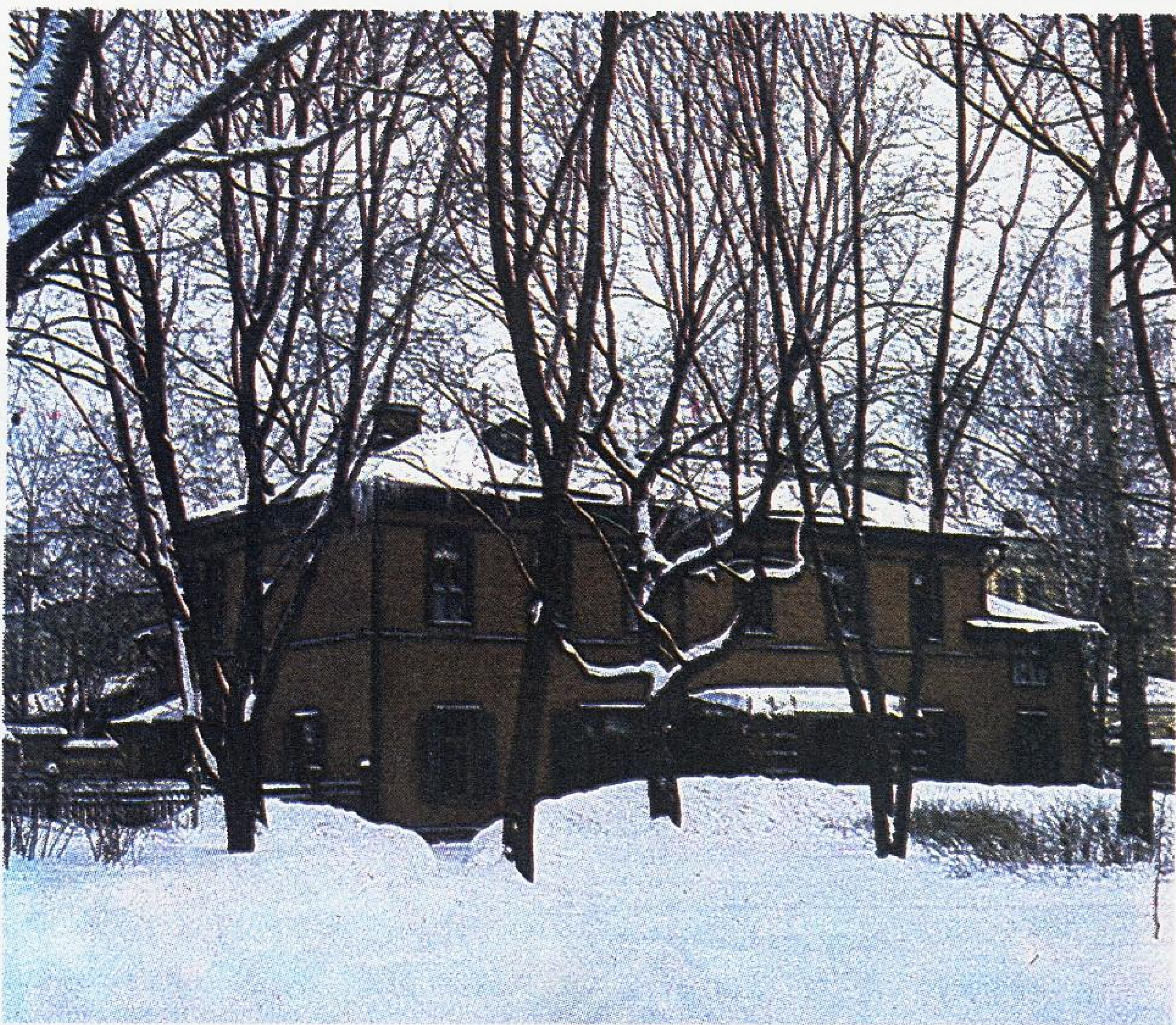
Я спускаюсь по черной лестнице хамовнического дома, прохожу коридором к передней, одеваюсь и выхожу на крыльцо. Знакомая мне собака прыгает по заснеженному двору с мальчишками, кошка сидит на столбе забора.

Суббота. В этот день у Толстых бывали гости. В этот день в музее Л. Н. Толстого особенно много посетителей. И не только взрослых, но и детей. Им еще предстоит в будущем прочесть его главные книги. И воспоминания о музее помогут лучше понять мудрость и простоту, величие и слабость гения Льва Толстого.

Елена СЕЛЕЗНЕВА

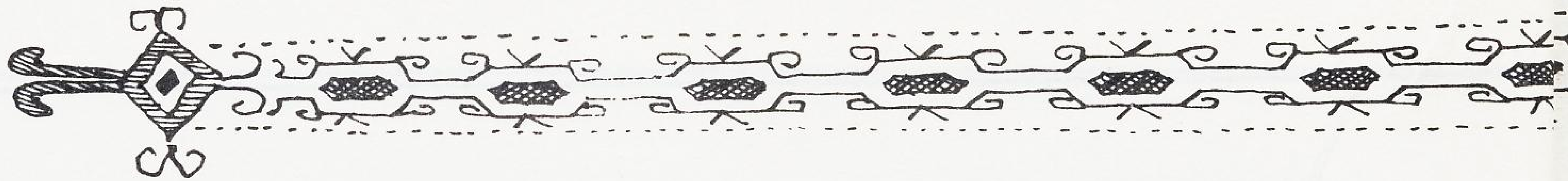

Большая семья Толстых всегда удобно располагалась за обеденным столом.

Дом в Хамовниках ждет новых гостей.

Фотографии В. ДУДКИНА

Габдулла ТУКАЙ

Имя Габдуллы Тукая становится родным для всех татарских детей с самых первых прочитанных ими книг. Его поэзия сопровождает их по жизни, помогая глубже узнать и полюбить отеческую речь, народ, его историю и многовековую культуру.

Габдулла Тукай прожил короткую, трудную, но прекрасную жизнь. Сирота с малых лет, он так и не обрел в жизни тепла родного очага, жил и творил в номерах дешевых гостиниц. Но в высоком смысле домом его стала вся Татария, родителями — весь народ, думы и надежды которого он так светло, вдохновенно, глубоко и музыкально выразил в стихах и поэмах. Своими учителями в поэзии Тукай назвал Пушкина и Жуковского, а истоки его подлинно народной, иногда резко сатирической поэзии — в татарских народных песнях, пословицах, частушках.

В этом году столетие со дня рождения Габдуллы Тукая празднуется по решению ЮНЕСКО во всем мире.

Равиль Бухараев

К столетию со дня рождения великого татарского поэта 1886—1913

На русской земле

Наш след не померкнет на русской земле.
Мы — как отраженье в зеркальном стекле.
В лад жили и пели мы с русскими встарь,
свидетельством — нравы, привычки, словарь.
Мы с русским народом сроднились давно,
во всех испытаньях стоим заодно.

Такого родства никому не избыть,
нас крепко связала истории нить!
Как тигры, сражаемся в битвах войны,
как кони, работаем в мирные дни.
На счастье с народом любым наравне
имеем мы право в родимой стране!

Перевел с татарского Равиль Бухараев.

Дождь и Солнце

Сказало Солнце: «Буду век светить,
Совсем не буду с неба уходить».

Ответил Дождь: «Я буду день за днем
Все заливать потоками кругом».

Сказало Солнце: «Но ведь ты — вода,
В грязь превращаешь землю ты всегда.

Одно ты знаешь — лить: ручьи текут,
Распутицу рождая там и тут.

Хлеба в полях гниют, скудеет дол,
И молится мужик, чтоб ты не шел».

А Дождь в ответ: «Ты ото дня ко дню
Все жарче — хлеб сжигаешь на корню!»

От гнева Солнце запылало зло.
Пыланье все границы перешло.

Сказало Солнце: «От моих лучей
И плод, и свет земле обширной всей».

Ответил Дождь: «Уж если ты плоды
Растишь, то как расти им без воды?

Идти не буду, влагу принося,—
Повысохнут сады и зелень вся».

Они так долго спорили в пылу,
Так друг на друга сыпали хулу,

Что под конец решили слово дать
Бесплодный спор не продолжать.

Они решили дело так вести,
Чтоб каждый был в почете и в чести.

Да будет Солнце в свой черед пылать,
Дождь в свой черед свой дар ниспосылать!

И Дождь, и Солнце с тех далеких пор
Не нарушают этот уговор.

Перевел Владимир Соколов.

Утро

Утро. Пробужденья срок.
Заалел уже восток.
Солнце встало, и на землю
Хлынул солнечный поток.

Город, улицы, ряды,
Ближний лес, поля, сады,
Горы — заливает светом,
Как потоками воды.

Просыпается народ,
Поспешает из ворот.
А над ним взмывает в небо
В стаях быстрых птичий род.

В это время детвора
Выбегает со двора.
Книжки в ранцах за спиною,
На учебу им пора.

Перевел Марат Акчурин.

Забавный ученик

— Стой, Акбай, на задних лапках, поучись-ка, послужи!
Ну, не падай! Ну, не падай! Спину ровненько держи.

— Мне учение — в мученье! Я же маленький — смотри!
Сколько от роду мне... Месяц? Или два? А может, три...

Мне ли службой заниматься, мне бы, хвост задрав, помчать!
Мне б на травке поваляться, научиться бы рычать.

Глупый пес не разумеет — нет уж, сызмала учись!
Кости к старости твердеют, не согнешься, как ни гнись!

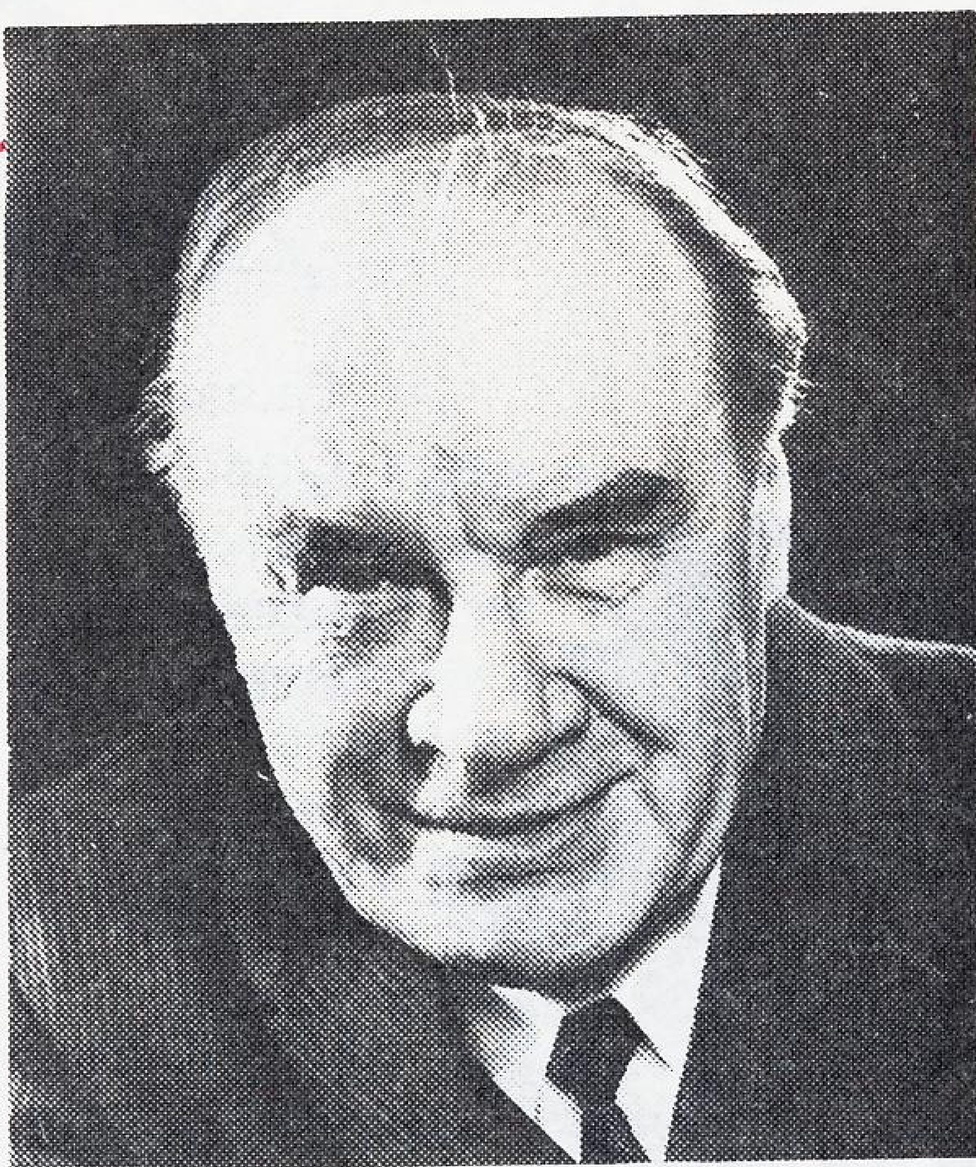
Перевела Алла Ахундова.

Рисунок А. БОРИСОВА.

ПИСАТЕЛИ НАШЕГО ДЕТСТВА

Николай Носов

(1908—1976)

«...Шляпа вылезла на середину комнаты и остановилась...» Каждый из нас, кто прочел первые строчки рассказа «Живая шляпа», уже не мог остановиться. Ни от дальнейшего чтения, ни от хохота. Занимательной и веселой оказалась история, рассказанная писателем Николаем Носовым. Нам всегда очень легко было представить себе героев книг Николая Носова и все, что происходит с ними. Такие они — и Коля Синицын, и Витя Малеев, и Незнайка, и множество, множество других — были живые, ни на кого не похожие. Недаром художники любили делать картинки к книгам Носова! Читаешь его книгу, и в ней все так ярко, ну просто как в кино! Но при чем тут кино? А оно, оказывается, при чем...

Николай Николаевич Носов родился в Киеве в семье актера. И после окончания школы, после того, как поработал на кирпичном заводе, поехал в Москву учиться во Всесоюзный институт кинематографии. А окончив институт, много лет работал кинорежиссером. Он делал и документальные фильмы, и «мультики». Рассказы и сказки Николая Носова так и просятся на экран или на сцену. Неудивительно, что по произведениям Николая Носова было поставлено девять художественных фильмов, а много пьес по книгам Носова ставились и продолжают ставиться в детских театрах нашей страны.

Но огромный успех книг Носова объяснялся не только тем, что он долго проработал в кинематографе и принес в литературу стремительность и яркость, свойственные этому искусству. Чтобы стать детским писателем надо — прежде всего! — любить и знать детей. Николай Николаевич Носов в жизни был немногословным, редко улыбающимся человеком. Но в нем жила огромная любовь и интерес к детям. К их личностям, к их жизни дома и в школе, к тому, что они любят. Носов был уверен, что детям нравится, чтобы в книгах было интересно и весело. Он так и писал свои книги. В них мальчики и девочки невероятные придумщики, даже озорство их такое смешное, что трудно на них долго сердиться...

Это интересно читать не только детям, но и взрослым, — всем! Повесть Николая Носова «Витя Малеев в школе и дома» была напечатана сначала не в «Мурзилке», а в самом что ни на есть «взрослом» журнале «Новый мир». За эту повесть писатель был удостоен Государственной премии СССР, и еще при его жизни книга была переведена на 23 языка народов зарубежных стран. А потом Николай Носов начал писать сказку. Даже не просто сказку, а — как он назвал — «роман-сказку». И герой этой сказки — Незнайка — мгновенно стал любимцем миллионов детей сначала в нашей стране, а потом и во многих-многих странах мира. «Приключения Незнайки и его друзей», а затем «Незнайка в Солнечном городе» и «Незнайка на Луне» — до сих пор одни из наиболее любимых и читаемых детьми книг.

В этой большой сказке автомобили работают не на бензине, а на газированной воде с сиропом... И обитатели неведомых миров, куда попадают Незнайка с друзьями, передвигаются на каких-то спиралеходах и турболетах... Дружная компания Незнайки сталкивается с такими малосимпатичными персонажами, как судья Вригль, богач Спекулярфильд, мошенник Жулио... И живут они в городах Брехенвальд, Давилон, Грабенберг. Все персонажи этих книг сказочные, но в то же время и очень похожие на живых, таких, про которых мы читаем в газетах и книгах. Да и Незнайка с его друзьями, как бы странно и сказочно они ни выглядели, очень смахивают на самых обычных советских школьников. Тех, о ком Николай Носов писал в книгах «Тук-Тук», «Веселая семейка», «Дневник Коли Синицына» и других.

Николаю Николаевичу Носову нравилось, когда его называли «выдумщиком». Он любил выдумывать и любил тех, кто способен на выдумку. И недаром он одну из своих любимых книг назвал «Фантазеры».

Некоторые критики считали, что Николай Носов очень любит все необыкновенное, все сказочное. Но разве это уж так плохо? Наверное, Николай Носов всегда помнил слова, которыми кончается пушкинская «Сказка о золотом петушке»: «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок».

Л. РАЗГОН.

Сказки-программы

На следующий день, когда Сережа перед сном вызвал Чипа и они немножко поиграли в салочки-считалочки, Сережа попросил:

— Чип, а ты сказки какие-нибудь знаешь? Я так люблю сказки, даже совсем глупые, для малышей.

Чип задумался.

— Сказку? Нет, это работа для суперкомпьютера, вот тот может хоть сто тысяч сказок в секунду рассказывать.

— Да куда мне столько, мне и одной хватит. Ну, пожалуйста, Чипка, я очень тебя прошу. Попробуй, может, что-нибудь получится. Ты такой умный!

— Что ж,— Чип был явно польщен,— сказку, говоришь? Ладно, попробуем, только это будет не сказка, а сказка-программа. Ручка есть? Записывай.

И вот что продиктовал Чип.

РЕПКА. Сказка-программа для детей младшего и среднего школьного возраста, особенно для тех, кто занимается в кружке юных программистов.

Глава № 1. Жили-были:
жилец № 1 = Дедка,
жилец № 2 = Бабка,
жилец № 3 – Внучка,
жилец № 4 = Жучка,
жилец № 5 = Кошка,
жилец № 6 = Мышка;

Глава № 2. ПОСАДИЛ ДЕД РЕПКУ. ВЫРОСЛА РЕПКА БОЛЬШАЯ-ПРЕБОЛЬШАЯ. СТАЛ ДЕД ЕЕ ТЯНУТЬ. ТЯНЕТ-ПОТЯНЕТ, А ВЫТЯНУТЬ НЕ МОЖЕТ.

Глава № 3. Сейчас номер жильца N=1, а потом он будет меняться.

Глава № 4. Вспомните, чему равняется N, и к этой цифре прибавьте 1.

Глава № 5. ПОЗВАЛ ЖИЛЕЦ N—1 ЖИЛЬЦА N (ПРЕДЫДУЩИЙ ЖИЛЕЦ СЛЕДУЮЩЕГО ЖИЛЬЦА).

Глава № 6. ТЯНУТ-ПОТЯНУТ.

Глава № 7. Если N=6, то переходите к главе № 10, иначе читайте дальше.

Глава № 8. А ВЫТЯНУТЬ НЕ МОГУТ.

Глава № 9. Возвращайтесь к главе № 4 и читайте следующие за ней главы.

Глава № 10. ВЫТЯНУЛИ РЕПКУ!

Глава № 11. Конец сказки.

— Что же это за сказка? — воскликнул Сережа в недоумении.— Чепуха какая-то! Ой, изви-

ни, Чип, я хотел сказать, что сказка очень интересная, но только непонятная.

— Что же тут непонятного? — проворчал Чип.— Все понятно. Делай, что написано маленькими буквами, и читай, что написано большими, и получится сказка. Вот написано N=1, значит, запомни, что сейчас N равно 1. Написано — прибавь 1 к N, значит, посмотри, чему сейчас N равно, и прибавь 1. Было 1 — станет 2, потом, когда второй раз вернешься к главе № 4, будет 2, а станет 3. А вместо слов «жилец № такой-то» читай его имя по списку жильцов. Значит, на этот раз уже не дед бабку, а бабка внучку позовет. Теперь понял?

— Ну-ка, ну-ка,— до Сережи наконец все дошло.— Ох, как здорово! Значит, пока до жильца № 6, то есть до мышки, очередь не дойдет, я все буду возвращаться и возвращаться, и все новые жильцы будут репку тянуть. А на мышке все кончится, так заранее и рассчитано. Послушай, Чип, а ведь так можно хоть сто жильцов взять, и сказка длиннее не станет, только вместо 6 надо будет всюду сто писать.

— Вот сейчас,— провозгласил Чип торжественно,— ты понял самое главное в программировании: цикл. Все идет по кругу, только жильцы прибавляются. Так зачем много раз одно и то же писать? Для этого и придуман цикл. Здесь цикл на мышке кончается, а бывает и бесконечный цикл, только его все компьютеры как огня боятся. Вот, например, сказка про попа и его собаку. Кстати, попробуй-ка напиши ее в виде программы.

— Сейчас попробую,— ответил Сережа. Он сел за стол и через пару минут написал:

ПОП И СОБАКА

Глава № 1. У ПОПА БЫЛА СОБАКА, ОН ЕЕ ЛЮБИЛ.
Глава № 2. ОНА СЪЕЛА КУСОК МЯСА.
Глава № 3. ОН ЕЕ УБИЛ. И В ЗЕМЛЮ ЗАКОПАЛ.
Глава № 4. И НАДПИСЬ НАПИСАЛ:
Глава № 5. Если не надоело, возвращайтесь к главе № 1, иначе отдыхайте.
Глава № 6. Конец.

— Ого,— улыбнулся Чип,— да ты, я вижу, прирожденный программист. Пожалел компьютер и вставил условие «если не надоело» в пятой главе. Сделал лазейку из бесконечного цикла. Значит, если надоело, то можно отдохнуть.

— Знаешь, Чип, только мне эта сказка совсем не нравится. Разве можно собаку мучить? Ну, наказал бы, а то сразу убивать. Давай ее спасем!

— Давай,— охотно согласился Чип.— Пусть тот, кто читает, сам выбирает для собаки наказание. Вот заменим главу № 3 на такую:
«Глава № 3. ОН ЕЕ НАКАЗАЛ».

Теперь, перед тем, как читать сказку, надо выбрать наказание. Ну, скажем:
наказал=отругал и не дал мороженого,
или
наказал=отшлепал и запер на час в чулане.

Кстати, такая программа, в которой можно что-то определять по желанию перед тем, как пользоваться, называется подпрограммой. А то, что надо определять, пишется в скобках после названия. Значит, мы сейчас написали сказку-подпрограмму

ПОП И СОБАКА (наказал)

А когда будешь ее читать, можешь вставить, что хочешь, ну хоть

ПОП И СОБАКА (поцеловал)

Видишь, здесь вставлено то, что надо читать вместо слова «наказал».

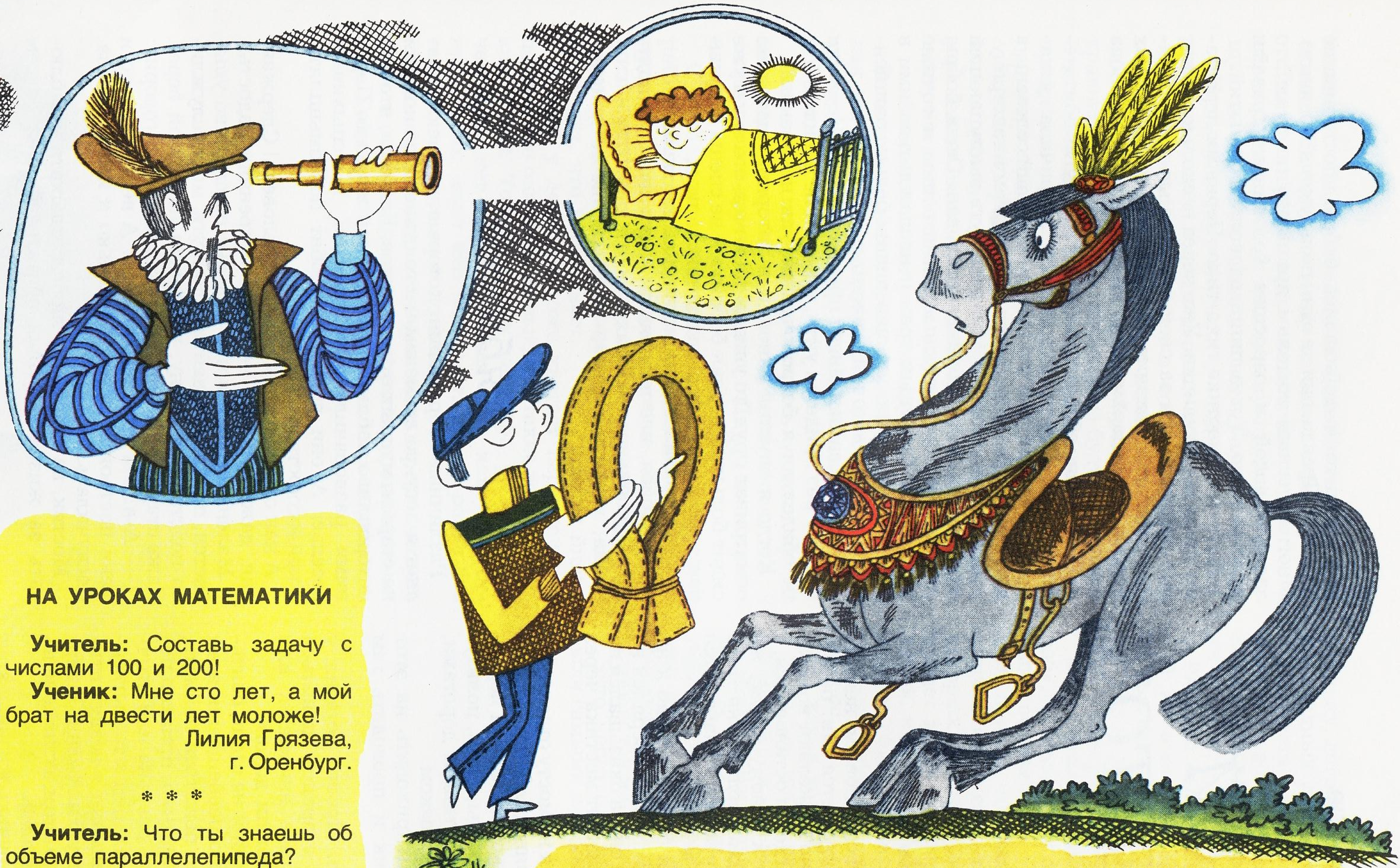
Ладно, спокойной ночи, мне пора. Завтра еще поиграем, хорошо?

ОТ РЕДАКЦИИ: Дорогие ребята! Чип и вам дает задание: составить программу для сказки «Теремок». Самая лучшая и правильная программа будет напечатана в журнале. Ждем ваших писем.

Рисунки Л. НАСЫРОВА.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель: Найди глагол настоящего времени в предложении «Девочка идет в магазин»!
Ученик: Девочка!
Учитель: В таком случае как будет выглядеть это слово в будущем времени?
Ученик: Тетенька!

Сергей Артамасов, г. Душанбе.

* * *

Учитель: Составь предложение с частицей «не»!
Ученик: Не знаю!
Учитель: За находчивость — молодец, за то, что не знаешь, — двойка!

* * *

Учитель: Приведи пример прилагательного в сравнительной степени!
Ученик: «Один стол был деревяннее другого»!

Сергей Чусманов, г. Челябинск.

НА УРОКАХ МАТЕМАТИКИ

Учитель: Составь задачу с числами 100 и 200!
Ученик: Мне сто лет, а мой брат на двести лет моложе!

Лилия Грязева, г. Оренбург.

* * *

Учитель: Что ты знаешь об объеме параллелепипеда?
Ученик: Это что-то такое круглое!!!

Лена Хорева, г. Кондопога.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учитель: Когда Колумб открыл Америку?
Ученик: Не помню, я в это время болел...

Ирина Чусова, г. Дубна.

Из школьных сочинений

«Мальчик увидел что-то вкусное и облизался до ушей».
«Она была красивая и ходила на ушах с серьгами».
«Его куртка была пришита к заплаткам».
«Дверь была закрыта нараспашку».
«Сережа ударился о стенку углом головы».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Василий ТОКМАКОВ

ЛЕСНОЙ ПЕРЕКРЕСТОК

РАССКАЗЫ

Мостик

Когда начинаешь знакомиться с новым, неизвестным тебе лесом, то часто получается так: разведывательные маршруты упорно не желают возвращать тебя обратно в деревню, где ты остановился, а все время выводят и выводят к одному и тому же приметному месту. Сперва я даже сердился на это, а потом догадался: такое место всегда оказывается одним из самых интересных в лесу.

Так было и на этот раз. Как бы тщательно я ни планировал дневной поход, как бы ни сверялся во время пути по карте, я снова и снова оказывался на широкой песчаной дороге вблизи от мостика через лесной ручей Воймеж.

Всякий раз я останавливался на мосту отдохнуть, и скоро стало ясно, что лес приводил меня сюда не случайно. Это место было большим лесным перекрестком. Ведь звери совсем как мы, люди, пользуются водными путями и сухопутными дорогами, часто даже проложенными человеком.

В конце концов я стал сам приходить на этот маленький деревянный мостик и проводить там целые вечера.

Специально я не прятался. Просто вставал у крепких деревянных перил, стараясь двигаться плавно и не привлекать к себе внимания, или садился рядом на высокой насыпи дороги.

Мне почему-то сразу поверили и не стали бояться. Так бывает, когда мысленно пообещаешь всем зверюшкам не обижать их, не пытаться поймать, потискать, лишить свободы. Конечно, приятно подержать в руках какого-нибудь зверька или птичку, прикоснуться хоть одним пальцем к таинственным перышкам, которые поднимают в воздух птицу, накрыть ладошкой разогретую на солнце ящерку. Но не стоит даже думать об этом, если хочешь завоевать доверие лесных жителей.

И все же, когда я выхожу к ручью, жизнь вокруг замирает, затаивается, хоть и ненадолго.

Поначалу меня даже обманывала эта тишина.

— Что ж,— думал я.— Раз никого нет, пойду-ка и я восвояси.

И уходил.

Но сейчас меня не проведешь!

Вон у самого моста от кочки к кочке тянется сооружение из ила и глины, травы и мелких веточек. Точь-в-точь такие запруды устраивают мальчишки весной на несущихся вдоль городских тротуаров потоках. Только здесь плотина перегораживает не маленький ручеек, а вполне солидный лесной ручей. Видимо, когда-то тут был луг. Теперь на его месте образовался большой, поросший осокой пруд.

А этого-то и добивались бобры, построившие плотину. Правда, они не одни пользуются водоемом. Многим лесным жителям пришлось по душе это залитое водой и заросшее болотными травами пространство. Тут и пищи вдоволь и укрытий.

Я стою на мостике тихо-тихо. Первыми перестают прятаться кулички. Уже через несколько минут они принимаются за свои прерванные дела, начинают бегать, покачиваться на своих тоненьких ножках, перепархивать с места на место и снова бегать.

Постепенно обнаруживают себя и другие обитатели пруда. Где-то неподалеку закричала утка-кряква, и к ней уже плывет прекрасный селезень, а вот и она сама появляется из осоки ему навстречу.

Совсем недалеко от моста на чуть выступающей из воды кочке — бобриная столовая. Сюда бобры любят приносить вкусные ветки осины и сочные корневища болотных трав и наслаждаться ими в безопасности. Мне хорошо видны белые, очищенные от коры веточки, лежащие у воды.

Но где же сами хозяева пруда — бобры? Неужели и в этот раз придется уйти, так их и не повидав? Уж не обидел ли я бобров чем-нибудь ненароком?

Когда я опустил бинокль, в который тщательно осматривал пруд, то увидел: на кочке-столовой уже сидит большая черная бобриха и не спеша закусывает, держа что-то в передних лапках.

Я пошевелился, она взглянула на меня.

«Не бойся, все в порядке»,— поспешил я подумать, успокаивая бобриху.

«Да, все в порядке»,— ответил мне ее понимающий взгляд.

Рябинка

Различные сооружения, которые человек оставляет в лесу, со временем часто становятся похожи на старых, мудрых отшельников. Кажется, что они неторопливо наблюдают за лесной жизнью. Перед ними разворачиваются трагедии, и вспыхивает веселье. А они вроде бы любят поразмышлять, пофилософствовать...

А как они радуются приходу человека! Сдержанная, даже суровая, но такая искренняя радость!

Маленькое охотничье зимовье приветливо улыбается, приглашая зайти отдохнуть, мост услужливо подставляет спину, провожая на другой берег. Даже старая геодезическая вышка в тайге говорит:

— А-а! Ты пришел, человек! А ведь когда-то и меня построили люди. Давненько я их не видела. Соскучилась.

Мостик, на котором я любил отдыхать и наблюдать за жизнью лесных обитателей, был совсем

молодым. Он не привык к одиночеству и очень скучал. Наверно, поэтому он завел себе друга.

Еще в первый день знакомства с мостом я обратил внимание на молоденькую рябинку, растущую на песчаной насыпи совсем рядом с мостом.

«Пожалуй, они ровесники»,— подумал я, разглядывая молодое, нежное деревце-подросток.

Я представил себе, как в тот год, когда был построен мостик, сюда попало маленькое семечко, и на следующее лето из него выбилась махонькая травиночка, совсем не похожая на будущее дерево. Уцепилась за землю тончайшими корешочками и принялась расти. К осени всем уже стало ясно: родилось новое деревце.

И еще я представил себе, как там, в глубине, корни рябины обхватили бревна моста, и теперь уже нельзя ни выкопать дерево, чтобы не повредить мост, ни мост сломать, а рябину не тронуть.

— А ведь это значит, что они друзья,— подумал я.

Взглянул на них и сразу понял, что угадал. Да и как им было не подружиться: юному деревцу и мостику через лесной ручей, молодому и одинокому.

Вот какая история сочинилась у меня ярким весенним днем. Может, это действительно так, а может, я все просто придумал... Да это не так уж и важно.

С того дня я стал здороваться с маленькой рябинкой, потихоньку приглядываться к ней, думать об этом симпатичном деревце. И так уж в жизни устроено, что когда о ком-то много думаешь, то начинаешь хорошо понимать и знаешь, что он чувствует, что переживает.

А ведь у деревьев тоже хватает переживаний, потому что они тоже живые, они такие же земляне, как и мы. Только у них нет дара речи, как у человека, нет выразительных глаз, как у животных, и их мало кто понимает, кроме разве что старых садовников и лесников.

Так вот, мне показалось, что мое деревце чего-то ждет, и страшится этого, и гордится одновременно.

— Тебя никто не обидит,— пытался я утешить рябинку, дотрагиваясь до маленьких, по-весеннему прохладных листочков.

Но ответа я не добился до того самого дня, когда увидел ее всю в мохнатых шапочках соцветий, на которые со всех сторон спешили различные бабочки и мухи.

Рябинка была счастлива.

Я не очень люблю запах цветов рябины, но сейчас, сейчас это было просто благоухание. Деревце стояло притихшее, радостное, гордое тем, что может накормить нектаром множество насекомых.

«Она стала взрослой, она зацвела в первый раз»,— подумал я и поздравил ее с этим удивительным событием.

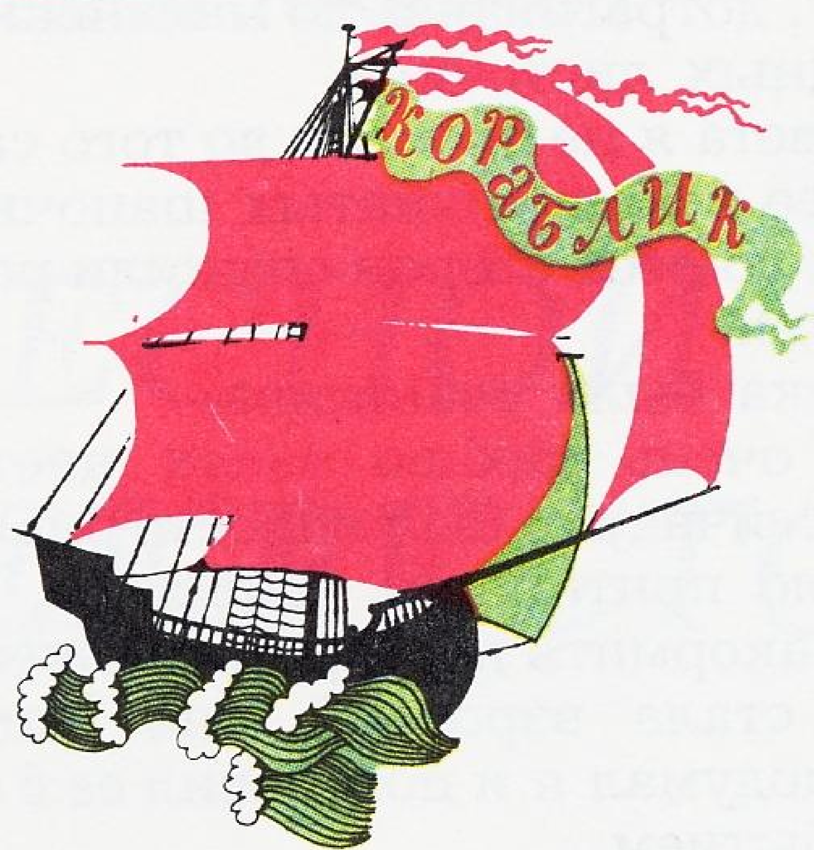
Я понял, что рябинка уже мечтает о своих созревших ягодах, о стаях дроздов и свиристелей, которых она накормит ими, о кунице, и как она придет к ней подлечиться ягодами перед суровой зимой, и даже о большом буром медведе, который хоть и обломает ветку-другую, но зато радостно заурчит, объедая вкусные подмороженные рябинины.

Но какая досада!

Этот год, год ее первого цветения, оказался для рябин неурожайным. Ни единой ягодки на них не завязалось. Взрослые рябины не очень-то расстраивались, они знали, что придет «рябиновый год», украсит их тяжелыми гроздьями. Но на молоденькую рябинку было грустно смотреть. Она стояла печальная, неуверенно перебирая веточками, на которых так и не появились долгожданные ягоды...

Зато через год, в рябиновый урожай ее ягоды были самыми сладкими и сочными во всей округе.

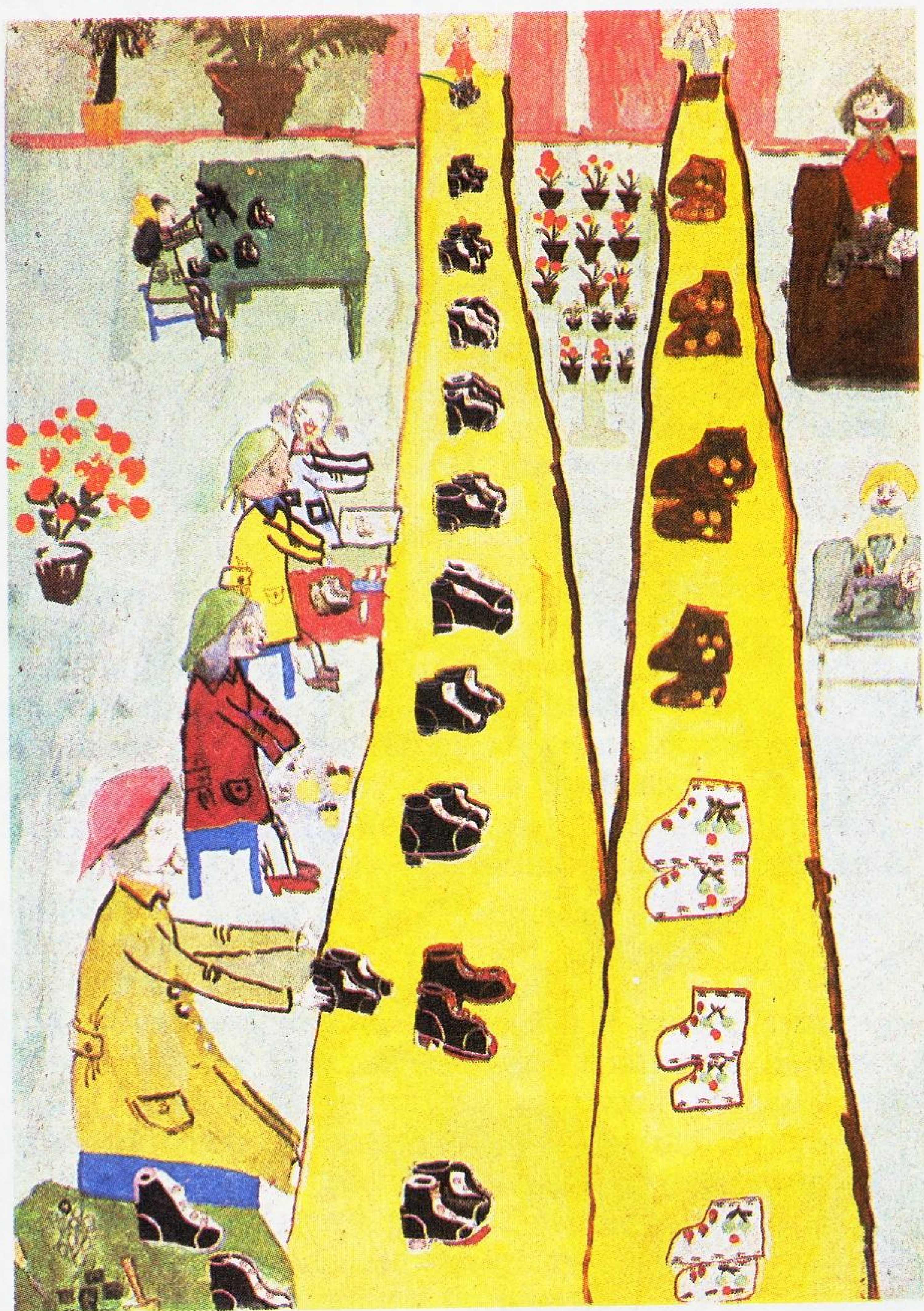
Светлане МАРКОВОЙ 13 лет. Она живет во Владимире, учится в 6-м классе школы № 16. Все, что Светлана видит вокруг, все, что чувствует, переживает, превращается у нее в стихи. Мир ее поэзии очень широк. На борту «Кораблика» — несколько ее стихотворений.

Портрет Ильича

Доброе лицо у Ильича,
Добрые морщинки возле глаз.
Я на этот ленинский портрет
В день могу смотреть по многу раз

«У МАМЫ НА РАБОТЕ» — *так назвала свой рисунок* Лена ШПАРВАРШ *из Орла. Лене 10 лет.*

Играют в снежки солдаты

Играют в снежки солдаты,
Да так, что шапки слетают.
Ложатся на снег примятый
И из засады кидают.

А я вспоминаю хронику,
А я вспоминаю книжки —
В очень похожих окопах
Лежат другие мальчишки.

Очень похожие позы,
И на вид такой же азарт.
Но в ту пору — злые морозы
И приказ: «Ни шагу назад!»

Железно движутся танки,
Туполобые и слепые.,
«Спокойно, ребята, без паники,
За нами стоит Россия!»

И, словно битой увесистой
Они городки сбивают,
Прячась за складками местности,
Связки гранат кидают.

Мне нравятся наши солдаты,
Похожие на мальчишек,
Хочу, чтобы их не состарили
Сполохи атомных вспышек.

Читаю о Куликовской битве

Плащ багряный на плечах Донского,
След кровавый на траве степной.
Шесть веков та битва Куликова
Пламенеет в памяти людской.

Каждый, кто о ней преданье слышит,
С ней сверяет силы и судьбу.
Каждый знает, что нет чести выше,
Чем стоять за Родину свою.

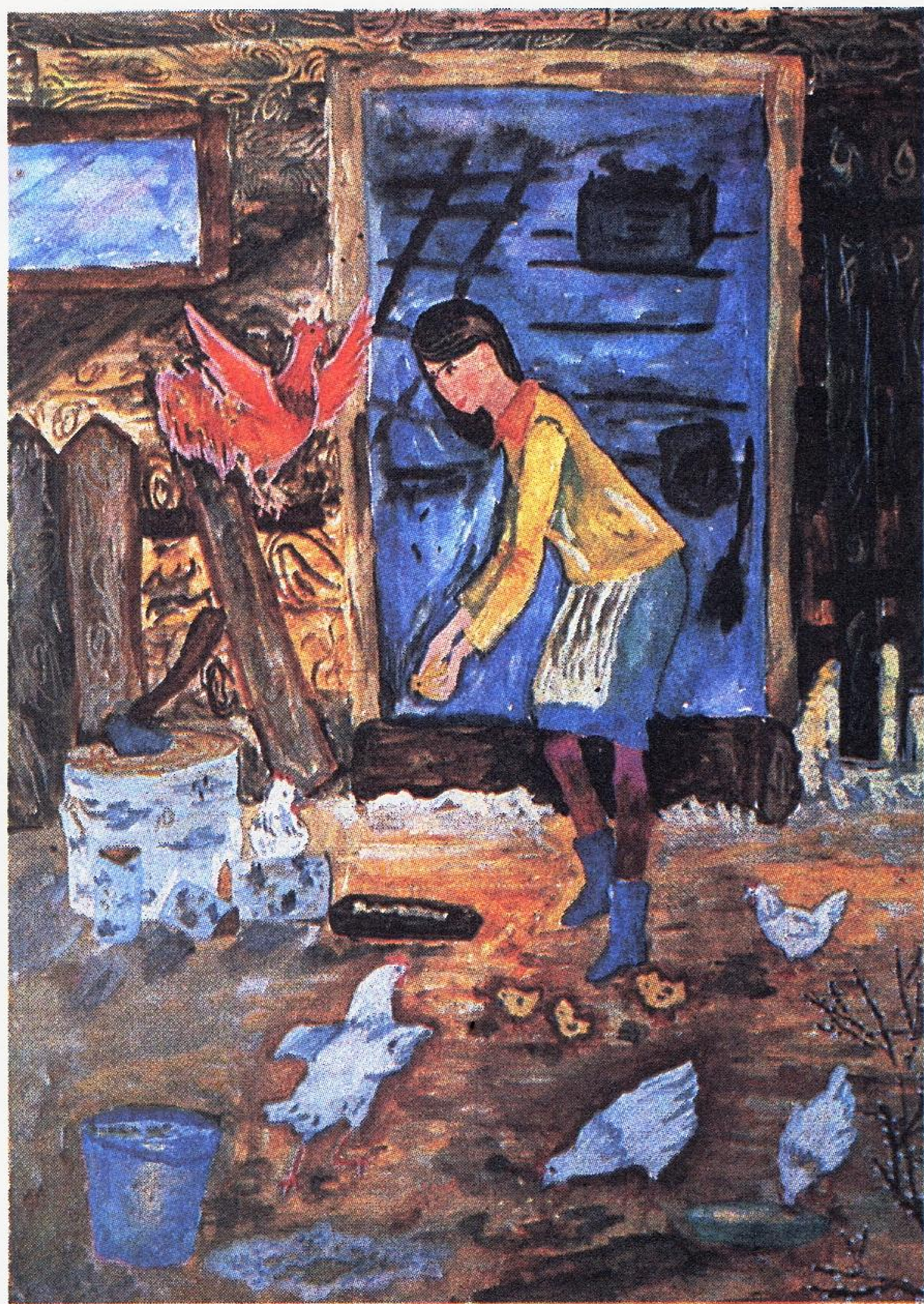
Если б увидать возможно было
Пересвета светлое лицо,
Если б увеличить хоть своею силой
Рать изнемогающих бойцов!

Плащ багряный на плечах Донского,
След кровавый на траве степной.
Шесть веков та битва Куликова
Пламенеет в памяти людской.

Владимир

Владимира гордые кручи.
И башен свободный полет.
И ветер упругий, певучий,
Как друга меня узнает.

И сердцем, счастливым от сини,
От золота и белизны,
Люблю я сейчас всю Россию,
До дальней сибирской избы.

«НА ПТИЧЬЕМ ДВОРЕ» — *работа Лены* КУЗНЕЦОВОЙ, *12 лет.*

«УКРОТИТЕЛЬНИЦУ ЛЬВОВ» *нарисовала восьмилетняя Люба* КУЗЬМИНА.

Мои заботы

Запах краски щекочет ноздри.
Нетерпенье щекочет сердце.
Мама с папой приходят поздно,
Я успею докрасить дверцу.

Станет дверца белее снега.
На столе забелеет скатерть.
Чай согрею, нарежу хлеба
И украшу салат на зависть.

Мне сегодня милы заботы.
Пусть весеннее солнце дразнит.
Мама с папой придут с работы
И увидят, что дома — праздник.

Кораблик

Я ношу кораблик в кармане.
Мы с корабликом очень дружны,
Но он просится в дальние страны
По весенним ручьям и лужам.

У ручья я на корточки сяду,
Отпущу кораблик на волю.
Попрошу: «Уплывай, но не сразу,
Поиграй немного со мною!»

И мы с ним в «догонялки» играем.
А когда он совсем уплывает,
Я долго ищу среди льдинок
Алый парус из лоскутка.

И домой бреду еле-еле,
И, увидев, пугается мама:
— Ну, где же ты так промочила
Руки, ноги и даже глаза?

Сосульки

Зимы заплаканной ресницы,
Весны веселой бубенцы.
Под каждой крышей вереницей
Сосулек острые концы.

И неподвижность, и паренье,
Тепло и холод, взлет и плен,
Всегда контрастов единенье,
Всегда — как символ перемен.

В кают-компании «Кораблика»

Неповторим художественный образ

Юнга: Предлагаю взять на борт два стихотворения о лыжниках. Одно написал Ваня Забелкин, другое — Андрей Морозов.

Боцман: Зачем же брать два одинаковых стихотворения? Прежде, чем предлагать, подумайте, юнга.

Капитан: Прошу вас, юнга, прочитать стихи.

Юнга:

Стремительный полет
Прямой лыжни-стрелы.
За горкой — поворот
И снова прямо мчи.

Я все быстрей бегу,
И, если оттолкнусь,
В неведомые дали
Я мигом унесусь.

Узкою лыжнею
Перерезан лес.
Тянется струною
Прямо до небес.
Как гимнаст воздушный,
По струне иду...

Это я рисую,
Кисточкой вожу.

Капитан: В первом стихотворении лыжня — образ скорости, полета. Во втором — воплощение мечты о лыжной прогулке.

Юнга: И образы лыжников разные: один стремительный и нетерпеливый, второй задумчивый, неторопливый.

Капитан: Как видите, боцман, художественные образы в стихах не повторяются.

Юнга: Наверное, оттого, что люди по-разному видят, чувствуют, и художественные образы неповторимы.

Капитан: Они-то и делают стихи непохожими, хотя тема у них одна.

Боцман: Не понимаю, о каких образах вы говорите? В стихах не сказано о них ни слова.

Капитан: Художественный образ, дорогой боцман, это способ изображения чувств и мыслей поэта.

Юнга: Ваня, наверное, любит скорость и рассказал об этом в образах «стремительного полета», «лыжни-стрелы». Андрей, возможно, человек мечтательный, фантазер. У него и образы другие: лыжник представляется ему воздушным гимнастом, лыжня — натянутой струной.

Боцман: Зачем же говорить загадками? Нельзя ли писать без этих образов?

Капитан: Стихи как раз интересны своей необычностью, неожиданностью, а иногда загадками.

Юнга: Образы хороших поэтов можно разгадывать всю жизнь.

Капитан: Поэтому нам никогда не надоест перечитывать стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева... С годами все больше нового и неожиданного открывается каждый в их поэзии.

Дорогие читатели! Расскажите о поэтах, которых любите перечитывать. Напишите, какие художественные образы вам запомнились.

Бортжурнал ведет Н. ДАВЫДОВА.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
Легендарный старт. — Рисунок Н. Доброхотовой.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.02.86.
Подписано к печати 17.02.86.—07.03.86. А 01925. Формат $84\times60^{1}/_{8}$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 860 000 экз. Изд. № 615. Заказ № 2414.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА

Инна ГАМАЗКОВА

Снежный мальчик

ЮМОРЕСКА

Прибегает ко мне Ваня Григорьев — весь вытаращенный!

— Ты здесь сидишь, а они его поймали, а он опять убежал! И, может, сейчас где-нибудь тут ходит, понял? — И Ваня подмигнул изо всех сил сперва одним глазом, а потом другим.

Только я все равно ничего не понял. Но потом он мне все как следует рассказал: оказывается, передавали, что где-то в горах, в пещере, нашли снежного человека! И главное, этот человек оказался мальчиком! И он совсем дикий, а воду пьет прямо из лужи.

— Ему, — говорит Ваня, — лет восемь или десять, а читать и писать не может. Ну, понимаешь, совсем дикий. И вот они его сюда привезли, стали учить, а он сбежал и сейчас где-то по улицам бродит. Его срочно найти нужно, пока чего-нибудь не натворил или под машину не попал: по улицам ходить он тоже не умеет!

— Ну, это ерунда, — говорю я, — его в один миг поймают. Он же в шкуре какой-нибудь бегает...

— В том-то и дело, — кричит Ваня, — что его подстригли, помыли, одели, от нас с тобой не отличишь!

Тут я понял, что надо делать, схватил мамин театральный бинокль и выскочил на балкон. Гляжу: он! Мимо нашего дома бежит, через всю площадь, прямо на красный свет!

— Григорьев, — командую, — за мной! Мы его спасем!

Подбегаем, хватаем за руки.

— Это ты?

— Я, — говорит.

— Ты, который снежный! Прямо из лужи пьешь и руками ешь?

— Вы что, ненормальные? Пустите меня, я в кино опаздываю!

— Ну, заяц... — говорю я, а Ваня тянет меня за рукав и шепчет:

— Этот не дикий. А вон тот дикий! Точно тебе говорю! Видишь, подземный переход рядом, а он через ограждение лезет, прямо под машины? Дикие всегда так!

Мы — к нему.

— Стой, — кричим, — погоди! Понимаешь, — объясняем, — машины — это тебе не какие-нибудь горные козлы, они железные! Мы понимаем, что ты дикий...

— Сами вы дикие! — обиделся мальчишка. — Я в четвертом классе учусь!

— Мы-то как раз культурные! Через ограду не лазаем, как некоторые!

Махнули мы на него рукой и дальше побежали. Вдруг слышим: машины гудят, люди кричат:

— Стой! Куда! Осторожно!

Прибегаем, а там уже толпа собралась. Мы протолкались, глядим, стоит шофер, что-то милиционеру объясняет, а рядом мальчишка... Люди на мальчишку накинулись:

— Ты зачем выскочил на дорогу? Машины из-за тебя столкнулись! Как раз из-за таких и бывают аварии! Ты куда смотрел?

Тут мы с Ваней заступились:

— Он не виноват, он же дикий. Первый раз в жизни автомобиль видит! Он только-только из пещеры вышел и ничего еще не понимает!

А мальчишка нам не то что «спасибо», а как раз наоборот:

— Вы что? Да я всю жизнь в городе живу, все марки машин знаю!

Ну, тут уж мы разозлились.

— Если такой грамотный, чего ж ты по улицам перед машинами бегаешь, как дикарь какой-то древний? Смотри, что из-за тебя получилось!

Так ему ответили, но все равно настроение уже было не то.

— Ладно, — говорит Ваня, — ты чего надулся? Снежный мальчик не виноват, что они такие. Его не только нам, а всем ребятам надо искать. Когда он найдется, мы ему все объясним. Он постепенно выучится и станет не диким, а вполне культурным.

А я шел и думал: вдруг эти ребята, которые по улицам бегают, как дикари, постепенно-постепенно и умываться перестанут, потом читать-писать разучатся и вообще... одичают? Что тогда делать? На них же и пещер не напасешься...

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Юрий ЛУЦКЕВИЧ

Музей в «Артеке»

Не знаю таких я,
Поверьте, ребята,
В мечтах кто б из нас
Не держал
На трассе межзвездной
Ракеты крылатой
Приказам послушный
Штурвал.

Все это Гагарин
Увидел с трибуны
В глазах пионеров-друзей
И понял: «Артеку»,
Республике юных,
Космический нужен музей.

Помог он ребятам
Собрать экспонаты.
(Почти все «живьем», из ракет!).
Что нужно в полете,
В быту космонавтам:
Приборы,
Еда,
Инструмент.

Учитесь, девчонки!
Учитесь, мальчишки!
В учебе — истоки побед.
С площадки спортивной,
С прочитанной книжки
Старт
освоенья
планет!

Четверть века назад
Услыхал я в апреле
И всем сердцем поверил
Пылкой клятве ребят:
— На года! На века! Навсегда!
Пока живы земля и мечта,
Будет место в строю пионеров
Пионеру космической эры!

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.